GX5320

О. Шолтыс.
или Бутинский.
и Полуторовский.

Бензин - Бензин

И. В. Гримай.

Russian - Jew

Д. С. Бляко

Oct 10 - 1920 г.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/opytnaiapsikholo01gobc

GX5320

J. Гобчанскій.

ОПЫТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ второе изданіе одобрено къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ и удостоено **полной** Макаріевской преміи.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 1 р. 60 к.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина.
С.-Петербургъ, Екатерининская ул., 4. ⊠ Кіевъ, Крещатикъ, 33.
1908

EASTERN

S

So

3660

И. Э. Грингаут

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

§ 1. Опредѣленіе опытной психологіи 1
§ 2. Отличіе опытной психологіи отъ раціональной психологіи и отъ антропологіи. 1
§ 3. Методъ опытной психологіи. 3
§ 4. Источники психологіи. Самонаблюденіе 7
§ 5. Наблюденіе надъ другими людьми. 9
§ 6. Изученіе произведеній, въ которыхъ говорится о психической жизни людей 11
§ 7. Физіологія; ея дѣйствительное значеніе для психологіи и преувеличенное мнѣніе объ этомъ значеніи въ настоящее время. 12
§ 8. Значеніе психологіи самой по себѣ и для рѣшенія дальнѣйшихъ философскихъ задачъ 17
§ 9. Значеніе психологіи для духовно-нравственной и практической жизни 19
§ 10. Раздѣленіе психологіи. 22

СОЗНАНІЕ.

§ 11. Понятіе о сознаніи, какъ общемъ и основномъ свойствѣ душевной дѣятельности 23
§ 12. Условія сознанія 23
§ 13. Единство сознанія. Степени ясности и силы сознанія. . 26
§ 14. Значеніе внѣшнихъ впечатлѣній для возбужденія сознанія. 30
§ 15. Самосознаніе 30

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

§ 16. Главныя душевныя способности. Относительная ихъ самостоятельность и взаимная связь. 35

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Способность познанія.

1) Способность ощущенія.

Стр.

§ 17. Понятіе объ ощущеніи: внѣшнія его условія 39
§ 18 Понятіе о нервной системѣ, въ частности о нервахъ чувствованія и движенія. Ея значеніе для душевной жизни. 41
§ 19. Внутреннія условія ощущенія; неоднородность ощущеній съ физіологическими процессами, ихъ вызывающими 44
§ 20. Степени ощущенія. 45
§ 21. Содержаніе ощущенія. 47
§ 22. Сила ощущенія. 49
§ 23. Тонъ ощущенія. 50
§ 24. Раздѣленіе ощущеній. 52
§ 25. Ощущенія общей чувствительности: органическія въ тѣсномъ смыслѣ и мускульныя 53
§ 26. Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ. 56
§ 27. Чувство зрѣнія, его органъ и физіологическій процессъ. 57
§ 28. Анализъ зрительныхъ ощущеній 58
§ 29. Чувство слуха; его органъ и физіологическій процессъ 60
§ 30. Ощущенія звука и шума. 62
§ 31. Высота, сила и качество звука. 62
§ 32. Значеніе зрѣнія для психической жизни. 64
§ 33. Значеніе слуха для психической жизни 65
§ 34. Сравнительное значеніе зрѣнія и слуха для душевной жизни. 65
§ 35. Чувство вкуса 66
§ 36. Чувство обонянія 68
§ 37. Преимущественное значеніе вкуса и обонянія для тѣлесной жизни 69
§ 38. Чувство осязанія и его виды 70
§ 39. Образованіе представленій о временныхъ свойствахъ предметовъ 72
§ 40. Образованіе представленій о пространственныхъ свойствахъ предметовъ 75
§ 41. Ненормальная дѣятельность чувствъ 79
§ 42. Иллюзіи и ихъ причины 80
§ 43. Галлюцинаціи и ихъ причины 81

2) Способность представленія.

Стр.

§ 44. Понятіе о представленіи и отличіе его отъ чувственнаго ощущенія 83
§ 45. Виды способности представленій 85
§ 46. Способность представленія въ тѣсномъ смыслѣ . . . 85
§ 47. Память 86
§ 48. Воспоминаніе. Законы ассоціаціи. Зависимость воспоминанія отъ чувствованій и воли 89
§ 49. Совершенства и недостатки памяти и воспоминанія; различія памяти по легкости воспріятія и объему, различія воспоминанія по его быстротѣ и вѣрности . . . 93
§ 50. Психическія и физіологическія причины, обусловливающія различныя особенности памяти 95
§ 51. Мнемоника и сужденіе о ней 98
§ 52. Воображеніе и его дѣятельность 100
§ 53. Вліяніе на воображеніе чувствованій и желаній . . 102
§ 54. Фантазія 103
§ 55. Качества воображенія: его достоинства и недостатки. . 104
§ 56. Вліяніе воображенія на дѣятельность прочихъ душевныхъ силъ 106
§ 57. Вліяніе воображенія на органическую жизнь 107

3) Способность мышленія (разсудокъ).

§ 58. Отличіе мышленія отъ ассоціаціи представленій и отношеніе къ послѣднимъ. 109
§ 59. Формы дѣятельности разсудка. 110
§ 60. Законы дѣятельности разсудка. 114
§ 61. Условія образованія разсудка 116
§ 62. Особенныя качества разсудка и его недостатки . . . 117

ЯЗЫКЪ.

§ 63. Низшіе способы выраженія психической жизни: тѣлодвиженія и нечленораздѣльные звуки. 119
§ 64. Словесный языкъ; постепенное его образованіе въ человѣкѣ 121
§ 65. Значеніе языка для мышленія и преимущество его передъ другими способами выраженія психическаго содержанія. 124

4) Способность созерцанія (разумъ).

Стр.

§ 66. Понятіе о разумѣ. Отличіе разума отъ разсудка. Происхожденіе идей. Постепенное ихъ раскрытіе. Основныя идеи разума 126
§ 67. Вліяніе идей на способность представленія, въ частности—фантазію (творчество, изящныя искусства) . . 129
§ 68. Вліяніе разума на разсудокъ 132
§ 69. Вліяніе идей на практическую дѣятельность человѣка . 133
§ 70. Высшія творческія силы—геній и талантъ 133

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Способность чувствованій.

§ 71. Понятіе о чувствованіи. Происхожденіе чувствованія. . 137
§ 72. Элементы чувствованія 140
§ 73. Отличіе чувствованія отъ ощущенія 142
§ 74. Чувствительность и видоизмѣненіе ея подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. 143
§ 75. Зависимость чувствованій отъ органической жизни тѣла. 145

Раздѣленіе чувствованій.

А) Формальныя чувствованія.

§ 76. Ожиданіе и его различные виды 148
§ 77. Чувства перемѣны, неожиданности и изумленія; чувство труда и скуки 152

Б) Предметныя чувствованія.

§ 78. 1) Интеллектуальныя чувствованія 153
§ 79. 2) Эстетическія чувствованія 155
§ 80. 3) Нравственныя чувства и ихъ виды 157
а) Нравственныя чувствованія по отношенію къ собственному душевному состоянію (самочувство). . . . 158
§ 81. Чувство нравственнаго долга и совѣсти. 158

Стр.

§ 82. Чувство собственнаго достоинства, гордость и смиреніе. Чувство чести и славы 161
б) Нравственныя чувствованія по отношенію къ другимъ 162
§ 83. Сочувствіе 162
§ 84. Привязанность и дружба 164
§ 85. Любовь и ея формы 165
§ 86. в) Чувствованія по отношенію къ Богу 167

АФФЕКТЫ.

§ 87. Понятіе объ аффектахъ, ихъ происхожденіе и вліяніе на человѣка. Различіе ихъ отъ страстей. 170
§ 88. Виды аффектовъ. Аффекты гнѣва, радости, страха, печали и стыда 173
§ 89. Значеніе чувствованій для душевной жизни. 176

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Способность желаній.

Формы проявленія способности желаній.

А) Инстинктивныя стремленія.

§ 90. Общій характеръ инстинктивныхъ стремленій: ихъ раздѣленіе 179
§ 91. а) Низшія или органическія инстинкт. стремленія. . . 182
б) Душевныя инстинктивныя стремленія. 184
§ 92. Инстинктъ подражанія. Семейные инстинкты 184
§ 93. Общественные инстинкты въ тѣсномъ смыслѣ. . . . 185
§ 94. в) Духовныя инстинктивныя стремленія. 186

Б) Воля.

§ 95. Желаніе и хотѣніе 187
§ 96. Понятіе о волѣ. Процессъ ея дѣятельности. Рѣшимость. Воля слабая и энергическая. 190
§ 97. Свобода воли и ея границы. Отличіе свободы отъ произвола 193
§ 98. Практическіе принципы дѣятельности воли: удовольствіе, польза, долгъ 196

Стр.

§ 99. Первоисточникъ нравственнаго закона; постепенное раскрытіе этого закона 198
§ 100. Сущность нравственнаго закона. Его всеобщность и необходимость 199
§ 101. Причины уклоненія воли отъ нравственнаго закона. . 201

В) Вліяніе способности желаній на общій строй психической жизни.

§ 102. Склонности. 202
§ 103. Привычка. Понятіе о привычкѣ, ея происхожденіе и значеніе для душевной жизни. 203
§ 104. Страсть. Понятіе о страсти. Виды страстей. Вліяніе ихъ на душевную жизнь. Средства къ борьбѣ съ ними. 206
§ 105. Характеръ. Понятіе о характерѣ, его элементы. Виды характера 209

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

§ 106. Связь души съ тѣломъ и вліяніе на человѣка окружающей природы, какъ главныя условія происхожденія особенностей психической жизни. Вліяніе тѣла на душу. Вліяніе внѣшней природы на человѣка. 212
§ 107. Раздѣленіе особенностей психической жизни 214

1. Постоянныя нормальныя особенности психической жизни.

§ 108. Полъ. Физическія особенности половъ. 214
§ 109. Психическія особенности половъ. 215
§ 110. Выводы. 218
§ 111. Темпераментъ. Понятіе о темпераментѣ и отличіе его отъ характера. Главные темпераменты 219
§ 112. Сангвиническій и меланхолическій темпераменты . . 219
§ 113. Холерическій и флегматическій темпераменты . . . 221
§ 114. Выводы. Темпераментъ и полъ. Измѣняемость темперамента. 223

Стр.

§ 115. Расы и народности. Расовыя и народовыя отличія. Классификація человѣчества 225
§ 116. Характеристика главныхъ расъ 226
§ 117. Вліяніе на человѣка внѣшней природы. Границы вліянія внѣшней природы. Историческія условія 228
§ 118. Наслѣдственность. Понятіе о наслѣдственности. Передача тѣлесныхъ отличій. Передача психическихъ отличій. 231
§ 119. Законы наслѣдственности 232

2. Періодическія нормальныя особенности психической жизни.

§ 120. Возрасты жизни. Младенчество. Дѣтство 234
§ 121. Юность. Зрѣлый возрастъ. Старость. Возрасты и темпераменты. 240
§ 122. Сонъ и сновидѣнія. Характеристика сна 243
§ 123. Причины сна 245
§ 124. Сновидѣнія. Происхожденіе сновидѣній. Внѣшнія чувства. Память. Чувствованія. Воображеніе 246
§ 125. Необыкновенныя сновидѣнія 250

3. Ненормальныя особенности психической жизни.

§ 126. Душевныя болѣзни: а) сумасшествіе или паранойя; б) меланхолія; в) манія. 252
§ 127. г) Идіотизмъ; д) тупоуміе; е) старческое слабоуміе. . 256
§ 128. Причины душевныхъ болѣзней. А) Предрасполагающія причины 258
§ 129. Б) Производящія причины. 262
§ 130. Кратковременныя патологическія душевныя состоянія. Экстазъ; сомнамбулизмъ 263
§ 131. Гипнотизмъ 265

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Опытною психологіею называется наука о душевной жизни человѣка, т.-е. о явленіяхъ познанія, чувствованія и желанія, непосредственно открывающихся во внутреннемъ опытѣ или самонаблюденіи. Эти явленія разсматриваются здѣсь не съ точки зрѣнія того, какъ они должны совершаться, но съ точки зрѣнія того, какъ они въ дѣйствительности совершаются. Опытная психологія — наука реальная, а не формальная, нормативная [1]). **Опредѣленіе опытной психологіи.**

Какъ видно изъ сказаннаго, прямымъ предметомъ опытной психологіи служитъ душевная жизнь. Ближайшую же ея задачу составляетъ классификація, описаніе и изъясненіе (открытіе законовъ) процессовъ этой жизни [2]).

§ 2. Кромѣ опытной психологіи, существуетъ психологія раціональная. Относительная самостоятельность той и другой, при всемъ ихъ сродствѣ, обусловливается а) различіемъ предмета, изслѣдованіемъ котораго онѣ преимущественно занимаются и б) метода, какимъ онѣ для того по преимуществу пользуются. **Отличіе опытной психологіи отъ раціональной психологіи и отъ антропологіи.**

---

[1]) Науку о душевной жизни чаще называютъ однимъ словомъ „психологія“ (составленнымъ изъ двухъ — ψυχή — душа и λόγος слово, ученіе). Мы удерживаемъ предложенное Вольфомъ названіе psychologia empirica или „опытная психологія“, въ виду его большей точности.

[2]) Первый опытъ системы психологіи принадлежитъ Аристотелю. Въ своемъ сочиненіи περὶ τῆς ψυχῆς онъ строго различаетъ основныя проявленія душевной жизни и уясняетъ ихъ причинную связь, насколько это было возможно для его времени. Наука о душевной жизни получила названіе психологіи въ концѣ XVI в.

Опытная психологія направляетъ свое изслѣдованіе на явленія душевной жизни, а не на самую душу. Умозрительная психологія главнымъ своимъ предметомъ имѣетъ душу, какъ субстанцію; она рѣшаетъ вопросы о происхожденіи души и ея природѣ.

Зная, что составляетъ предметъ опытной психологіи и что—раціональной, нетрудно рѣшить, какимъ методомъ пользуется та и другая наука. Душевныя явленія, говоря вообще, доступны опыту, значитъ и наука, разсматривающая ихъ, можетъ и должна, если не исключительно, то главнымъ образомъ пользоваться индуктивнымъ опытнымъ методомъ. Предметъ раціональной психологіи—душа, какъ субстанція, непосредственному опыту не подлежитъ; его можно изслѣдовать только путемъ умозрѣнія, дедукціи [1]).

Къ наукамъ, сроднымъ съ опытной психологіей, слѣдуетъ отнести также антропологію. Въ обширномъ смыслѣ подъ антропологіей разумѣется цѣлый рядъ наукъ о тѣлесной и духовной природѣ и жизни человѣка (анатомія, физіологія, опытная психологія, патологія, логика и др.); въ тѣсномъ же смыслѣ—одна только наука, которая изображаетъ видоизмѣненія душевной и тѣлесной природы и жизни человѣка, происходящія подъ вліяніемъ климата, почвы, темперамента и т. д., словомъ, подъ вліяніемъ физическихъ, физіологическихъ и вообще внѣшнихъ условій [2]).

---

[1]) Необходимо различать психологію раціональную и психологію опытную или науку о душевной жизни метафизическаго направленія. Первая имѣетъ вполнѣ законное право на существованіе. Часто тѣ нападки, какимъ она подвергается, особенно со стороны крайнихъ эмпириковъ, имѣютъ отношеніе къ послѣдней, дѣйствительно не выдерживающей строгой критики, такъ какъ въ ней индукціи и анализу предоставляется не главная, а второстепенная, служебная роль.

[2]) Опредѣленія антропологіи, какія ей даются различными учеными, а равно и исторія этой науки излагаются у Э. Петри: см. его Антропологію, 1 т., 1—48 стр.

Опытная психологія къ антропологіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ, относится какъ часть къ своему цѣлому. Отличіе опытной психологіи отъ антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что психологія есть наука преимущественно о явленіяхъ душевной жизни, производимыхъ однимъ началомъ — душою; разсмотрѣніе психо-физическихъ явленій здѣсь стоитъ на второмъ мѣстѣ. Антропологія изображаетъ низшую сторону или ступень душевной жизни человѣка, для которой многіе ученые находятъ аналогію въ жизни животныхъ, а опытная психологія разсматриваетъ вмѣстѣ и высшую, свойственную одному человѣку, по признанію большинства психологовъ.

Методъ психологіи опытной.

§ 3. Два главныхъ научныхъ метода указываетъ логика—дедуктивный и индуктивный. Для опытной психологіи, какъ свидѣтельствуетъ исторія этой науки и въ чемъ убѣждаютъ простыя разсудочныя соображенія, ни одинъ изъ указанныхъ методовъ, взятый отдѣльно, не достаточенъ.

Дедуктивный методъ отъ общаго положенія идетъ къ частнымъ. Къ психологіи онъ прилагается такъ: заранѣе признается несомнѣнной истиной бытіе особаго начала душевной жизни и затѣмъ изъ этого принципа при помощи отвлеченнаго мышленія выводится и изъясняется все содержаніе и законы душевной жизни. Дедуктивный методъ обыкновенно сообщаетъ наукѣ стройность изложенія. Однако онъ мало долженъ быть употребляемъ въ психологіи, изслѣдующей душевныя явленія, которая по самому своему предмету есть наука преимущественно опытная, а не умозрительная. При семъ методѣ открывается широкій просторъ произволу, когда устанавливается принципъ науки и изъясняется душевная жизнь, чрезъ подчиненіе ея законамъ, открытымъ помимо тщательнаго и всесторонняго изученія этой жизни. Отсюда психологическія системы, построенныя путемъ дедукціи, имѣютъ много недостатковъ и не выдерживаютъ строгой критики. Таковы системы Декарта, Фихте, Гегеля и др.

Къ опытной психологіи болѣе приложимъ индуктивный методъ, восходящій отъ частнаго къ общему, отъ явленія къ закону, но и онъ невполнѣ достаточенъ. Психологія, построенная при помощи одного этого метода, не представляетъ стройной системы, страдаетъ многими противорѣчіями. Подобнымъ характеромъ отличаются труды англійскихъ психологовъ, напр., Локка и Бэна.

Современные ученые дѣлаютъ попытки примѣнять къ психологіи экспериментъ, т.-е. наблюденіе, соединяющееся съ произвольнымъ воздѣйствіемъ наблюдателя на возникновеніе и теченіе процессовъ въ душѣ наблюдаемаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что экспериментъ имѣетъ значеніе при изслѣдованіи психофизическихъ явленій. Это прямо доказываютъ труды Гельмгольца, Вундта и др. Но къ чисто-психической, высшей или духовной жизни онъ непримѣнимъ [1]). Явленія духовной жизни отличаются чрезвычайной сложностью, благодаря которой невозможно то или иное изъ нихъ изолировать отъ остальныхъ, чтобы сдѣлать его единственнымъ предметомъ наблюденія. Явленія эти чѣмъ менѣе зависятъ отъ внѣшнихъ условій, тѣмъ болѣе управляются волей субъекта, слѣдов., чтобы подвергнуть ихъ эксперименту, нужно въ большей или меньшей степени стѣснить волю наблюдаемаго и, так. обр., лишить ихъ естественнаго характера. А какъ вызвать и наблюдать процессы воли или состоянія, вредныя для людей?

Пользуясь предпочтительно индукціею, вмѣстѣ съ анализомъ, опытная психологія иногда прибѣгаетъ также къ дедуктивному методу и къ эксперименту, — гдѣ они возможны и полезны.

Прежде всего, подобно тому, какъ физика исходитъ изъ гипотезы существованія опытно непознаваемыхъ

---

[1]) Вундтъ пишетъ:..... „лишь тѣ душевныя явленія могутъ подлежать эксперименту, которыя доступны физическому воздѣйствію". Лекціи о душѣ человѣка и животнаго. 1894 г., стр. 10.

атомовъ, — и психологія исходитъ изъ метафизическаго предположенія бытія души, особаго самостоятельнаго и нематеріальнаго начала психической жизни. Это предположеніе есть необходимый постулатъ нашей науки, необходимыя основы ея возможности и гарантія ея законности. Метафизическое предположеніе бытія души служитъ только формальнымъ принципомъ опытной психологіи. Оно многими оспаривается и потому само нуждается въ научныхъ доказательствахъ. Всего лучше психологическое изслѣдованіе вести безпристрастно, намѣренно не проводя въ немъ никакой тенденціи. Такъ какъ душа обнаруживаетъ себя въ жизни сознанія, то и безпристрастное опытное изученіе послѣдней приведетъ къ установленію различныхъ фактовъ (самосознаніе, свобода и т. п.), которые служатъ для обоснованія бытія души; иначе говоря, покажетъ научную несостоятельность психологическаго матеріализма и состоятельность спиритуализма (умѣреннаго) и вообще дастъ цѣнный матеріалъ для рѣшенія метафизическихъ вопросовъ о душѣ.

Самое изслѣдованіе начинается анализомъ. Психологъ умственно разлагаетъ душевную жизнь на отдѣльные процессы (прежде всего на познавательные акты, чувствованія, желанія), послѣдніе на явленія болѣе простые и т. д., пока не дойдетъ до явленій дѣйствительно простыхъ, не поддающихся дальнѣйшему разложенію. Возможность такого анализа обусловливается тѣмъ, что душевные процессы способны попеременно входить другъ съ другомъ въ разнообразныя соединенія. „Положимъ, мы слышимъ извѣстный тонъ; онъ можетъ быть относимъ въ пространство то по одному, то по другому направленію и одновременно съ нимъ можно слышать то одинъ, то другой тонъ. Такъ какъ не существуетъ ни постояннаго направленія въ пространствѣ, ни постоянно сопутствующаго другого тона, то отъ этихъ измѣнчивыхъ составныхъ частей можно отвлечься, и останется только данный тонъ“.

Анализъ идетъ еще далѣе. Элементарные процессы, конечно, нельзя разложить на болѣе простые. Тѣмъ не менѣе — они представляютъ различныя стороны, имѣютъ различныя свойства. Каждое изъ этихъ свойствъ отвлекается отъ остальныхъ для отдѣльнаго изслѣдованія. Такъ въ ощущеніи различается содержаніе, сила и продолжительность (тонъ, говоря строго, не свойство ощущенія, а особое состояніе — чувствованіе, — см. § 23), оба эти свойства можно изучать особо.

Психическія явленія суть событія, а не вещи. Они протекаютъ во времени и имѣютъ начало. Слѣдуя принципу причинности — „ex nihilo nihil fit", психологъ неоднократно наблюдаетъ данное явленіе сознанія при разнообразныхъ обстоятельствахъ и путемъ индукціи приходитъ къ выводу, какія изъ обстоятельствъ служатъ необходимымъ условіемъ его происхожденія и для какихъ оно само составляетъ такое условіе. Часто душевный процессъ зависитъ отъ нѣсколькихъ условій. Наука тогда старается разъединить ихъ и найти значеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Ощущеніе, напр., зависитъ отъ физическаго впечатлѣнія (движенія волнъ воздуха, свѣтового эфира и т. д.), физіологическаго акта (дѣятельность нервной системы) и отъ дѣятельности души. Какъ показываетъ опытъ, второе условіе важнѣе перваго, а третье важнѣе второго. Иногда ощущеніе возникаетъ безъ физическаго впечатлѣнія, но оно также можетъ не возникнуть при наличности физіологическаго условія. Индуктивное изслѣдованіе, идя рука объ руку съ анализомъ, приводитъ къ научному объясненію душевной жизни, къ установленію основныхъ законовъ, управляющихъ ея ходомъ и развитіемъ, напр., законовъ ассоціаціи идей. Объясненіе же изъ нихъ законовъ сложныхъ достигается при помощи дедукціи [1]).

Что касается, наконецъ, экспериментальнаго индук-

[1]) Троицкій. Учебникъ логики. Кн. III, вып. 1, стр. 78.

тивнаго метода, то, какъ замѣчено уже раньше, область его примѣненія ограничивается тѣми явленіями душевной жизни, которыя несомнѣнно имѣютъ тѣсную связь съ явленіями внѣшними, т.-е. физіологическими и физическими.

Источники психологіи. Самонаблюденіе.

§ 4. Мы уже уяснили понятіе объ опытной психологіи, указали для нея предметъ, особый отъ предмета сродныхъ съ нею доктринъ, опредѣлили методъ. Теперь естественно возникаетъ вопросъ, откуда же почерпать свѣдѣнія о предметѣ, заимствовать матеріалъ для науки, говоря иначе, какими пользоваться источниками при изученіи душевной жизни.

Важнѣйшій источникъ опытной психологіи — самонаблюденіе. Все, что извѣстно о душевной жизни, познается путемъ самонаблюденія. Ощущенія вкуса и цвѣта, чувствованія любви и гнѣва, желаніе чего-нибудь — извѣстны и понятны намъ, благодаря тому, что все это мы испытываемъ сами, сами—замѣчаемъ въ себѣ. Кому въ его личномъ опытѣ не дано какое-либо душевное явленіе, тотъ ни изъ какихъ источниковъ не получитъ понятія о немъ. Пусть кто-либо попробуетъ, говоритъ Локкъ, вообразить вкусъ, котораго никогда не испытывалъ, или запахъ, котораго никогда не обонялъ. Возможность пониманія психической жизни другихъ людей, возможность ея наблюденія обусловливается самонаблюденіемъ. Обыкновенно мы полагаемъ, что непосредственно видимъ, какъ волнуется человѣкъ, поддается страсти или борется съ нею, что непосредственно соединяемъ съ произнесенными имъ словами ихъ значеніе и т. д. Но въ дѣйствительности все это происходитъ не такъ. Чужой радости или горя, стремленія или желанія, чужихъ мыслей мы непосредственно не воспринимаемъ, не познаемъ. Мы видимъ только движенія въ мускулахъ лица, блескъ глазъ, движенія и положеніе тѣла, слышимъ то или иное сочетаніе звуковъ, а какъ происходитъ въ душѣ другихъ людей извѣстное состояніе — это намъ прямо не открывается. Но мы по собственному опыту знаемъ, какъ то

или другое душевное явленіе выражается вовнѣ. Этимъ знаніемъ мы пользуемся при наблюденіи душевной жизни другихъ. Видя извѣстное выраженіе глазъ, видя извѣстныя тѣлодвиженія другого человѣка, мы, по аналогіи отъ сходныхъ дѣйствій къ сходнымъ причинамъ, дѣлаемъ заключеніе о произведшихъ ихъ состояніяхъ [1]).

Самонаблюденіе не тождественно съ сознаніемъ. Сознаніе—общее свойство психической жизни, самонаблюденіе—познавательный процессъ, направленный на явленія этой жизни. Первое одинаково можетъ соединяться и съ активнымъ и съ пассивнымъ вниманіемъ, второе требуетъ преимущественно активнаго вниманія, особенно, если руководиться опредѣленными, напр., научными, цѣлями. Сознаніе говоритъ намъ о томъ, что непосредственно происходитъ въ душѣ; самонаблюденіе не ограничивается этимъ: данныя сознанія оно мысленно ставитъ во взаимное соотношеніе.

Самонаблюденіе бываетъ непосредственное, когда душевное явленіе наблюдается въ моментъ его совершенія, и косвенное, когда нашъ внутренній взоръ устремляется на душевное явленіе, уже совершившееся, но воспроизведенное при помощи памяти.

Перваго рода самонаблюденіе сопряжено съ такими трудностями, что имъ можно пользоваться въ исключительныхъ случаяхъ и съ великою осторожностью. Запасъ энергіи, которымъ располагаетъ душевная жизнь, при такомъ самонаблюденіи необходимо дѣлится между двумя актами—наблюдаемымъ явленіемъ и наблюденіемъ, такъ что каждый изъ нихъ становится слабѣе, чѣмъ долженъ бы быть; между тѣмъ, для психолога нежелательно ни ослабленіе наблюдаемаго явленія, ибо съ ослабленіемъ его силы можетъ измѣниться и характеръ, ни ослабленіе процесса наблюденія, такъ какъ тогда оно не можетъ дать ясныхъ и точныхъ результатовъ. Нужно

---

[1]) М. Владиславлевъ. Психологія, т. 1, стр. 8.

имѣть въ виду и то, что душевныя явленія чрезвычайно измѣнчивы, почему, когда мы захотимъ наблюдать какое-либо изъ нихъ, оно можетъ исчезнуть изъ сознанія или вступить въ новую комбинацію съ другими элементами психической жизни [1]).

Косвенное наблюденіе надъ собою не обходится безъ трудностей, эти трудности не столь велики, какъ трудности наблюденія прямого, и одинаково встрѣчаются при послѣднемъ. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ. 1) Требуется значительное усиліе воли для того, чтобы отвлечь свое вниманіе отъ болѣе яркихъ явленій внѣшняго міра, отъ зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій и сосредоточить вниманіе на сравнительно темныхъ и обыкновенно насъ не интересующихъ явленіяхъ внутренней психической жизни. 2) Чѣмъ болѣе напрягать вниманіе, тѣмъ скорѣе послѣдуетъ его утомленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе или искаженіе объекта наблюденія. 3) Для нашего самолюбія не всегда бываетъ пріятно и желательно то, что происходитъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ; поэтому мы расположены все свое, даже предъ своими глазами, выставлять въ лучшемъ свѣтѣ. Всѣ эти трудности до нѣкоторой степени не существуютъ для тѣхъ психологовъ, которые съ спеціальной научною подготовкой соединяютъ долговременное и постоянное упражненіе въ самопознаніи.

Наблюденіе надъ другими людьми.

§ 5. Психологъ не можетъ ограничиться матеріаломъ, почерпаемымъ изъ одного самонаблюденія. Отдѣльный человѣкъ, какъ бы богато онъ ни былъ одаренъ природою и какой бы степени духовнаго развитія ни достигъ,—есть, однако, лишь индивидъ съ опредѣлен-

---

[1]) Несправедливо вовсе не признавать прямого самонаблюденія. „Можно представить себѣ, что одновременно съ главнымъ теченіемъ въ жизни души, состоящимъ, напр., изъ восхищенія произведеніемъ искусства, протекаетъ подобное теченіе, критически относящееся къ этому главному“. Гефдингъ. Оч. Псих. 18 стр. ср. взглядъ Мюнстерберга съ поправкой проф. Н. Соколова,—вопр. фил. и псих. 93 г., I. 39—55.

нымъ характеромъ; поэтому его внутренняя жизнь не заключаетъ въ себѣ полноты и всесторонности психическихъ фактовъ, какіе представляетъ жизнь всѣхъ людей. Притомъ, у всякаго человѣка есть особыя черты, унаслѣдованныя имъ отъ родителей или сложившіяся при случайныхъ, исключительныхъ условіяхъ его жизни. Отсюда психологія, основанная на одномъ самонаблюденіи, отличалась бы односторонностью и субъективизмомъ. Для восполненія и исправленія свѣдѣній о душевной жизни, получаемыхъ при помощи самонаблюденія, психологу необходимо пользоваться другими источниками и, прежде всего, наблюденіемъ надъ другими людьми. Главнымъ образомъ чужую душевную жизнь слѣдуетъ наблюдать въ ея нормальномъ ходѣ. Но не слѣдуетъ оставлять безъ всякаго вниманія и состоянія ненормальныя. Психопатологія, по словамъ Рибо, является увеличительнымъ стекломъ, выясняющимъ нормальные процессы. Напр., иллюзія служитъ къ лучшему пониманію воспріятія [1]).

Наблюденіе надъ душевною жизнію другихъ людей, какъ оно ни кажется легкимъ, сопряжено съ трудностями едва-ли не бо̀льшими, чѣмъ самонаблюденіе. Мы не можемъ непосредственно наблюдать чужую жизнь, а заключаемъ о ней чрезъ посредство ея внѣшнихъ выраженій; душевныя состоянія другого изслѣдователь, на основаніи ихъ внѣшняго выраженія, долженъ перенести въ свое сознаніе, какъ бы возсоздать въ себѣ и здѣсь познавать ихъ составъ, свойства и т. д.; для этого нужна извѣстная сила творчества. Такой способъ наблюденія не даетъ возможности постигнуть тончайшіе оттѣнки психическихъ состояній: вполнѣ, ясно и точно ихъ нельзя описать никакими словами, выразить никакими жестами. Кромѣ того, всѣ знаки, по которымъ мы судимъ о внутренней жизни другихъ людей, условны и

---

[1]) Рибо. Психологія чувствъ. 1898 г. 68, 69 стр. Сравн. Тиченеръ. Очерки Психологіи. 1898 г., 17 и 18 стр.

неопредѣленны. Истолкованіе ихъ принадлежитъ наблюдателю. Каждый же наблюдатель понимаетъ и изъясняетъ ихъ, согласно своимъ убѣжденіямъ, не безъ вліянія своего психическаго склада: извѣстно, какъ люди расположены по себѣ судить о другихъ. Должно посему остерегаться, чтобы другому не приписать ему несвойственныхъ мыслей, чувствованій и желаній. Требуется особенное вниманіе какъ къ различіямъ, такъ и къ сходствамъ внѣшнихъ проявленій у насъ и у другихъ, а также сильное воображеніе и проницательный разсудокъ, чтобы, „отправляясь отъ припоминаемаго нами личнаго опыта, мы могли нащупать вѣрный путь посреди иного наслоенія условій, иного опыта и привычекъ". Наконецъ, мы не всегда имѣемъ возможность наблюдать душевную жизнь другихъ въ ея естественномъ ходѣ. Какъ скоро человѣкъ замѣтитъ, что за нимъ наблюдаютъ, то часто или теряется и ненамѣренно показываетъ себя не тѣмъ, каковъ онъ есть, или, если располагаетъ достаточнымъ самообладаніемъ, сдерживается и, одно подавляя въ себѣ, другое измѣняя, обнаруживаетъ во внѣ лишь то, что ему желательно. Только при осторожности въ наблюденіи и осмотрительности въ выводахъ можно отчасти преодолѣть подобное затрудненіе. Вообще, наблюденіе надъ другими людьми по своему значенію занимаетъ второе мѣсто въ ряду источниковъ психологіи.

Изученіе произведеній, въ которыхъ говорится о психической жизни людей.

§ 6. Самонаблюденіе и наблюденіе надъ другими людьми, какъ источники опытной психологіи, при всей своей важности, не устраняютъ потребности изученія литературныхъ произведеній, въ которыхъ говорится о душевной жизни людей. Автобіографіи и мемуары, біографіи и характеристики, художественная литература, историческія сочиненія, антропологія и записки путешественниковъ о дикихъ народахъ заключаютъ въ себѣ много матеріала, цѣннаго для психолога. Каждое изъ этихъ литературныхъ произведеній, кромѣ ихъ общаго значенія, однороднаго съ значеніемъ наблюденія надъ

другими людьми при непосредственномъ съ ними общеніи, имѣетъ часто свое спеціальное значеніе, соотвѣтственно особенности своего содержанія.

Въ автобіографіяхъ, мемуарахъ, біографіяхъ и характеристикахъ преимущественно изображаются великіе люди; здѣсь говорится объ условіяхъ ихъ духовнаго роста, о принципахъ, руководившихъ ими въ жизни и дѣятельности. Образцовыя поэтическія творенія содержатъ въ себѣ описаніе психическаго строя типическихъ личностей, тонкій и подробный анализъ разнообразныхъ душевныхъ состояній, а особенно чувствованій и страстей. „Геніальный художникъ нерѣдко проникаетъ въ тайники человѣческой души гораздо глубже, чѣмъ психологъ-теоретикъ, и послѣднему есть чему учиться у перваго“ [1]).

Нѣкоторые психологическіе вопросы могутъ быть удовлетворительно разрѣшены только при помощи историческихъ сочиненій—исторіи культуры, цивилизаціи, наукъ, права и т. д. Таковы вопросы о происхожденіи языка, о первоначальныхъ формахъ религіозной и общественной жизни, словомъ, о всѣхъ тѣхъ проявленіяхъ, которыя въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ развиваются въ зависимости отъ общественной среды. Полезнымъ восполненіемъ исторіи могутъ служить изслѣдованія по антропологіи, а также свидѣтельства путешественниковъ о жизни дикихъ народовъ.

Физіологія, ея дѣйствительное значеніе для психологіи и преувеличенное мнѣніе объ этомъ значеніи въ настоящее время.

§ 7. Опытная психологія и физіологія близко примыкаютъ одна къ другой. Явленія душевной жизни—предметъ психологіи—и органическія отправленія тѣла—предметъ физіологіи—находятся между собою въ тѣсной связи. Многіе психическіе процессы происходятъ среди процессовъ физіологическихъ, которые то предшествуютъ имъ, то сопровождаютъ ихъ, то сами слѣдуютъ за ними [2]). Такъ всякое ощущеніе образуется послѣ того только,

---

[1]) Н. Гротъ. Жизненныя задачи психологіи. Вопр. фил. и псих. 1890 г., 187 стр.

[2]) Существуетъ ли сплошной психофизіологическій параллелизмъ, это еще не рѣшенный или во всякомъ случаѣ спорный вопросъ.

какъ произойдетъ раздраженіе извѣстныхъ нервовъ, и это раздраженіе сообщится головному мозгу. Неразвитая жизнь сознанія (какъ, напр., у идіотовъ) обыкновенно бываетъ связана съ недостаточнымъ развитіемъ и питаніемъ мозга. Послѣ сильныхъ аффектовъ, напр., радости, ужаса, мы чувствуемъ физическую усталость. Воля управляетъ произвольными движеніями тѣла. Вслѣдствіе связи жизни души съ жизнью тѣла, очевидно, опытная психологія, всесторонне разрабатываемая, не можетъ ограничиваться разсмотрѣніемъ однихъ душевныхъ явленій; для нея важно знать и ихъ взаимоотношеніе съ отправленіями органовъ тѣла, особенно нервной системы. Здѣсь-то необходимо прибѣгать къ помощи физіологіи. Только пользоваться данными физіологіи слѣдуетъ очень осторожно: заимствуя отъ нея то, что строго установлено, какъ безспорная истина, слѣдуетъ избѣгать всякихъ ея гипотезъ, хотя бы онѣ казались весьма удобными.

Нѣкоторые ученые значеніе физіологіи, при рѣшеніи психологическихъ вопросовъ, чрезмѣрно преувеличиваютъ; они высказываютъ мысль о подчиненіи или даже совершенной замѣнѣ психологіи физіологіей.

Взглядъ ихъ кратко можно изложить такъ. Душевныя явленія не имѣютъ особаго, отличнаго отъ тѣла начала, ихъ производитъ организмъ, именно нервная система. Мысли, желанія, чувствованія вырабатываются мозгомъ точно такъ же, какъ желчь выдѣляется печенью или моча почками (сравненіе Кабаниса, повторенное Фохтомъ). Строго говоря, душевныхъ явленій, какъ явленій особаго порядка, не существуетъ: они составляютъ лишь другую сторону нервныхъ процессовъ. Нервный процессъ и соотвѣтствующее ему психическое явленіе, въ существѣ дѣла, есть одинъ и тотъ же фактъ, именно физіологическій фактъ, представляющійся намъ различно въ зависимости отъ того, какъ мы его разсматриваемъ. Воспринимаемый внѣшнимъ чувствомъ, этотъ фактъ— явленіе міра физическаго, воспринимаемый внутреннимъ

наблюденіемъ, онъ—душевное явленіе. Между нервнымъ процессомъ и душевнымъ явленіемъ различіе такое же, какъ между круговой линіей, разсматриваемой совнѣ и изнутри круга: когда разсматривать извнѣ, то она кажется выпуклою, а когда — изнутри, то вогнутою, въ сущности же она остается тою же самою линіею (сравненіе Фехнера). Если же душевныя явленія и соотвѣтствующія имъ физіологическія по существу одни и тѣ же, то, значитъ, физіологія и психологія различаются между собою только по методу и направленію. Но для психологіи изученіе душевной жизни сопряжено съ бо́льшими и часто непосильными трудностями [1]). Посему это дѣло слѣдуетъ предоставить физіологіи, которая достаточно доказала своими успѣхами права на существованіе и которая вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ естественно-научной критики. Изучая отправленія нервной системы, она рано или поздно дастъ удовлетворительное описаніе, объясненіе и классификацію, т. наз., душевныхъ явленій и выполнитъ задачу, непосильную для психологіи.

Изложенный взглядъ на значеніе физіологіи для психологіи несостоятеленъ.

Тѣсная связь душевной жизни съ нервными процессами, какъ сказано выше, не подлежитъ сомнѣнію, но это нисколько не говоритъ противъ самостоятельности психологіи. Вѣдь гораздо болѣе тѣсная связь существуетъ между физіологическими процессами и химическими. Однако, это вовсе не препятствуетъ отдѣльной разработкѣ физіологіи и не дѣлаетъ ее одною изъ главъ органической химіи.

Между зависимостью выдѣленій желчи изъ печени, мочи отъ почекъ и зависимостью мысли и вообще душевной жизни изъ мозга лежитъ великое различіе, а не полное сходство. Можно наглядно показать, какъ.

---

[1]) Эти трудности выставляются, напр., въ „физіологіи и патологіи души“ Г. Маудсли 1 ч., 1 гл.

напр., въ печени образуется желчь нутемъ химическихъ процессовъ, которые удается прослѣдить шагъ за шагомъ. Но мозговые процессы не даютъ никакой точки опоры для выясненія того, какъ возникаютъ психическія явленія. Никакая теорія нервной дѣятельности, говоритъ К. Людвигъ, не можетъ раскрыть, какимъ образомъ дѣйствіемъ нервовъ обусловливаются различные психическіе акты. Уже между низшими душевными явленіями, напр., ощущеніями и нервными процессами, ихъ вызывающими, лежитъ непроходимая пропасть. Такимъ образомъ, даже тамъ, гдѣ душа явно возбуждается извѣстнымъ внѣшнимъ стимуломъ, мы не въ состояніи понять, какъ матеріальный процессъ переходитъ въ психическій. Форма и свойства нервныхъ движеній, соотвѣтствующихъ высшимъ сложнымъ явленіямъ мысли, чувствованія и воли, вовсе неизвѣстны. Правда, въ иныхъ физіологическихъ сочиненіяхъ подробно описываются колебанія мозгового вещества, производящія различныя идеи, указываются особые центры для каждаго класса фактовъ сознанія, но все это—даже не гипотезы, а чистая фантазія, „физіологическая миѳологія", по выраженію Людвига. Многое изъ того, что физіологами выдается за объясненіе душевныхъ явленій, есть не что иное, какъ переводъ этихъ явленій на физіологическій языкъ, переводъ слишкомъ произвольный и незаконный. „Если бы мы вынуждены были избрать между двумя крайностями—переводомъ психическихъ явленій на физическія и физическихъ на психическія,—то мы согласились бы, говоритъ Спенсеръ, скорѣе принять послѣднюю альтернативу" [1]). Если нѣкоторыя душевныя явленія и изъяснены физіологами, то изъяснены преимущественно изъ началъ чисто психологическихъ [2]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Спенсеръ. Основанія психологіи 1 т., 165 стр.

[2]) Примѣръ такого изъясненія физіологами психическихъ явленій приводится у А. Свѣтилина въ его литогр. лекціяхъ по психологіи, на стр. 52—55. См. также лит. лекціи по псих. Дебольскаго, 1887 г., 18—19 стр.

пока физіологія не доказала еще своей способности рѣшать вопросы психологіи.

Между тѣмъ психологія выполнила значительную часть своей трудной задачи. Она проникла далѣе матеріальныхъ процессовъ—внѣшнихъ условій ощущенія, разложила его на элементы и указала законы ихъ сочетанія. Ею разложены на элементы и изъяснены многія другія болѣе сложныя явленія психической жизни, напр., многія чувствованія. Работа ея небезплодна, хотя бы она производилась безъ всякой помощи со стороны физіологіи. Такъ Аристотель установилъ различіе между вольными движеніями и непроизвольными. Это открытіе имѣетъ свою цѣнность, несмотря на то, что Аристотелю были совершенно неизвѣстны гипотезы современныхъ физіологовъ о простыхъ и сложныхъ рефлексахъ.

Напрасно и въ будущемъ ожидать отъ физіологіи научнаго объясненія психическихъ явленій. Это для нея всегда будетъ невозможно, какой бы степени развитія она ни достигла. Явленія психическія и явленія физіологическія, при всей своей связи, до противоположности различаются между собою и требуютъ различныхъ способовъ изслѣдованія. Душевныя явленія не подлежатъ условіямъ пространства, не имѣютъ ни длины, ни ширины, ни формы и т. д., физіологическіе процессы совершаются въ извѣстныхъ частяхъ организма, занимающихъ опредѣленное мѣсто. Первыя качественно разнородны до полной невозможности логически свести содержаніе однихъ изъ нихъ на содержаніе другихъ, ощущеній звука нельзя выразить въ терминахъ ощущеній свѣта, и ощущеній зрѣнія нельзя перевести на языкъ обонянія. Послѣднія, при всемъ ихъ разнообразіи, качественно однородны и представляютъ видоизмѣненія движенія матеріальныхъ частицъ (атомовъ). Психическія явленія соединяются съ сознаніемъ и познаются чрезъ непосредственное самонаблюденіе. Физіологическія явленія не сопровождаются сознаніемъ и не подлежатъ внутреннему наблюденію. Мы непосредственно

сознаемъ свои мысли, замѣчаемъ чувствованія и желанія; процессъ кровообращенія непрерывно въ насъ совершается, наши нервы получаютъ впечатлѣніе постоянно, но непосредственно сознаніе ничего намъ не говоритъ объ этомъ. Словомъ, психическія и физіологическія явленія въ существенномъ не имѣютъ ничего общаго, — тѣмъ болѣе нѣтъ между ними тождества... Подъ мыслію я разумѣю мысль, а не движеніе мозговыхъ молекулъ, и точно также словами гнѣвъ и страхъ я обозначаю именно гнѣвъ и страхъ, а не съуживаніе и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ [1]).

Если, так. обр., явленія физіологическія и явленія психическія различны до противоположности, то, очевидно, изученіе законовъ, управляющихъ первыми, само по себѣ никогда не приведетъ къ научному изъясненію послѣднихъ явленій [2]). Для того, чтобы сдѣлаться способной къ рѣшенію психологическихъ задачъ, физіологія должна, вмѣсто внѣшняго опыта, которымъ всегда пользуется, прибѣгнуть къ внутреннему самонаблюденію, но тогда она лишилась бы своего типичнаго характера и превратилась бы въ психологію, которую сама, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, признаетъ наукою несостоятельною.

Значеніе психологіи самой по себѣ и для рѣшенія дальнѣйшихъ философскихъ задачъ.

§ 8. Наука о душевной жизни человѣка, какъ самостоятельная, отдѣльная отрасль знанія существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; всѣ посягательства физіологовъ на ея самостоятельность, всѣ ихъ старанія включить психологію, какъ одну изъ главъ, въ свою систему, остаются безуспѣшными. Уже эта, такъ сказать, долговѣчность психологіи даетъ основаніе предполагать, что она для людей представляетъ большой интересъ, имѣетъ великое значеніе.

Дѣйствительно, опытная психологія имѣетъ великое

---

[1]) Фр. Паульсенъ. Введеніе въ философію, стр. 84.

[2]) Вундтъ. Очеркъ Психологіи, изд. Моск. Психол. Общ., стр. 23.

значеніе — прежде всего сама по себѣ, по важности своего предмета. Къ важнѣйшимъ стремленіямъ человѣческаго духа, безспорно, относится стремленіе къ истинному знанію. Насколько это стремленіе присуще человѣку, видимъ изъ того, что всегда были и есть люди, всю свою жизнь посвятившіе исканію истины въ той или другой области бытія. Очевидно, чѣмъ ближе предметъ науки къ человѣку, тѣмъ сильнѣе она должна его интересовать, тѣмъ больше значенія должна имѣть въ его глазахъ. Если имѣетъ интересъ и значеніе метеорологія, астрономія, металлургія, то еще большій интересъ и значеніе должна имѣть анатомія, физіологія, а еще большій — наука о душевной жизни. Психологія указываетъ человѣку его мѣсто въ природѣ, не возвышая его чрезмѣрно, но и не ставя его на низшую ступень, давая ему ясное сознаніе того, что онъ есть въ дѣйствительности.

Затѣмъ психологія имѣетъ большое значеніе въ отношеніи ко многимъ другимъ наукамъ, особенно къ философскимъ наукамъ о человѣкѣ. Для раціональной психологіи она предлагаетъ факты сознанія при рѣшеніи вопросовъ о свойствахъ души и ея происхожденіи. Немаловажно значеніе психологіи для логики, этики и эстетики. Эти науки ставятъ своею задачею опредѣленіе и открытіе законовъ, которымъ въ своей дѣятельности должны подчиняться разсудокъ, воля и воображеніе съ сердцемъ для осуществленія идеаловъ истины, добра и красоты. Чтобы логика, этика и эстетика могли — каждая — выполнить свою задачу, чтобы ими найдены были правильные законы и формы дѣятельности интеллектуальной, нравственно-практической и эстетической, для этого, при изысканіи ихъ, необходимо имѣть въ виду наличныя душевныя способности человѣка, выражающіяся въ его внутренней жизни, говоря иначе, необходимо пользоваться психологическими данными.

Изъ другихъ многочисленныхъ наукъ, антропологическихъ въ обширномъ смыслѣ, укажемъ на исторію и

физіологію. Исторія была бы только безсвязнымъ слѣдованіемъ фактовъ, какой-то загадочной смѣной лицъ и событій для того, кто не пріобрѣлъ умѣнія посредствомъ психологіи распознавать внутренніе мотивы, заставляющіе дѣйствовать человѣчество, кто неспособенъ анализировать характеръ людей, которые по своей выдающейся дѣятельности являются главными двигателями исторіи.

Польза, оказываемая психологіей физіологіи, не подлежитъ сомнѣнію. Американскій ученый Джемсъ [1]) пишетъ: очевидно, наше знакомство съ душевной жизнію безконечно превосходитъ наши знанія о сопровождающихъ ее физіологическихъ процессахъ. Напр., разработка ученія объ афазіи [2]), которая представляетъ драгоцѣнный алмазъ въ современной физіологіи мозга, безъ анализа психическихъ элементовъ рѣчи, была бы невозможна.

Значеніе психологіи для духовно-нравственной и практической жизни.

§ 9. Опытная психологія имѣетъ важное значеніе для духовно-нравственной и практической жизни.

Всякому человѣку, независимо отъ его занятій, наука о душѣ можетъ оказывать большія услуги. Всѣ люди стремятся къ счастію. Психологія не только намѣчаетъ вѣрный путь къ рѣшенію вопроса, въ чемъ состоитъ истинное счастье чрезъ указанія идеальныхъ, прирожденныхъ человѣку стремленій, но и облегчаетъ самое достиженіе этого счастья, въ предѣлахъ возможности, давая средства каждому лучше узнать свои силы и немощь, достоинства и недостатки, ошибки и успѣхи.

Человѣкъ живетъ въ сообществѣ съ другими людьми. Чтобы наши отношенія къ людямъ были разумными, истинно-нравственными, необходимо, чтобы наше знакомство, уваженіе, дружба, любовь и т. д., чтобы даже самые маловажные наши поступки въ отношеніи къ дру-

---

[1]) Психологія, стр. 85.

[2]) Афазія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, имѣя способность слышать слова и понимать ихъ смыслъ, не можетъ говорить, т.-е. произносить слова.

гимъ не управлялись случаемъ или привычкою, а основывались на правильной оцѣнкѣ всякой личности, на надлежащемъ знаніи ея особенностей; это кромѣ личнаго опыта, пробирающагося ощупью и медленно, достигается при помощи психологическихъ знаній.

Кромѣ общаго значенія для жизни людей психологія можетъ имѣть еще спеціальное практическое значеніе соотвѣтственно профессіи человѣка. Мы ограничимся краткимъ указаніемъ ея значенія для пастырей Церкви, педагоговъ, врачей и юристовъ.

Пастырь призванъ быть не только совершителемъ тайнъ Божіихъ, но и учителемъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. На немъ лежитъ обязанность научать свою паству истинамъ вѣры и нравственности христіанской, искоренять суевѣрія, исправлять пороки. Для успѣшнаго выполненія этой трудной обязанности, очевидно, необходимо составить правильное понятіе о степени и направленіи душевнаго развитія каждаго прихожанина и всей паствы, необходимо знаніе души человѣческой вообще, ея силъ и законовъ ихъ дѣятельности. Въ противномъ случаѣ, по образному выраженію проф. Карпова, „душѣ можно предложить то, что она не приметъ, или, принявъ, не переваритъ, или, переваривъ, ощутитъ въ себѣ дѣйствіе смертоноснаго яда“ [1]).

Правильное воспитаніе немыслимо безъ знанія того, какими особенностями отличается духовная природа воспитываемаго лица, какими дарованіями и недостатками онъ надѣленъ, чего отъ него можно требовать, какъ на него повліяютъ извѣстныя средства и т. д.; знаніе же сего въ значительной степени обусловливается знаніемъ души человѣка вообще, насколько она обнаруживается въ производимыхъ ею явленіяхъ сознанія. Во-

[1]) Карповъ. Вступительная лекція въ психологію. Христ. Чт., стр. 225.

просъ объ отношеніи между матеріальнымъ и формальнымъ факторомъ воспитанія, объ образованіи общемъ и спеціальномъ, о развитіи вниманія и памяти, разсудка, чувствованій и воли, объ искорененіи дурныхъ привычекъ и страстей—всѣ эти и подобные имъ вопросы для своего правильнаго разрѣшенія требуютъ глубокаго изученія души человѣческой; одинъ педагогическій тактъ здѣсь далеко не достаточенъ, хотя и имѣетъ, конечно, свою цѣну...

Врачу психологія помогаетъ угадать и понять душевное состояніе врачуемаго и чрезъ это часто содѣйствуетъ этіологіи и даже терапіи тѣлесныхъ болѣзней. Одинъ изъ выдающихся современныхъ клиницистовъ, Ад. Штрюмпель, говоритъ: „Уже самое поверхностное наблюденіе надъ самимъ собою показываетъ, какое сильное вліяніе на дѣятельность нашего организма оказываютъ различныя состоянія нашего сознанія... Я едва ли преувеличу, если скажу, что число заболѣваній, повидимому, чисто-тѣлесныхъ, а въ дѣйствительности обусловливаемыхъ психическими вліяніями, по крайней мѣрѣ, столь же велико, какъ и число дѣйствительно тѣлесныхъ заболѣваній. Какъ физіологія, такъ и психологія должна быть обязательнымъ предметомъ изученія для всякаго медика“ [1]). Послѣ сего очевидно, что психіатрамъ, занимающимся лѣченіемъ душевно-больныхъ, знаніе психологіи положительно необходимо.

Великую пользу можетъ принести психологія юристу и, частнѣе, криминалисту. Поворотъ въ криминалистикѣ отъ изученія преступленія къ изученію преступника ясно указываетъ на необходимость пониманія души преступника, а это нелегко дается, особенно незнакомому съ психологіей. Для примѣра возьмемъ случай, когда преступленіе явилось плодомъ болѣзни духа, при которой акты человѣческой воли бываютъ недостаточно или невѣрно освѣщены. Здѣсь правосудіе впало бы въ ошибку,

---

[1]) Штрюмпель. О вліяніи воображенія на болѣзни. 1893 г.

если бы произнесло обвинительный приговоръ подсудимому, основываясь на одной внѣшней фактической сторонѣ его поступка. Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ, оно должно заглянуть въ самую душу преступника, проникнуть въ самые глубокіе ея тайники, чтобы увидѣть запутанныя и сокрытыя психическія условія преступленія, и тогда лишь опредѣлить степень виновности совершившаго преступленіе [1]).

Раздѣленіе психологіи.

§ 10. Психологію можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой части будетъ говориться о душевныхъ явленіяхъ, или—такъ какъ душевныя явленія обнаруживаютъ соотвѣтствующія имъ способности, — о способностяхъ души и законахъ ихъ дѣятельности. Вторую часть составитъ ученіе о состояніяхъ души, зависящихъ отъ связи ея съ тѣломъ. Первой части необходимо предпослать изслѣдованіе о сознаніи — общемъ и основномъ свойствѣ психической дѣятельности.

---

[1]) Все, сказанное о практическомъ значеніи психологіи, высказано болѣе какъ предположеніе, чѣмъ какъ обозначеніе существующаго факта. Психологія могла бы и должна бы оказывать могущественное вліяніе на жизнь людей, но до сихъ поръ этого вліянія почти не замѣчается. Не замѣчается потому, что психологія разработана сравнительно слабо и, еще болѣе, потому, что ею пока мало интересуются. Объ этомъ подробно говоритъ проф. Н. Гротъ: см. „Жизненныя задачи психологіи“. Вопр. фил. и псих. 1890 г., IV, стр. 187—190.

СОЗНАНІЕ.

§ 11. Сознаніе есть форма душевныхъ явленій, въ соединеніи съ которой они имѣютъ для насъ опредѣленный характеръ и потому замѣчаются нами, какъ совершающіяся. Сознаніемъ сопровождаются наши ощущенія и мысли, наши чувствованія и желанія; оно, слѣд., общая форма психической жизни. Сознаніе не есть источникъ или начало этой жизни: оно ничего не привноситъ въ ея содержаніе, а только „освѣщаетъ" элементы послѣдняго. Равнымъ образомъ, и само оно не производится дѣятельностью какой-либо изъ душевныхъ способностей: всегда являясь какъ нѣчто данное и не имѣя исключительной связи ни съ одной изъ нихъ, сознаніе составляетъ фактъ основной, коренной и непроизводный.

Понятіе о сознаніи, какъ общемъ и основномъ свойствѣ душевной дѣятельности.

Вопросъ о сознаніи одинъ изъ самыхъ трудныхъ психологическихъ вопросовъ. Это обусловливается особенностью сознанія, какъ предмета изученія. Зная о сознаніи въ себѣ самихъ, мы не можемъ выйти изъ него, чтобы непосредственно взглянуть на лежащія за его предѣлами — его начало и основаніе. Сознаніе настолько доступно опытному изслѣдованію, насколько выражаетъ себя при своемъ соединеніи съ явленіями душевной жизни.

§ 12. Нельзя предположить, чтобы сознаніе на одно мгновеніе лишилось своего содержанія. Оно всегда соединяется съ тѣми или иными переживаемыми душевными явленіями. Но не всегда и не каждое безразлично

Условія сознанія.

душевное явленіе можетъ войти въ сознаніе. Мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ много ощущеній и представленій, не замѣчая, что ихъ имѣемъ; много чувствованій и стремленій шевелится въ насъ, хотя мы и не даемъ себѣ въ нихъ отчета. Только при осуществленіи нѣкоторыхъ условій явленія психической жизни облекаются въ форму сознанія.

Чтобы сознавать душевное явленіе, необходимо сравнить и отличить его отъ другого или нѣсколькихъ другихъ. Будучи абсолютно одно, оно не можетъ перейти въ сознаніе, ибо не съ чѣмъ его сравнить и не отъ чего отличить. Въ случаѣ перехода своего въ сознаніе, всякій психическій актъ предполагаетъ бытіе въ душѣ одного или нѣсколькихъ другихъ актовъ, вступившихъ въ соотношеніе съ нимъ. Такъ мы сознаемъ ощущеніе свѣта, различая его отъ ощущенія тьмы, сознаемъ горечь, различая ее отъ сладости и т. д. Если бы всѣ предметы имѣли одинаковый цвѣтъ, тогда мы не замѣчали бы этого цвѣта, хотя бы онъ и дѣйствовалъ на наше зрѣніе. Точно такъ же возможность сознавать всѣ ощущенія, представленія, понятія, чувствованія и желанія обусловливается возможностью различенія. Процессъ сравненія - различенія начинается съ пробужденіемъ въ человѣкѣ психической жизни, и на всѣхъ ея ступеняхъ въ каждомъ частномъ случаѣ предшествуетъ сознаванію; только онъ никогда непосредственно не замѣчается по тому самому, что предшествуетъ сознанію, какъ его условіе. Это сравненіе - различеніе нетождественно съ дѣятельностью разсудка, приводящей къ познанію. Человѣкъ можетъ, напр., не имѣть никакого понятія о свободѣ воли, но не имѣть въ себѣ сознанія свободы онъ не можетъ, потому что дѣйствуетъ именно во имя этого сознанія.

Но возможно различныя психическія явленія, для того, чтобы ихъ сознавать, необходимо направить свое вниманіе. Вниманіе есть сосредоточеніе своей внутренней наличной силы на одномъ какомъ-либо простомъ

или сложномъ состояніи. Благодаря такому сосредоточенію, это состояніе „какъ бы останавливается въ сознаніи на болѣе или менѣе продолжительное время— фиксируется; всѣ же другія состоянія темнѣютъ или вовсе исчезаютъ изъ сознанія“ [1]). Не только привычныя по качеству и силѣ ощущенія, чувствованія и т. д., но и необычныя теряютъ доступъ въ сознаніе или могутъ быть исключены изъ него, если вниманіе всецѣло будетъ направлено вмѣсто нихъ на другой объектъ. Архимедъ, углубившись въ рѣшеніе геометрической задачи, не замѣтилъ ни взятія непріятелями Сиракузъ, ни опасности своего положенія, когда воины ворвались въ его домъ. Иные люди во время тяжелыхъ хирургическихъ операцій не сознавали боли лишь потому, что въ состояніи были направить свои мысли на посторонніе предметы. Паскаль, чтобы забыть сильнѣйшую зубную боль, сталъ рѣшать математическую задачу. Наоборотъ, явленія слабыя, неясныя, или повседневныя, обыкновенно нами не замѣчаемыя, можно иногда ввести въ сознаніе, сосредоточивъ на нихъ свое вниманіе. Такъ при старательномъ разсмотрѣніи картины мы находимъ на ней такія черты, которыя ускользаютъ при поверхностномъ ея разсмотрѣніи.

Вниманіе бываетъ произвольное (активное), когда мы намѣренно, по собственному выбору для извѣстныхъ цѣлей, вводимъ въ сознаніе тотъ или иной объектъ, напр., стараясь уловить какой-либо едва уловимый оттѣнокъ въ ощущеніи, силясь удержаться мыслію на предметѣ мало интересномъ, или съ отчетливымъ напряженіемъ воли вспоминая забытый нами случай. Вниманіе бываетъ непроизвольное (пассивное), когда душевное явленіе, благодаря своей силѣ, новизнѣ, неожиданности, само овладѣваетъ сознаніемъ. Громкій звукъ почти неизбѣжно обратитъ на себя наше вниманіе, хотя бы мы были заняты важной работой. Точно также—наше вниманіе не-

---

[1]) В. Снегиревъ. Психологія, стр. 228.

избѣжно привлекается словами родного языка, вдругъ произнесенными въ толпѣ иностранцевъ.

Сосредоточеніе вниманія не всегда продолжается одинаковое время и всегда прерывается чередующимися періодами убыли и возрастанія. Фактъ этотъ доступенъ простому самонаблюденію. Всякій можетъ замѣтить, какъ трудно съ одинаково-напряженнымъ вниманіемъ слѣдить слово за словомъ, напр., за какимъ-либо разсказомъ или лекціею. Болѣе точны показанія эксперимента. Если органъ какого-либо внѣшняго чувства, хотя бы зрѣнія, подвергнуть вліянію умѣреннаго по силѣ физическаго впечатлѣнія, такъ чтобы при этомъ на немъ было сосредоточено вниманіе, то получаемое ощущеніе кажется на короткое время менѣе отчетливымъ или даже совсѣмъ исчезающимъ, а потомъ опять со всею ясностью выступаетъ въ сознаніи. Это колебаніе вниманія происходитъ черезъ опредѣленные, въ большинствѣ случаевъ правильные промежутки времени (отъ 3 до 24 секундъ) [1]).

Единство сознанія и степени ясности и силы сознанія.

§ 13. Содержаніе сознанія постоянно измѣняется. Психическіе процессы, одни другимъ уступающіе въ немъ мѣсто, могутъ до противоположности качественно различаться. Но само сознаніе остается всегда однимъ и тѣмъ же, всегда равно самому себѣ. Фактъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ единства сознанія. Онъ данъ въ непосредственномъ внутреннемъ опытѣ всякаго нормальнаго субъекта. Съ нимъ въ неразрывной связи стоитъ другой столь же очевидный фактъ—единство и тождество нашего „я". Отвергать единство сознанія на какихъ бы то ни было основаніяхъ значитъ гипотезу предпочитать дѣйствительной истинѣ. Поэтому всѣ тѣ теоріи сознанія, которыя обходятъ молчаніемъ или отрицаютъ его единство или не могутъ его надлежаще объяснить, уже этимъ самымъ доказываютъ свою несостоятельность. Таковы.

---

[1]) Вундтъ. Лекціи, 258. 259 стр. Тичеперъ. Очеркъ психологіи. 110 стр.

напр., различныя матеріалистическія теоріи, а также ученіе Гербарта и его школы. Единство сознанія необходимо приводитъ къ признанію духовности и единства сознающаго субъекта.

Всегда сохраняя свое единство, сознаніе бываетъ различно только по степени своей ясности и силы.

Анализъ содержанія душевной жизни, дополняемый нѣкоторыми умозрительными выводами, приводитъ къ открытію внутреннихъ явленій, по одному взгляду, соединенныхъ съ чрезвычайно темнымъ сознаніемъ, а по другому—вовсе лишенныхъ его [1]).

Все нами пережитое хранится памятью въ безсознательной, повидимому, формѣ, заявляя о своемъ дѣйствительномъ существованіи вліяніемъ на жизнь сознательную, иногда также и способностью облечься опять въ форму сознанія. Что такое привычки, какъ не стремленія, управляемыя мотивами, сперва сознаваемыми, а потомъ ставшими незамѣтными. Нерѣдко люди, даже слѣдующіе Сократовскому принципу γνόθη σε αυτνόν, вдругъ удивляются сами себѣ, совершивъ такой поступокъ, для котораго они не находятъ оправданія въ наличномъ содержаніи сознанія, который, по собственному ихъ признанію, даже противорѣчитъ ихъ настоящимъ убѣжденіямъ и, значитъ, былъ слѣдствіемъ имъ самимъ непонятныхъ въ данную минуту внутреннихъ побужденій. „Когда намъ никакъ не удается что-либо вспомнить, то самое извѣстное средство прекратить всякія попытки и заняться чѣмъ-либо другимъ: тогда въ разгаръ совершенно постороннихъ занятій внезапно и съ полною ясностью можетъ всплыть въ сознаніи отыскиваемое представленіе. Здѣсь мы покидаемъ сознательные поиски и вмѣсто нихъ даемъ полную волю безсознательному процессу“ [2]).

---

[1]) Первый взглядъ раздѣляютъ Снегиревъ, Ушинскій, Тэнъ и др., особенно англ. школа; второму взгляду слѣдуютъ: Лопатинъ (В. Ф. и П. 1893 г. IV, 16 стр.), Гефдингъ, Паульсенъ и герм. школа.

[2]) Гефдингъ. Очерки психологіи, 82 стр.

Нерѣдко безсознательная работа входитъ въ сознательную, какъ промежуточный членъ. Если представленіе „а“ связано съ представленіемъ „б“, а послѣднее съ „в“, то „а“ въ концѣ концовъ будетъ прямо вызывать „в“. Одинъ математикъ, по разсказу Карпентера, мгновенно рѣшалъ головоломныя задачи; рѣшенія получались вѣрныя и тѣмъ не менѣе пути, къ нимъ приведшіе, были такъ далеки отъ сознанія, что онъ (математикъ) испытывалъ чувство мистическаго ужаса, когда окончательный результатъ неожиданно всплывалъ въ его умѣ. Допустимъ, я говорю: „всѣ люди смертны, а потому и Сократъ смертенъ“. Такой выводъ былъ бы невозможенъ, если бы у меня не было мысли, что Сократъ— человѣкъ. Но я теперь не сознаю ее; значитъ она, какъ подразумѣваемая, должна существовать въ моей душѣ безсознательно.

Особенно часто явленія, соединенныя съ крайне темнымъ сознаніемъ или вовсе лишенныя его, существуютъ вмѣстѣ съ сознательными явленіями. На ложныхъ образахъ, при благопріятныхъ условіяхъ, усматриваются иногда такія подробности, которыя при самомъ разсмотрѣніи предмета не были замѣчены (Гельмгольцъ). Необходимо допустить, что подробности, не вошедшія въ сознаніе при первообразахъ, были однако ощущены, въ противномъ случаѣ онѣ не могли бы ни явиться, ни быть замѣченными на ложныхъ образахъ. Когда я держу перо въ рукѣ и думаю о томъ, что нужно писать, то не сознаю ни прикосновенія пера къ пальцамъ, ни напряженія пальцевъ отъ его сжиманія. Однако, есть факты, показывающіе, что процессъ держанія пера былъ бы невозможенъ, если бы я вовсе не имѣлъ ощущеній. Когда осязательная чувствительность парализована, то я долженъ смотрѣть на перо, чтобы удержать его въ рукѣ, т.-е. долженъ недостатокъ осязательныхъ ощущеній замѣнить зрительными (примѣръ изъ Свѣтилина).

Высшую степень сознательности имѣютъ тѣ душевныя состоянія, которыя мы не только отличаемъ отъ

другихъ, но и въ которыхъ различаемъ ихъ составныя части и даже элементы частей. Между полною безсознательностью и высшею степенью ясности сознанія лежитъ множество промежуточныхъ ступеней. Степень ясности сознанія зависитъ отъ того, какъ могло быть произведено сравненіе-различеніе даннаго явленія отъ другихъ, какъ на дѣлѣ оно совершено, насколько здѣсь участвовало вниманіе и какое — произвольное или непроизвольное. Если внѣшнія впечатлѣнія слѣдуютъ быстро одно за другимъ, то возникаетъ ощущеніе неясно сознаваемое, ибо при подобной быстротѣ нельзя произвести тщательнаго различенія. Равнымъ образомъ, когда душевныя состоянія отличаются необыкновенной силой, какъ, напр., аффекты, такъ что сами завладѣваютъ вниманіемъ, то они соединяются также съ темнымъ сознаніемъ: вся душевная энергія сосредоточивается въ нихъ, различеніе ихъ отъ другихъ явленій можетъ быть произведено лишь въ слабой степени, а потому даетъ неясные результаты. Вообще, наибольшею ясностью сознанія отличаются психическія явленія, имѣющія спокойный характеръ, сравненныя и различенныя отъ возможно бо̀льшаго числа другихъ психическихъ явленій, при участіи активнаго, но не пассивнаго вниманія.

Сила сознанія зависитъ отъ силы вниманія. Душевныя явленія, наиболѣе оттѣненныя пріятностью или непріятностью, удовольствіемъ или неудовольствіемъ, стоящія въ близкомъ отношеніи къ занимающимъ насъ интересамъ, сосредоточивая на себѣ сильное вниманіе, съ наибольшей силой могутъ и отражаться въ сознаніи. Впечатлѣнія и образы совершенно индифферентные, не имѣющіе близкаго соприкосновенія съ нашими интересами, располагаютъ самыми незначительными шансами къ тому, чтобы сосредоточить на себѣ вниманіе, а потому, воспринимаясь душею, соединяются съ слабымъ сознаніемъ. Низшую степень силы сознанія составляетъ разсѣянность. Разсѣянность чаще всего выражается въ томъ, что человѣкъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на предметѣ, со-

ставляющемъ интересъ данной минуты, становится невнимательнымъ ко всему прочему. Нерѣдко случается, что мы держимъ какую-либо вещь въ рукахъ и въ то же время ее ищемъ, будучи погружены въ размышленіе о важномъ вопросѣ или слушая занимательный разговоръ. Иногда не только извѣстные элементы наличнаго содержанія душевной жизни, но и все оно бываетъ слабо освѣщено сознаніемъ. Такъ, при утомленіи вниманія наше сознаніе сильно ослабѣваетъ. Ослабленіе сознанія ко всему наблюдается у многихъ душевно-больныхъ постоянно или періодически въ теченіе ихъ болѣзни.

Значеніе внѣшнихъ впечатлѣній для возбужденія сознанія.

§ 14. Внѣшнія ощущенія даютъ матеріалъ для образованія нашихъ представленій, а чрезъ нихъ большинства понятій, сужденій и умозаключеній, слѣдовательно, доставляютъ содержаніе сознанію. Человѣкъ, лишенный способности воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, не могъ бы придти къ ясному различенію внѣшняго міра отъ самого себя; поэтому его сознаніе и самосознаніе не могли бы достигнуть своего полнаго развитія. Въ подтвержденіе этого укажемъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что у людей слабоумныхъ, у которыхъ способность ощущеній почти не возбуждается внѣшними раздраженіями, замѣчаются слабые проблески сознанія, что даже психически здоровые люди, но слѣпые и глухіе отъ рожденія, если недостатокъ этихъ чувствъ не будетъ у нихъ возмѣщенъ при помощи искусственнаго воспитанія, никогда не достигаютъ степени духовнаго развитія, свойственной людямъ, надѣленнымъ зрѣніемъ и слухомъ. Для приведенія человѣка изъ безсознательнаго состоянія (напр., при обморокѣ) въ сознательное употребляются обыкновенно сильныя, даже болевыя, физическія раздраженія.

Самосознаніе.

§ 15. Человѣкъ въ каждый моментъ своей жизни направляетъ вниманіе на нѣчто во внѣшнемъ мірѣ или внутри самого себя, бываетъ занятъ объектомъ, которымъ служитъ вещь внѣшняго міра или собственное психиче-

ское состояніе. Чтобы представлять объектъ, необходимо имѣть представленіе и о субъектѣ, но послѣднее можетъ быть и съ неопредѣленнымъ характеромъ: для сознанія объекта достаточно мыслить о своемъ „я", какъ о чемъ-то противоположномъ объекту; этимъ устраняется возможность смѣшенія послѣдняго съ первымъ. Но иногда мы, прежде всего, и непосредственно устремляемъ свое вниманіе на субъектъ. Тогда мы представляемъ свое „я" не только какъ нѣчто противоположное объекту, но и какъ имѣющее извѣстныя свойства. Здѣсь уже обнаруживается не просто сознаніе, какъ прежде, когда различающая дѣятельность направляется на объектъ, но самосознаніе. Въ первомъ случаѣ представленіе о нашемъ „я" служитъ условіемъ, при которомъ можно ввести въ сознаніе объектъ; во второмъ случаѣ оно, выступая на первый планъ, само обусловливается представленіемъ объекта, какъ контрастнымъ пунктомъ.

Самосознаніе есть сознаніе самого себя, сознаніе того, что наше „я" — не внѣшній предметъ и не тѣло, что его не составляютъ и нами переживаемыя душевныя состоянія; оно есть отличеніе своего „я" отъ его проявленій и отъ явленій внѣшняго міра, представленіе о немъ, какъ объ источникѣ и носителѣ психической жизни. Самосознанію свойственно сознаніе единства и тождества нашего „я" или субъекта, сознаніе того, что онъ остается всегда единымъ, однимъ и тѣмъ же, несмотря на всѣ измѣненія въ тѣлесной и душевной жизни [1]).

---

[1]) Наше „я" чаще мыслится посредствомъ тѣхъ фактовъ, которые мы переживаемъ. Такимъ фактомъ можетъ служить каждое состояніе души и тѣла, которое особымъ образомъ будетъ опредѣлять наше „я". Отсюда наше „я", насколько оно мыслится посредствомъ переживаемыхъ фактовъ, постоянно бываетъ инымъ, постоянно мѣняется. Я уже теперь не то, чѣмъ былъ годъ тому назадъ. Это, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи съ тождествомъ и единствомъ нашего „я"; но противорѣчіе здѣсь кажущееся. Различіе относится къ фактамъ, которыми я опредѣляю себя, а тождество, не касаясь этихъ фактовъ, относится къ переживающему ихъ субъекту.

Единство и тождество нашего „я“ — факты великой важности. Дѣятельность познанія выражается въ образованіи изъ менѣе сложныхъ формъ болѣе сложныхъ, такъ: изъ ощущеній получаются представленія, изъ представленій — понятія, изъ понятій — сужденія и умозаключенія. Но какъ сравнить два ощущенія свѣта и звука или даже два цвѣтовыя ощущенія и образовать изъ нихъ представленіе, если бы каждое изъ этихъ ощущеній не относилось къ единому началу? Почему два человѣка не могутъ образовать одного сужденія сообща, т.-е. чтобы въ сознаніи одного было подлежащее, а въ сознаніи другого сказуемое, если не потому, что одинъ и другой человѣкъ составляетъ особое „я“? То же самое относится къ чувствованіямъ и желаніямъ. Съ устраненіемъ единства нашего субъекта каждое психическое явленіе существовало бы само по себѣ, могло бы дѣйствовать на другія механически, какъ дѣйствуетъ одно тѣло на другое, но не могло бы вступать во внутреннюю связь съ ними.

Единство нашего „я“ сохраняетъ свое значеніе при его тождествѣ. Наша душевная жизнь находится въ постоянномъ теченіи, одни явленія въ душѣ смѣняются другими. Будь наше „я“ единымъ, но въ каждый новый моментъ нетождественнымъ, тогда въ послѣдовательности одного момента времени за другимъ не было бы ничего постояннаго, тогда психическая жизнь представлялась бы въ видѣ новыхъ, другъ за другомъ слѣдующихъ отдѣльныхъ явленій. А такъ какъ субъектъ при своемъ единствѣ сохраняетъ тождество, то онъ въ сознаніи можетъ устанавливать соотношеніе не только между одновременными явленіями, но и между смѣняющимися во времени. Чувство отвѣтственности за поступки, допущенные въ прошедшемъ, связь между мотивами дѣйствій, выборомъ средствъ и практическимъ ихъ осуществленіемъ возможны потому, что дѣйствующее лицо всегда остается неизмѣннымъ. Отсюда же и возможность пользоваться опытомъ прошлаго.

До полнаго самосознанія, до представленія о своемъ „я“, какъ единомъ и тождественномъ источникѣ, началѣ душевной жизни, человѣкъ доходитъ постепенно. Въ развитіи самосознанія обыкновенно различаютъ три ступени. Первая, низшая ступень характеризуется тѣмъ, что индивидуумъ, отождествляя свою личность, свое „я“ съ тѣломъ, различаетъ отъ предметовъ міра внѣшняго; онъ отождествляетъ себя съ тѣломъ, замѣчая, что оно непосредственно повинуется его желанію, различаетъ отъ предметовъ міра внѣшняго, какъ независимыхъ, могущихъ оказывать ему противодѣйствіе. Не съ одинаковою легкостью удается младенцу приложить къ своимъ губамъ свою руку и блестящую игрушку. На этой ступени развитія находится самосознаніе у дикарей и людей необразованныхъ. На второй ступени развитія самосознанія субъектъ отличаетъ себя отъ своего тѣла. Намъ тогда открывается, что и тѣло во многихъ случаяхъ, подобно внѣшнимъ предметамъ, можетъ служить объектомъ чувственнаго воспріятія и оказывать сопротивленіе. Рука осязаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ предметомъ осязанія для другой руки; поднятая вверхъ, она съ теченіемъ времени сама собою, помимо нашей воли опускается внизъ. Свои мысли, чувствованія, желанія мы еще отождествляемъ съ своимъ „я“. На третьей, самой высшей ступени самосознанія человѣкъ доходитъ до отличенія своей личности отъ психическихъ явленій, понятіе о субъектѣ получаетъ особый, отвлеченный характеръ. Ощущенія, представленія, волненія, влеченія и т. д. принадлежатъ намъ, происходятъ въ насъ, но не составляютъ нашей сущности, нашего „я“, и они могутъ быть объектированы нами въ актахъ познанія, могутъ какъ бы сами собою возникать внутри насъ, но и могутъ подчиняться нашему вліянію. Наше „я“ есть то, что мыслитъ, чувствуетъ, желаетъ, что при множественности и разнообразіи душевныхъ процессовъ всегда остается единымъ, однимъ и тѣмъ же,—всегда равно самому себѣ.

ОПЫТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

О способностяхъ души и законахъ ихъ дѣятельности (познаніе, чувствованія и желанія или воля).

Главныя душевныя способности. Отличительная ихъ самостоятельность и взаимная связь.

§ 16. Чтобы сообщить порядокъ изслѣдованію душевной жизни, необходимо ея явленія раздѣлить на общія группы или классы. Выработано житейскою психологіею и принято, со временъ Канта, большинствомъ ученыхъ дѣленіе душевныхъ явленій на три главныя группы: на явленія познанія, чувствованія и желанія. Въ пользу такого дѣленія приводятся слѣдующія основанія.

1) Психическія явленія указанныхъ трехъ группъ качественно несравнимы, ихъ нельзя свести къ одной группѣ, вывести какъ изъ своего начала, изъ какой-либо одной душевной способности, напр., изъ познанія. Желаніе зависитъ, между прочимъ, и отъ знанія—„ignoti nulla cupido", но само по себѣ оно не есть знаніе, а стремленіе. Мысль можетъ вызвать чувствованіе, послѣднее можно подвергнуть наблюденію, но нельзя указать общихъ признаковъ для мысли и вызваннаго ею чувствованія, для наблюденія чувствованія и испытываемаго чувствованія. Разсматривая какой угодно психическій фактъ, мы не затруднимся отнести его къ одной изъ сферъ душевной жизни—къ умственной, сердечной или волевой. Если же возникаетъ какое-либо затрудненіе, то это объясняется большой сложностью наблюдаемаго факта, и когда мы разложимъ его на составные элементы, то не затруднимся каждый изъ нихъ отнести къ одному или другому или третьему классу. Явленія одного класса,

обнаруживаясь съ большой силой, оказываются противоположными и несовмѣстимыми съ явленіями двухъ остальныхъ классовъ. Такъ аффектъ (сильное чувство) гнѣва или страха противоположенъ и не можетъ быть одновременнымъ спокойному мышленію и волѣ, въ полномъ ихъ развитіи.

2) Душевныя способности неодинаково относятся къ объекту и субъекту. Познаніе судитъ объ объектѣ, устанавливаетъ мнѣніе, старается постигнуть его свойства. Чувствованіе хотя и возбуждается объектомъ, однако, затѣмъ прерываетъ всякую связь съ нимъ: оно самое субъективное состояніе души. Воля стремится оказать на объектъ такое или иное воздѣйствіе. Въ актахъ познанія и свое „я" мы можемъ дѣлать своимъ объектомъ. Въ чувствованіяхъ нѣтъ никакого противоположенія своему „я" себя или своихъ состояній. Желаніе можетъ имѣть своимъ объектомъ состояніе нашего „я", но тогда какъ въ познаніи объектъ не ищется и не избѣгается, въ желаніи оказывается намѣреніе овладѣть объектомъ, получить его или удалить.

Итакъ, анализъ душевной жизни даетъ основанія для дѣленія ея явленій на три главныя группы и вмѣстѣ съ тѣмъ для признанія, соотвѣтственно сему дѣленію, трехъ главныхъ психическихъ силъ или способностей: познанія, чувствованія и желанія.

Признавая способности души, мы вовсе не думаемъ отдѣлять ихъ отъ души, олицетворять ихъ, какъ нѣчто совершенно отъ нея отличное. Психическая способность есть та же самая душа, только дѣйствующая въ томъ или другомъ направленіи, проявляющаяся тѣмъ или другимъ способомъ. Тѣмъ болѣе мы не считаемъ способностей души отдѣльными ея частями [1]).

---

[1]) Какъ пишетъ Ушинскій, различныя способности или дѣятельности предмета не должны вести къ раздѣленію самого предмета; но и наоборотъ, единство предмета не должно вести къ смѣшенію его различныхъ и разнообразныхъ дѣятельностей. Если мы не понимаемъ, какъ эти дѣятельности вытекаютъ изъ сущности

Способности души, какъ выраженія единаго начала психической жизни, обыкновенно дѣйствуютъ всѣ три вмѣстѣ и производятъ сложныя явленія, которыя мы всякій разъ приписываемъ одной изъ нихъ, преобладающей въ данномъ случаѣ. Напр., происходитъ процессъ, относимый нами къ разсудочной дѣятельности. Повидимому, онъ производится одною способностью познанія. Однако, при внимательномъ его анализѣ оказывается, что онъ вызванъ извѣстнымъ мотивомъ и сопровождается пріятнымъ или непріятнымъ чувствованіемъ. Точно также, анализируя чувствованія и желанія, находимъ въ нихъ другіе элементы. Такъ, испытывая физическую боль (чувствованіе), мы мгновенно локализируемъ ее (познаніе) и стремимся ее прекратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить, облегчить (желаніе).

Установивъ классификацію душевныхъ явленій и опредѣливъ число главныхъ душевныхъ способностей, приступимъ къ самому изслѣдованію способностей и ихъ дѣятельности, или отправленій. Это составитъ первую часть нашей науки.

предмета, не разрывая ея своимъ разнообразіемъ, то это только значитъ, что мы неспособны понять сущности предмета и вынуждены мириться съ этой невозможностью. Наука не выиграетъ, а проиграетъ только, если мы, чувствуя въ себѣ единство души, будемъ стараться посредствомъ разныхъ насильственныхъ и ничѣмъ неоправдываемыхъ гипотезъ выводить всѣ различные виды душевныхъ явленій изъ одного какого-либо вида, напр., изъ представленій, какъ Гербартъ, или изъ воли, какъ Шопенгауеръ. Опытъ педаг. антропологіи. 1881 г., II т., 228 стр.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Способность познанія.

Способности познанія, чувствованія и желаній находятся въ постоянномъ и полномъ взаимодѣйствіи, каждая сохраняя свою относительную самостоятельность. Повидимому, анализъ ихъ можно начать съ любой изъ нихъ. „Однако, уже по внѣшнимъ причинамъ лучше начинать съ изслѣдованія познанія. Такъ какъ мы разсматриваемъ явленія познанія, какъ образы объектовъ, то можемъ переносить на эти образы такое же отвлеченіе, какое производимъ всегда при составленіи понятія о внѣшнемъ предметѣ: можно разсматривать ихъ такъ, какъ если бы вовсе не существовало чувствованій и желаній, которыми они въ дѣйствительности всегда сопровождаются. Между тѣмъ въ отношеніи къ чувствованіямъ и желаніямъ подобное отвлеченіе не можетъ быть произведено: ибо нельзя даже изображать ихъ безъ указанія тѣхъ представленій, съ которыми они связаны“ [1]).

1. Способность ощущенія.

Способность познанія обнаруживается въ четырехъ главныхъ формахъ, именно—какъ способность ощущенія, представленія, мышленія и идеальнаго созерцанія.

---

[1]) В. Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. 1894 г. 13—14 стр.

Познавательная способность, съ пробужденіемъ въ человѣкѣ психической жизни, прежде всего проявляется въ образованіи ощущеній.

Понятіе объ ощущеніи; внѣшнія его условія.

§ 17. Ощущеніями называются процессы познанія, возникающіе въ душѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ на нее процессовъ нервныхъ, вызываемыхъ физическими дѣятелями. Они не могутъ быть произведены душою самостоятельно, въ отсутствіи физическихъ дѣятелей, но существуютъ и продолжаются до тѣхъ поръ, пока продолжается воздѣйствіе послѣднихъ на нашу нервную систему.

Ощущеніе, понимаемое въ строгомъ смыслѣ слова (см. § 20), есть элементарное, простое психическое явленіе. Его нельзя разложить на болѣе простые акты или получить путемъ соединенія таковыхъ. Сложнымъ можетъ быть не само ощущеніе, а только его внѣшній стимулъ. Такъ, ощущеніе бѣлаго, какъ процессъ сознанія, безусловно просто, но оно способно возникнуть при вліяніи на органъ зрѣнія такихъ условій, которыя, если дѣйствуютъ порознь, вызываютъ разныя ощущенія, напр., желтаго и синяго, различныя другъ отъ друга и отъ ощущенія бѣлаго (см. стр. 58). Только въ области слуха, кромѣ простыхъ ощущеній тона, непосредственно даны сложныя ощущенія звука и шума.

Будучи само по себѣ, по своему психическому характеру, простымъ явленіемъ, ощущеніе, взятое въ цѣломъ съ его производителями, оказывается довольно сложнымъ актомъ: оно обставлено физическими, физіологическими и психическими условіями.

Ощущеніе въ своемъ происхожденіи прежде всего обусловливается внѣшнимъ раздраженіемъ, т.-е. какимъ-либо процессомъ, происходящимъ въ нашемъ организмѣ или во внѣшнемъ мірѣ, и производящимъ впечатлѣніе на периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ. Во взглядѣ на природу внѣшняго раздраженія наука до противоположности расходится съ ненаучной точкой зрѣнія. Съ ненаучной точки зрѣнія ощущеніе—копія внѣш-

няго раздраженія: свойства, находимыя въ ощущеніяхъ, приписываются послѣднимъ. Наука же твердо установила, что физическіе процессы, обусловливающіе ощущенія, не имѣютъ свойствъ, которыя принадлежатъ ощущеніямъ. Въ природѣ нѣтъ ни краснаго, ни синяго, ни цвѣта, ни звука и т. д. Въ ней происходятъ только: колебанія эфира, сотрясеніе воздуха и другіе виды движенія матеріальныхъ частицъ, которые, повидимому, можно свести къ двумъ группамъ—химическихъ и механическихъ движеній [1]).

Вторымъ процессомъ, необходимымъ для возникновенія ощущенія, является воздѣйствіе внѣшняго раздраженія на чувствительныя мѣста нашего тѣла. Нервы воспринимаютъ возбужденіе не непосредственно, а чрезъ посредство массы тѣла, лежащей предъ ихъ окончаніемъ.

Третьимъ условіемъ ощущенія служитъ нѣкоторое измѣненіе въ состояніи нервовъ, или нервный процессъ. Онъ, какъ полагаютъ, представляетъ собою движеніе, состоящее не въ простой передачѣ силы, какъ, напр., бываетъ при встрѣчѣ билліардныхъ шаровъ, но въ ея освобожденіи [2]). До раздраженія нервовъ эта сила находится въ нихъ въ состояніи потенціальномъ, или связанномъ. Раздраженіе ближайшимъ образомъ освобождаетъ или разряжаетъ силу, сокрытую въ частицахъ нерва, лежащихъ при периферіи тѣла. Отсюда освобожденіе распространяется далѣе, направляясь къ центру, причемъ одинъ нервный элементъ служитъ раздражителемъ по отношенію къ другому. „Связанная сила, которая такимъ образомъ освобождается, повидимому, имѣетъ химическую природу; однако, часто химическая теорія нервной дѣятельности представляетъ разнаго рода трудности“.

---

[1]) Т. Цигенъ. Физіологич. психологія, 28—29 стр.

[2]) Гефдингъ. Оч. психологіи, 41 стр. Н. Гротъ. О времени. Вопросы филос. и психологіи. 1894 г., IV, 394 стр.

Четвертое и вмѣстѣ послѣднее физіологическое условіе это процессъ, происходящій въ мозгѣ. Сущность процесса, совершающагося въ головномъ мозгу вслѣдствіе передачи ему нервнаго движенія, до сихъ поръ не выяснена.

Понятіе о нервной системѣ. Ея значеніе для душевной жизни.

§ 18. Въ виду большого значенія отправленій нервной системы для образованія ощущенія, дадимъ о ней краткое понятіе. Нервная система—механизмъ необыкновенно сложнаго и тонкаго устройства. Въ ней различаютъ центры, развѣтвленія и окончанія. Главныхъ центровъ два: головной мозгъ и спинной [1]). Головной мозгъ занимаетъ полость черепа. Въ немъ слѣдующія части: большой мозгъ, малый мозгъ или мозжечекъ и продолговатый. Большой мозгъ занимаетъ верхнюю и самую большую часть полости черепа и состоитъ изъ двухъ полушарій. Поверхность послѣднихъ представляетъ извилистыя возвышенія и впадины. Мозжечекъ лежитъ подъ большимъ мозгомъ, въ затылочной части черепа. Продолговатый мозгъ есть продолженіе спинного мозга въ полости черепа. Спинной мозгъ, имѣющій форму длиннаго цилиндра, помѣщается въ позвоночномъ хребтѣ отъ головы до поясничнаго отдѣла. Изъ центровъ не прерываясь идутъ во всѣ стороны развѣтвленія — нервы, которые часто то соединяются въ пучки, то опять распадаются на отдѣльныя нити. Изъ головного мозга выходитъ двѣнадцать паръ нервовъ, а изъ спинного 31 пара. Окончанія нервовъ раздѣляются на множество тончайшихъ волоконъ, пронизывающихъ мускулы или расположенныхъ въ различныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ органахъ.

Центральная нервная система состоитъ изъ сѣраго и бѣлаго вещества. Сѣрое вещество покрываетъ головной мозгъ въ видѣ тонкой оболочки или коры; въ спинномъ мозгу оно расположено внутри. Бѣлое вещество,

---

[1]) Разсмотрѣніе симпатической нервной системы, управляющей растительными процессами, не входитъ въ нашу задачу.

наоборотъ, находится внутри головного мозга и снаружи спинного. Сѣрое вещество представляетъ собою множество клѣтокъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ по одному или по нѣскольку отростковъ. У клѣтокъ спинного мозга такихъ отростковъ обыкновенно четыре: два спереди, два сзади. Бѣлое вещество составляютъ тончайшія нервныя волокна. Они берутъ свое начало въ отросткахъ узловыхъ клѣтокъ, либо связываютъ эти клѣтки однѣ съ другими, либо направляются въ разныя части тѣла, образуя нервныя нити и пучки (какъ сказано выше) [1].

По своимъ физіологическимъ отправленіямъ нервы бываютъ двоякаго рода. Одни принимаютъ и передаютъ раздраженіе отъ своихъ периферическихъ окончаній клѣткамъ центральнаго мозга. Другіе несутъ раздраженіе отъ центровъ къ периферіи. Дѣятельностью первыхъ обусловливается происхожденіе ощущеній или чувствъ и потому они называются чувствительными. Дѣятельность же послѣднихъ нервовъ всегда предшествуетъ мускульнымъ сокращеніямъ и, слѣдов., движеніямъ, и потому они называются двигательными. Изъ переднихъ отростковъ или корешковъ каждой узловой клѣтки спинного мозга идутъ только двигательные нервы, а изъ заднихъ—только чувствительные (открытіе Белля). Подобной правильности въ распредѣленіи нервовъ, идущихъ изъ головного мозга, не существуетъ.

Что касается значенія нервной системы для душевной жизни, то можно считать несомнѣннымъ только, что психическія явленія сопровождаются часто, если не всегда,

---

[1]) По своему устройству нервныя клѣтки суть маленькія, похожія на пузырьки, тѣльца съ зернистымъ, мягкимъ, часто окрашеннымъ содержаніемъ. Самая большая по объему клѣтка равна $^1/_{300}$ дюйма, а самая малая — $^1/_{12000}$. Содержаніе клѣтки весьма нестойкое, способное приходить въ движеніе отъ самаго незначительнаго возбужденія.

Нервныя волокна—трубки, наполненныя бѣлымъ жирнымъ веществомъ съ осевымъ эластическимъ волоскомъ въ срединѣ. Толщина волокна отъ $^1/_{1500}$ до $^1/_{100000}$ дюйма.

физіологическими явленіями въ нервной системѣ и находятся съ ними въ какомъ-то особомъ взаимодѣйствіи, что обыкновенно ощущеніе не возникаетъ безъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ тѣмъ или инымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и безъ передачи этого раздраженія клѣткамъ головного мозга и что душа оказываетъ воздѣйствіе на внѣшній міръ чрезъ посредство двигательныхъ нервовъ [1]). Все же, что больше утверждаютъ по данному вопросу нѣкоторые ученые, имѣетъ сомнительное значеніе. Такъ, существуетъ ли локализація всѣхъ психическихъ процессовъ въ мозгѣ, — относительно этого физіологи не пришли къ окончательному и безспорному выводу. Представители различныхъ направленій, напр., Флурансъ, Гольцъ, Мункъ и Вундтъ — одинаково согласны въ томъ, что высшія проявленія душевной жизни не связаны съ опредѣленными участками головного мозга. Кромѣ того, физіологическія и патологическія наблюденія показали, что нѣтъ ни одной части мозга, которая была бы необходимой и незамѣнимой для душевной жизни. При извѣстныхъ обстоятельствахъ переносится безъ значительнаго ущерба для психической жизни даже вырожденіе цѣлаго полушарія [2]). Правда, иные пытались и теперь пытаются опредѣлить въ мозгу отдѣльные центры не только для низшихъ, но и для выс-

---

[1]) Въ частности, какъ открыли опыты надъ животными и патологическія наблюденія надъ человѣкомъ: а) опредѣленныя части головного мозга связаны съ опредѣленными органами внѣшнихъ чувствъ, напр., кора затылочной доли мозга соединена съ ретиной, часть теменной доли съ органомъ осязанія, верхняя извилина височной доли со слухомъ, такъ назыв. полосатыя тѣльца съ обоняніемъ; б) опредѣленные пункты височной доли связаны съ функціями рѣчи, а именно лежащіе ближе — спереди — съ членораздѣльнымъ произношеніемъ словъ, а лежащіе далѣе — назадъ — съ образованіемъ представленій словъ. Довольно точно установлена зависимость различныхъ рефлективныхъ движеній (ихъ координаціи) отъ тѣхъ или иныхъ мѣстъ въ продолговатомъ и спинномъ мозгѣ, о чемъ говоритъ физіологія.

[2]) Паульсенъ. Введеніе въ философію.

шихъ, чисто-психическихъ процессовъ; попытки эти, однако, неудачны [1]). Онѣ не только свидѣтельствуютъ о грубыхъ физіологическихъ представленіяхъ, но и совершенно не совмѣстимы съ психологическимъ анализомъ соотвѣтствующихъ душевныхъ функцій.

Внутреннія условія ощущенія; неоднородность ощущеній съ физіологическими процессами, ихъ вызывающими.

§ 19. Внѣшнія условія, предшествующія ощущеніямъ, не исключительныя и не единственныя условія. Нерѣдко ощущеніе не возникаетъ, хотя внѣшнія его условія всѣ даны. Что ощущенія не суть копіи внѣшнихъ предметовъ и событій, что они несоизмѣримы и невыводимы изъ физическихъ процессовъ,—этотъ фактъ такъ прочно установленъ наукой, что можетъ считаться какъ бы аксіомой (притомъ мы отчасти указывали на этотъ фактъ: см. §§ 7 и 17). Равнымъ образомъ ошибочно видѣть самую причину ощущеній въ вызывающихъ ихъ процессахъ физіологическихъ, какъ дѣлаютъ иные физіологи. Нервные процессы представляютъ собою колебанія матеріальныхъ частицъ, т.-е. движенія. Въ ощущеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на движеніе. Говоря строго, не только ничего психическаго, но даже физіологическаго въ процессѣ ощущенія въ насъ извнѣ не входитъ: нервное движеніе, вызванное физическимъ впечатлѣніемъ, лишь привлекаетъ къ дѣйствію или пробуждаетъ психическую силу [2]). Физіологическое движеніе имѣетъ прогрессивное направленіе: оно переходитъ отъ стимула къ периферическимъ окончаніямъ нерва, отъ окончаній нерва—къ его началу, клѣткѣ въ нервномъ центрѣ. Въ ощущеніи замѣчается обратное слѣдованіе: отъ чистаго

---

[1]) См., напр., психіатрію Корсакова 1893 г. Въ началѣ своего труда авторъ, излагая элементарныя свѣдѣнія по психологіи и стараясь всѣ душевныя явленія изъяснить изъ физіологическихъ данныхъ, постоянно вынужденъ прибѣгать къ подобнымъ выраженіямъ: нужно считать доказаннымъ..., повидимому это обусловливается..., можно предполагать..., по всей вѣроятности. Такія выраженія имѣютъ мало убѣдительности для безпристрастно-судящаго лица.

[2]) Н. Гротъ. О времени. Вопр. фил. и псих. 1894 г., IV кн., 394 и 395, 400—402 стр.

ощущенія душевная дѣятельность переходитъ къ внѣшнему стимулу, воспринимая послѣдній, какъ объектъ. Нервный процессъ обнимаетъ значительное число изолированныхъ другъ отъ друга нитей нерва и въ каждой изъ нитей онъ представляетъ множество отдѣльныхъ толчковъ или моментовъ въ колебаніи. Но то, что физіологически занимаетъ нѣсколько моментовъ времени и простирается на группу изолированныхъ проводниковъ, въ сознаніи выражается въ единомъ мгновенномъ и элементарномъ явленіи ощущенія. Итакъ, неоднородность ощущенія съ физіологическими процессами, ихъ вызывающими, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Поэтому выводить первыя изъ послѣднихъ, какъ изъ ихъ начала, было бы крупной логической ошибкой.

Необходимо признать, что ощущенія образуются душою, которая въ строгомъ смыслѣ и есть дѣйствительная и истинная причина ихъ происхожденія. Нервныя движенія непонятнымъ для насъ образомъ оказываютъ воздѣйствіе на душу. Душа, въ силу присущей ей способности, отвѣчаетъ на это воздѣйствіе особымъ актомъ, который мы называемъ ощущеніемъ.

Степени ощущенія.

§ 20. Ощущенія по степени ихъ развитія раздѣляются наукой на ощущенія въ строгомъ смыслѣ и воспріятія (перцепціи). Ощущеніе въ строгомъ смыслѣ есть фактъ субъективный, оно сознается нами, какъ наше личное состояніе. Воспріятіе отличается объективнымъ характеромъ; оно относится нами къ предметамъ внѣшнимъ по отношенію къ нашей душевной жизни. Горечь, сладость, боль—мы ощущаемъ; горечь хинина, сладость меда, боль въ рукѣ — мы воспринимаемъ. Ощущеніе — простое состояніе души. Воспріятіе состоитъ изъ сочетанія въ одномъ актѣ съ настоящимъ ощущеніемъ большого числа представленій прежде бывшихъ ощущеній и всегда связано съ локализаціей, т.-е. опредѣленіемъ его мѣста въ предѣлахъ тѣлеснаго организма, или съ объективизаціей, т.-е. съ отнесеніемъ его къ какому-либо внѣшнему предмету.

Чистое ощущеніе въ нашемъ самонаблюденіи, можно сказать, не дано. Почти каждое впечатлѣніе, оказавъ воздѣйствіе на нашу душу, сознается нами то какъ свойство внѣшняго предмета, то какъ состояніе нашего организма. Если же наука различаетъ ощущеніе отъ воспріятія, то потому, что одни изъ ощущеній имѣютъ болѣе субъективный характеръ, а другія — менѣе субъективный, говоря иначе, потому, что съ одними соединяется яснѣе представленіе ихъ отношенія къ внѣшнимъ предметамъ или къ нашему тѣлу, въ другихъ это отношеніе сознается въ слабой степени. Такъ, ощущенія жесткости, бѣлизны сознаются въ такой тѣсной связи съ предметами, ихъ вызвавшими, что мыслить ихъ (ощущенія) внѣ этой связи невозможно. Мы воспринимаемъ не просто бѣлизну, а бѣлый предметъ. Но мы можемъ чувствовать жгучую боль, не сознавая, что̀ болитъ.

Какимъ путемъ ощущенія переходятъ въ воспріятія, какъ нами совершается локализація и объективизація ощущеній?

Ощущеніе—пассивное психическое состояніе. Внѣшніе стимулы дѣйствуютъ чрезъ посредство нервной системы на душу и вызываютъ въ ней ощущеніе. Я не могу не видѣть свѣта, когда онъ раздражаетъ мой глазъ; я не могу не слышать звука, когда волны воздуха достигаютъ до органа слуха. Какъ страдательныя состоянія, ощущенія указываютъ на существованіе внѣ ощущающаго субъекта особыхъ причинъ, на существованіе внѣшнихъ стимуловъ. Затѣмъ, всякое ощущеніе сообразно съ тѣмъ, откуда исходятъ его физическія условія, отличается особеннымъ характеромъ. Соотвѣтственно этому характеру ощущеній мы распредѣляемъ ихъ по мѣсту внѣшняго раздраженія. Напр., мы чувствуемъ прикосновеніе холоднаго предмета къ рукѣ и въ то же время видимъ, какъ онъ касается руки; изъ одновременности обоихъ ощущеній мы заключаемъ, что причиной возникновенія ощущенія холода послужило прикосновеніе къ

тому мѣсту, гдѣ мы видѣли. Благодаря ассоціаціи, въ другой разъ мы и не видя мѣста, возбужденнаго внѣшнимъ предметомъ, ощущеніе все-таки относимъ къ этому мѣсту.

Мѣстное опредѣленіе впечатлѣній въ предѣлахъ организма въ начальный періодъ младенческой жизни служитъ одной и единственной формой воспріятія. Но съ теченіемъ времени оно сохраняется для однихъ только органическихъ впечатлѣній. Ощущенія же высшихъ чувствъ мѣстно опредѣляются внѣ организма, т.-е. въ собственномъ смыслѣ объективируются.

Процессъ объективизаціи является продолженіемъ и завершеніемъ процесса локализаціи. Полная локализація всегда есть пространственное опредѣленіе ощущеній внѣ организма. Она достигается ассоціаціей нѣсколькихъ группъ ощущеній. Объективировать, напр., какое-нибудь цвѣтовое ощущеніе (данное зрѣнія) можно только въ опредѣленной пространственной формѣ и на опредѣленномъ разстояніи (объ этомъ подробнѣе въ § 40).

Содержаніе ощущенія.

§ 21. Психологическій анализъ различаетъ въ ощущеніи содержаніе, силу и тонъ. Подъ содержаніемъ разумѣется качественная опредѣленность ощущеній, благодаря которой ощущенія одного чувства различаются нами отъ ощущеній другого или въ области одного и того же чувства одни ощущенія различаются отъ другихъ. Такъ, мы различаемъ воспріятія зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса, осязанія и общаго чувства; въ области чувства зрѣнія различаемъ свѣтъ, цвѣтъ, красное, синее, желтое и т. д.

Содержаніе или качество ощущеній является самымъ важнымъ ихъ свойствомъ. Мало того, что по содержанію мы различаемъ каждое изъ нихъ отъ всѣхъ прочихъ; это именно содержаніе и только оно одно выражаетъ простоту психическаго акта. То обстоятельство, что одно ощущеніе сильнѣе или слабѣе другого, никогда не показало бы, простъ ли данный процессъ сознанія или сложенъ. Только качество, которое нельзя разло-

жить на дальнѣйшіе элементы, говоритъ о простотѣ ощущенія.

Содержаніе ощущенія обусловливается особенностью физическаго стимула. Уколъ иголкой, прикосновеніе теплаго предмета, давленіе на кровеносный сосудъ — все это одинаково можетъ вызвать ощущенія, но вызванныя различными внѣшними раздраженіями ощущенія будутъ не одинаковы по качеству. Свѣтъ возбуждаетъ воспріятія зрѣнія, звукъ—воспріятія слуха. Но извѣстное внѣшнее раздраженіе вызываетъ соотвѣтствующее ощущеніе только въ томъ случаѣ, когда оно дѣйствуетъ на извѣстное же чувство. Звуковая волна, дѣйствуя на органъ вкуса или обонянія, не произведетъ ощущенія звука. Нерѣдко одно и то же физическое раздраженіе вызываетъ ощущенія различнаго рода, возбуждая разныя чувствительныя мѣста организма. Механическій ударъ по мускулу порождаетъ боль, по глазу—свѣтовое ощущеніе, по уху — звуковое. Электрическій токъ, сообразно съ тѣмъ, направленъ ли онъ на языкъ или на глазъ, на носъ или на ухо, производитъ ощущеніе то свѣта, то шума, то вкуса, то запаха. Свойство чувствъ, благодаря которому они на специфическія внѣшнія раздраженія отвѣчаютъ каждое ему свойственнымъ способомъ, называется, со времени Іоганна Мюллера, специфическою энергіею чувствъ [1]). Но специфическая энергія проявляется лишь въ извѣстныхъ границахъ интенсивности раздраженій. Слишкомъ сильный свѣтъ не вызываетъ зрительнаго впечатлѣнія, а „ослѣпляетъ“ насъ, т.-е. даетъ своеобразное болѣзненное ощущеніе, слишкомъ сильный звукъ точно также „оглушаетъ“ насъ. То же самое замѣчается при чрезмѣрно-интенсивныхъ раздраженіяхъ другихъ органовъ чувствъ.

---

[1]) Специфическая энергія чувствъ физіологически зависитъ отъ различнаго устройства ихъ концевыхъ аппаратовъ и еще болѣе отъ мѣста, раздражаемаго въ головномъ мозгѣ, но вовсе не отъ строенія нервовъ. Джэмсъ. Психологія, 8—10 стр.

Сила ощущенія.

§ 22. Другая сторона ощущенія, которую намъ предстоитъ разсмотрѣть, есть количество, сила или еще иначе—интенсивность [1]). Каждое ощущеніе можетъ быть и очень сильнымъ, и очень слабымъ и затѣмъ постепенно проходить различныя степени напряженности, лежащія между этими крайними границами, хотя качество его можетъ оставаться неизмѣннымъ. Сила ощущенія зависитъ отъ силы внѣшняго раздраженія: говоря вообще, чѣмъ интенсивнѣе послѣднее, тѣмъ болѣе интенсивнымъ будетъ первое и наоборотъ. Но при этомъ для всякаго внѣшняго раздраженія существуетъ minimum силы, какъ низшій предѣлъ, переступивъ за который оно несспособно произвести впечатлѣніе на нервы, и существуетъ maximum силы, какъ высшій предѣлъ, поднявшись за который внѣшнее раздраженіе не сопровождается дальнѣйшимъ увеличеніемъ интенсивности даннаго ощущенія, но вызываетъ новое болевое [2]).

Отзывчивость къ разностямъ силы физическихъ раздражителей у различныхъ чувствъ неодинакова. Наибольшей чувствительностью отличается зрѣніе: достаточно сплу свѣта увеличить на 0,01, чтобы это увеличеніе сопровождалось замѣтнымъ усиленіемъ ощущенія. Мускульное чувство замѣчаетъ разницу 0,17. Да-

---

[1]) Количественная сторона ощущеній отличается отъ другихъ количествъ, напр., отъ величины линій, числа предметовъ и т. п. Послѣднія количества необходимо предполагаютъ протяженность. Между тѣмъ количества, какія мы наблюдаемъ въ ощущеніяхъ, а равно и въ другихъ душевныхъ процессахъ, непротяженны.

[2]) „Minimum“ силы внѣшнихъ впечатлѣній опредѣленъ довольно точно. Такъ, среди темнаго поля зрѣнія еще различается свѣтъ, который въ 300 разъ слабѣе свѣта, отражаемаго бѣлой бумагой при лунномъ свѣтѣ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла можно чувствовать давленіе въ $^1/_{500}$ грамма. „Maximum“ нельзя опредѣлить съ такою же точностью. Крайне опасно подвергать органы чувствъ воздѣйствію физическихъ впечатлѣній очень большой интенсивности. Отъ слишкомъ громкаго звука можетъ лопнуть барабанная перепонка; слишкомъ рѣзкій вкусъ вліяетъ раздражительно на поверхность языка.

лѣе, въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуютъ ощущенія давленія, температуры и слуха; слухъ воспринимаетъ разницу въ $^1/_3$. Чувствительность къ разностямъ силы раздраженія неодинакова у разныхъ людей, — и у одного и того же лица при различныхъ условіяхъ. Живописецъ замѣчаетъ оттѣнки красокъ, музыкантъ разности звука, гастрономъ разности вкуса, которыя для насъ неуловимы. Мускульное чувство путемъ упражненія можетъ быть развито до того, что оно будетъ впечатлительно къ разности $^1/_{40}$.

Увеличеніе силы ощущенія происходитъ правильно, но не прямо пропорціонально по отношенію къ усиленію раздраженія. По закону Фехнера, послѣднее должно расти въ геометрической прогрессіи для того, чтобы ощущеніе усиливалось въ ариѳметической. Чтобы ощущеніе съ одного поднялось на два, на три, соотвѣтствующее раздраженіе должно увеличиться въ два, въ три раза. Очевидно, возможно-замѣчаемая разность между раздраженіями малой интенсивности будетъ малая, а между раздраженіями большой силы будетъ большая. Если мы зажжемъ свѣчу подъ вечеръ въ пасмурный день, то въ комнатѣ станетъ замѣтно свѣтлѣе. Но зажгите ту же свѣчу въ той же комнатѣ въ солнечное утро, и она ничего не прибавитъ къ общему освѣщенію.

Тонъ ощущенія.

§ 23. Подъ тономъ ощущеній разумѣются соединяющіяся съ ними пріятныя или непріятныя чувствованія. Выражаясь образно, можно сказать вмѣстѣ съ Г. Лотце, что „къ каждому ощущенію присоединяется немного бѣлой или черной краски“. Тогда какъ содержаніе и сила ощущеній приводятъ насъ къ познанію свойствъ внѣшнихъ предметовъ, тонъ выражаетъ одно отношеніе ощущеній къ нашему благополучію. Если ощущеніе благопріятствуетъ ходу нашей жизни, то оно сопровождается пріятнымъ чувствованіемъ; наоборотъ, если оно противодѣйствуетъ нашему благосостоянію, то тонъ его бываетъ непріятнымъ.

Измѣненіе ощущенія влечетъ за собою измѣненіе чувствованія, его сопровождающаго. Но при этомъ наблюдается слѣдующее. При измѣненіи силы ощущенія его тонъ измѣняется не только по своей силѣ, но и по качеству, а при измѣненіи качества ощущенія его тонъ измѣняется не только по качеству, но и по интенсивности. Такимъ образомъ, тонъ ощущенія нельзя разсматривать, какъ его опредѣленіе, вполнѣ аналогичное качеству и интенсивности. Иначе говоря, тонъ не составляетъ свойства ощущенія, подобно содержанію и силѣ. Ощущеніе и чувствованіе, его сопровождающее, два различныя психическія явленія. Для возникновенія послѣдняго необходимо, конечно, чтобы первое подѣйствовало на душу, которая, благодаря присущей ей способности, возбуждается ощущеніемъ и свое отношеніе къ нему выражаетъ въ видѣ особаго акта — чувствованія (см. § 72). Принадлежитъ ли тонъ всѣмъ нашимъ ощущеніямъ? Что ощущенія, вызываемыя различными состояніями системъ— дыханія, кровообращенія, питанія, а также мускуловъ въ сознаніи въ значительной степени оттѣнены чувствованіемъ,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію присутствіе тона въ ощущеніяхъ обонянія, вкуса и осязанія. Только относительно зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній можетъ возникнуть недоумѣніе — всегда ли они сопровождаются тономъ? Впрочемъ, подобное недоумѣніе не имѣетъ мѣста въ отношеніи къ высшимъ степенямъ силы этихъ ощущеній. Слишкомъ яркій свѣтъ, какъ и слишкомъ громкій звукъ, для насъ непріятенъ. Очень возможно, что зрительныя и слуховыя ощущенія, какой бы силы они ни были, всегда соединяются съ извѣстнымъ тономъ, только послѣдній, ясно сознаваемый при первоначальномъ ихъ возникновеніи, потомъ обыкновенно не замѣчается нами, отчасти вслѣдствіе привычки, а отчасти вслѣдствіе исключительнаго сосредоточенія вниманія на содержаніи ощущеній. Когда же мы получаемъ ощущеніе новое по качеству, то ясно сознаемъ вызываемое имъ

чувствованіе удовольствія или неудовольствія. Одинъ прозрѣвшій слѣпой не могъ выразить, до такой степени ему пріятенъ зеленый цвѣтъ.

Раздѣленіе ощущеній.

§ 24. Человѣкъ испытываетъ множество ощущеній. Приступая къ спеціальному анализу ощущеній, необходимо ихъ группировать. Принято дѣлить ихъ на два класса: на ощущенія общей чувствительности (иначе — внутреннія, тѣлесныя, органическія) и ощущенія отдѣльныхъ чувствъ или внѣшнія. Къ первому классу относятся чувства: голода, жажды, физической усталости и т. д. Ко второму принадлежатъ ощущенія: зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія; сюда слѣдовало бы отнести и мышечныя ощущенія, но большинство физіологовъ и психологовъ причисляютъ ихъ къ ощущеніямъ общей чувствительности.

Въ пользу указанной нами классификаціи ощущеній говорятъ слѣдующія данныя—физіологическія и психологическія.

Периферическія окончанія нервовъ внѣшнихъ чувствъ входятъ въ особые, приспособленные къ принятію специфическихъ раздраженій аппараты, называемые органами внѣшнихъ чувствъ. Нервы же общей чувствительности такого приспособленія не имѣютъ: они тонкими развѣтвленіями распространяются по окружности тѣла, своими концами, такъ сказать, погружаются въ различныя внутренности, проникаютъ въ ткани, окружаютъ органы.

Ощущенія отдѣльныхъ чувствъ возникаютъ по поводу внѣшнихъ явленій, ихъ качество мы относимъ къ окружающимъ насъ предметамъ, они доставляютъ матеріалъ для познанія внѣшняго міра. Содержаніе ощущеній этого класса, при своей обширности и разнообразіи, отличается ясностью и раздѣльностью; ихъ тонъ сознается слабо или даже вовсе не замѣчается. Стимуломъ ощущенія общей чувствительности всегда служатъ процессы, совершающіеся внутри нашего организма, хотя иногда дальнѣйшимъ своимъ условіемъ они имѣютъ опредѣлен-

ные внѣшніе объекты (наир., при голодѣ, жаждѣ). Благодаря этимъ ощущеніямъ, мы получаемъ возможность различать свое тѣло отъ вещей міра внѣшняго. Вслѣдствіе тѣсной связи и взаимодѣйствія органическихъ процессовъ, обыкновенно происходитъ сліяніе многихъ тѣлесныхъ ощущеній въ одно общее, крайне темное по содержанію и въ значительной степени соединенное съ пріятнымъ или непріятнымъ тономъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ какое-либо ощущеніе общей чувствительности само ясно выступаетъ въ сознаніи, но не потому, что оно взяло перевѣсъ надъ однородными съ нимъ ощущеніями ясностью своего содержанія, а потому, что его интенсивность чрезвычайно повысилась, и его тонъ чрезмѣрно усилился.

Ощущенія общей чувствительности.

§ 25. Ощущенія общей чувствительности распадаются на два вида: на ощущенія органическія въ строгомъ смыслѣ, возбуждаемыя различнымъ состояніемъ нервовъ, системы дыханія, кровообращенія, питанія и состояніями мускуловъ пассивнаго характера, и на ощущенія мускульныя въ тѣсномъ смыслѣ, сопровождающія произвольное напряженіе мышцъ.

Обиліе нервной силы выражается въ сознаніи пріятнымъ ощущеніемъ бодрости. Послѣ достаточнаго отдыха или спокойнаго и крѣпкаго сна мы чувствуемъ свѣжесть силъ и склонность къ работѣ. Ненормальное состояніе нервовъ вызываетъ соотвѣтствующее ему непріятное ощущеніе. Вслѣдствіе чрезмѣрной траты мозгового вещества при напряженномъ рѣшеніи трудной задачи, послѣ тяжелыхъ сердечныхъ потрясеній мы испытываемъ чувство утомленія или даже истощенія нервной системы.

Процессъ дыханія можетъ сопровождаться особыми ощущеніями. Находясь въ низкой, переполненной народомъ церкви, въ многолюдномъ, плохо освѣжаемомъ классѣ, мы испытываемъ ощущеніе удушья, тяжести головы, какой-то разслабленности и сонливости. При легочныхъ болѣзняхъ часто ощущается стѣсненіе въ груди

и трудность дыханія. Весной во время прогулки въ лѣсу чувствуется свѣжесть воздуха и энергическая дѣятельность легкихъ.

Состояніе системы кровообращенія, и особенно его главнаго органа—сердца бываетъ источникомъ извѣстныхъ ощущеній. Таковы, напр., чувство тяжести („тяжело на сердцѣ") при сильныхъ аффектахъ, непріятныя ощущенія въ случаѣ задержки кровообращенія при тѣсной перевязкѣ какого-либо члена, или въ случаѣ неправильнаго кровообращенія послѣ продолжительнаго пребыванія въ сидячемъ положеніи.

Ощущенія, возбуждаемыя раздраженіемъ пищеварительныхъ органовъ, суть слѣдующія: голода, жажды, сытости и наполненности желудка, хорошаго и дурного пищеваренія, тошноты, различныхъ желудочныхъ болѣзней.

Къ ощущеніямъ, вызываемымъ различными пассивными состояніями мускуловъ, относятся: чувство боли отъ порѣза, укола, раны и проч.; чувство судорожнаго сокращенія мускуловъ, усталости послѣ сильнаго мышечнаго напряженія и т. д.

Мы сдѣлали краткій перечень органическихъ ощущеній и этимъ ограничимся. Конечно, и они имѣютъ свое значеніе для психической жизни [1]); но наука до послѣдняго времени мало обращала вниманія на нихъ и почти ничего не сдѣлала для ихъ выясненія. Нѣсколько больше изслѣдованы мускульныя ощущенія, въ тѣсномъ смыслѣ, благодаря трудамъ преимущественно англійскихъ ученыхъ.

Мускульныя ощущенія можно раздѣлить на ощущенія напряженія, не переходящаго въ движеніе, и на ощущенія усилія, соединяющагося съ совершеніемъ движенія. Примѣромъ первыхъ служитъ чувство при выдерживаніи сопротивленія, при сдавливаніи, нажиманіи. Примѣромъ

---

[1]) О вліяніи органическихъ ощущеній на настроеніе будетъ сказано ниже (см. § 75).

вторыхъ будетъ чувство, сопровождающее поднятіе руки вверхъ, хожденіе, подталкиваніе движущагося впередъ предмета. Физіологи до сихъ поръ не пришли къ единогласному и окончательному рѣшенію вопроса: возбуждаются ли мускульныя ощущенія раздраженіемъ однихъ двигательныхъ нервовъ или вмѣстѣ и чувствительныхъ? Характеръ мускульныхъ ощущеній мѣняется, сообразно направленію движенія, его скорости и количеству истрачиваемой силы. Ощущенія быстраго движенія отличны отъ ощущенія движенія медленнаго. Мы получаемъ одно мускульное чувство, когда идемъ по твердой дорогѣ, и другое, когда идемъ по сыпучему песку. Ощущенія при держаніи въ рукѣ легкой вещи и тяжелой сознаются различно [1]).

Мускульное чувство служитъ источникомъ удовольствія, а еще болѣе средствомъ для познанія внѣшняго міра. Ребенку пріятно упражнять свои мускулы, замѣчать ихъ силу. Нѣкоторые виды движеній извѣстны, какъ возбудители хорошаго настроенія духа (танцы).

Мускульное чувство, претерпѣвая измѣненія отъ усиленія или ослабленія напряженности мышцъ, говоритъ намъ о различномъ положеніи частей нашего тѣла. Оно также способствуетъ опредѣленію вѣса, разстоянія отъ насъ и формы предметовъ. Чѣмъ больше потребуется усилій для поднятія предмета, тѣмъ тяжелѣе онъ кажется. Искусный піанистъ пріобрѣтаетъ такую вѣрную мѣру разстоянія между клавишами, что едва ошибается на одну линію. Слѣпые изучаютъ форму внѣшнихъ

---

[1]) Обыкновенно мускульныя ощущенія находятся въ неразрывной связи съ осязательными ощущеніями прикосновенія. Поэтому не только въ житейской психологіи, но долгое время (до половины XVIII в.) и въ научной они смѣшивались съ осязаніемъ, разсматривались какъ активное осязаніе. Что мускульное чувство должно отличать отъ осязанія, доказываютъ, напр., тѣ случаи неполнаго паралича, когда при потерѣ впечатлительности къ прикосновенію сохраняется способность ощущать напряженіе мускуловъ, положеніе частей тѣла.

предметовъ при помощи движеній. Ощущенія неподвижнаго усилія или сопротивленія первыя даютъ ребенку представленіе о непроницаемости тѣлъ въ ея различныхъ видахъ твердости, плотности и упругости. Такимъ образомъ, мускульныя ощущенія по своему значенію стоятъ ближе къ ощущеніямъ внѣшнихъ чувствъ, чѣмъ органическія. Между тѣмъ, мы непосредственно почти не замѣчаемъ мышечныхъ ощущеній, а замѣчаемъ лишь то, что воспринимаемъ при помощи ихъ, т.-е. силу, размѣръ и направленіе произведеннаго движенія. Ощущеніе немедленно пробуждаетъ сложное представленіе, въ составъ котораго оно входитъ, и только развѣ въ случаѣ чрезвычайной силы своей оно доходитъ до сознанія, какъ таковое.

Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ.

§ 26. Внѣшнихъ чувствъ у человѣка пять: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе. И житейская, и научная психологія зрѣніе и слухъ обыкновенно называютъ высшими чувствами, а обоняніе и вкусъ—низшими или грубыми. Этими названіями показывается, что первыя чувства болѣе развиты и имѣютъ великое значеніе для душевной жизни человѣка, а послѣднія большого развитія у него не достигаютъ и преимущественно важны для жизни тѣлесной. Зрѣніе и слухъ не только доставляютъ большое многообразіе отдѣльныхъ ощущеній, но и обусловливаютъ пробужденіе и развитіе психическихъ способностей, именно сознанія и съ нимъ мышленія, познанія [1]). Что же касается осязанія, то оно по своему развитію и значенію занимаетъ средину между высшими и низшими чувствами. Можно указать еще на различіе въ физіологическомъ отношеніи. Органы зрѣнія и слуха—глазъ и ухо отличаются чрезвычайно сложнымъ и тонкимъ устройствомъ, и дѣятельность ихъ состоитъ исключительно въ принятіи соотвѣтствующихъ внѣшнихъ раздраженій. Органы низшихъ чувствъ, а равно и осязанія, такой сложностью устройства не отличаются и, кромѣ

[1]) Ульрици. Тѣло и душа, 151 стр.

воспріятій внѣшнихъ раздраженій, несутъ еще другія отправленія.

Чувство зрѣнія, его органъ и физіологическій процессъ.

§ 27. Органомъ зрѣнія служитъ глазъ, имѣющій форму шара и называемый еще глазнымъ яблокомъ. Глазъ состоитъ изъ трехъ главныхъ оболочекъ, вложенныхъ одна въ другую, и трехъ прозрачныхъ тѣлъ (влагъ). Самая верхняя, наружная оболочка — волокнистая (sclerotica), твердая, бѣлая, непрозрачная; видимая ея часть называется бѣлкомъ глаза. Средняя оболочка— сосудистая (chorioidea); она состоитъ изъ кровеносныхъ сосудовъ и внутри покрыта слоемъ темно-бураго вещества—пигмента. Внутренняя и вмѣстѣ съ тѣмъ самая главная оболочка—нервная, сѣтчатая (retina); здѣсь тонкими волокнами развѣтвляется зрительный нервъ, окончаніями этихъ волоконъ входя въ такъ называемыя палочки и колбочки [1]). То мѣсто, гдѣ зрительный нервъ проникаетъ въ глазъ, нечувствительно къ свѣту (слѣпое пятно). Внѣ слѣпого пятна впечатлительность ретины не вездѣ одинакова. Наибольшею степенью впечатлительности отличается „желтое пятно", лежащее немного въ сторонѣ отъ входа зрительнаго нерва. Глазныя оболочки — несплошныя. Сзади первыя двѣ пропускаютъ зрительный нервъ, а спереди всѣ три имѣютъ отверстіе. Отверстіе склеротики занято нѣсколько выступающей надъ ея краями роговой прозрачной оболочкой. Подъ нею лежитъ зрачекъ и окружающая его кольцомъ радужная оболочка или цвѣтный раекъ. Зрачекъ и раекъ наполняютъ отверстіе сосудистой оболочки. За зрачкомъ расположенъ хрусталикъ или чечевица, маленькое плотное тѣльце, своей формой напоминающее зажигательное стекло. Позади хрусталика вся полость

---

[1]) У человѣка на боковыхъ частяхъ сѣтчатки, т.-е. дальше отъ входа нерва, преобладаютъ палочки, средина же ея содержитъ преимущественно колбочки. Полагаютъ, что первыя обусловливаютъ чувствительность къ чистому свѣту, послѣднія—къ цвѣтамъ. (Вундтъ. Оч. психологіи, 88—89 стр.).

глазного яблока наполнена полужидкой массою, стекловиднымъ тѣломъ.

Свѣтовые лучи чрезъ роговую оболочку входятъ въ зрачекъ. Зрачекъ не пропускаетъ крайнихъ лучей. Если свѣтъ недостаточно силенъ, то радужная оболочка, сокращаясь, увеличиваетъ зрачекъ, чтобы онъ могъ воспринять больше лучей; если свѣтъ очень силенъ, то эта оболочка расширяется и уменьшаетъ величину зрачка. Затѣмъ, лучи съ различными преломленіями проходятъ лежащіе за зрачкомъ—хрусталикъ и стекловидное тѣло, падаютъ на ретину и приводятъ въ раздраженіе окончанія развѣтвляющагося въ ней зрительнаго нерва. Нервъ передаетъ раздраженіе головному мозгу и вызываетъ въ немъ особый процессъ. Возбуждаясь послѣднимъ, душа отвѣчаетъ зрительнымъ ощущеніемъ. Глазной нервъ можетъ быть раздражаемъ не только свѣтомъ, т.-е. вибраціонными поперечными движеніями атомовъ невѣсомаго свѣтового эфира, но также электрическимъ токомъ, давленіемъ и ударомъ. Всѣ эти раздраженія нерва вызываютъ въ душѣ зрительныя ощущенія.

Анализъ зрительныхъ ощущеній.

§ 28. По своему содержанію зрительныя ощущенія дѣлятся на ощущенія: свѣта и противоположной ему тьмы, цвѣтовъ и блеска.

Ощущенія чистаго свѣта (ахроматическія) возбуждаются лучами, исходящими отъ самосвѣтящихся тѣлъ и прямо безъ преломленія во внѣшней средѣ падающими на глазное яблоко. Примѣромъ ихъ можетъ служить разсѣянный солнечный свѣтъ. Главныя качественныя различія безцвѣтныхъ ощущеній обозначаются словами: бѣлое, сѣрое, темное. Всякое измѣненіе качества ощущенія въ направленіи отъ бѣлаго къ темному чувствуется въ то же время, какъ ослабленіе силы ощущенія, а всякое измѣненіе въ обратномъ направленіи,—какъ увеличеніе силы. Есть основаніе полагать, что ахроматическое раздраженіе можетъ происходить само по

себѣ отдѣльно отъ цвѣтового [1]). Ощущеніе тьмы такое же положительное ощущеніе, какъ и свѣтовое; оно вызывается химическими возбужденіями, которыя сопровождаютъ относительно спокойное состояніе органа зрѣнія (или, какъ полагаютъ нѣкоторые, возстановленіе прежде разложенныхъ фото-химическихъ элементовъ сѣтчатки). Мы получаемъ ощущеніе тьмы, когда закроемъ глаза вѣками.

Цвѣтовыя ощущенія всегда бываютъ соединены съ ахроматическими: для того, чтобы различать цвѣтъ, необходимо присутствіе свѣта извѣстной силы. Эта сила меньше всего для голубого цвѣта и больше всего для краснаго и желтаго. При постепенномъ увеличеніи интенсивности свѣта наступаетъ моментъ, когда цвѣта начинаютъ блѣднѣть, всѣ приближаясь къ бѣлому. По своему качеству цвѣтовыя ощущенія весьма разнообразны. Число различаемыхъ нами цвѣтовъ безконечно велико. Цѣлый рядъ цвѣтовыхъ ощущеній вызывается цвѣтами спектра, именно: фіолетовымъ, синимъ, голубымъ, зеленымъ, желтымъ, оранжевымъ и краснымъ. Но мы воспринимаемъ еще цвѣта, не содержащіеся въ спектрѣ, напр., пурпуровый. Субъективно, въ непосредственномъ сознаніи, всѣ цвѣтовыя ощущенія, какъ таковыя, одинаково просты. Мнѣ кажется, говоритъ Вундтъ, что ощущенія оранжеваго и фіолетоваго цвѣта составляютъ такія же простыя явленія, какъ ощущенія краснаго, желтаго или синяго. Никто не станетъ утверждать, что онъ можетъ въ желтомъ ощущать еще красное и зеленое. Поэтому гипотеза Т. Юнга и Гельмгольца, признающая красный, зеленый и фіолетовый цвѣта простыми и объясняющая ихъ смѣшеніемъ происхожденіе всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ, на психологической почвѣ оказывается несостоятельной. Качество цвѣтовыхъ ощущеній зависитъ отъ длины колебанія эфира и быстроты, съ какою они

---

[1]) Гефдингъ. Очерки психологіи, 117 стр. Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ, 100 стр.

слѣдуютъ одно за другимъ въ данную единицу времени. По вычисленію физіологовъ, красный цвѣтъ вызывается движеніемъ эфира въ 480 билліоновъ колебаній, фіолетовый—движеніемъ въ 760 билліоновъ колебаній въ секунду. Замѣчательно, что эти самые различные по длинѣ и быстротѣ волнъ цвѣта оказываются въ ощущеніи болѣе сродными, чѣмъ остальные промежуточные между ними.

Какъ цвѣтовое ощущеніе не бываетъ безъ ахроматическаго, такъ ощущеніе блеска не бываетъ безъ того или другого. Ощущеніе блеска, говоря строго, есть то же ощущеніе свѣта и цвѣта, но только усложненныхъ. Прозрачныя тѣла даютъ ощущеніе блеска, потому что здѣсь съ отраженнымъ отъ нихъ свѣтомъ соединяется цвѣтъ, находящійся за ними, который они пропускаютъ. Цвѣтъ даже и темный, разсматриваемый чрезъ покрывающую его прозрачную среду, получаетъ блескъ [1]).

Интенсивность зрительныхъ ощущеній обусловливается шириною колебаній свѣтового эфира. Ощущенія отъ самосвѣтящагося тѣла, на которое едва можно смотрѣть, и отъ предметовъ, отражающихъ „minimum" свѣта, представляютъ примѣры зрительныхъ ощущеній, по своей силѣ различныхъ до противоположности. Ощущенія цвѣтовъ, при значительномъ измѣненіи ихъ интенсивности, измѣняются и качественно.

Чувство слуха, его органъ и физіологическій процессъ.

§ 29. Органомъ слуха служитъ ухо. Начинается оно снаружи раковиной, состоящей изъ воронкообразнаго хряща со множествомъ завитковъ и извилинъ. Далѣе идетъ ушной каналъ, тонкая костяная трубка. Поперекъ его въ височной части лежитъ сплошная, круглая, тонкая натянутая кожица—барабанная перепонка. Позади этой перепонки находится средняя часть уха, имѣющая видъ неправильнаго цилиндра. Въ ней помѣщаются три маленькія косточки—молоточекъ, наковальня и стремя. Онѣ

---

[1]) Бэнъ. Психологія. 1887 г., 70 стр.

соединены между собою и образуютъ непрерывную цѣпь, одинъ конецъ которой опирается въ барабанную перепонку, а другой примыкаетъ къ лабиринту. Два отверстія—овальное и круглое, закрытыя перепонками, ведутъ изъ средней части уха въ самую внутреннюю, благодаря сложности своего устройства, называемую лабиринтомъ. Здѣсь имѣются: преддверіе съ тремя полукруглыми перепончатыми каналами и улитка, представляющая ходъ завитой $2^1/_2$ раза, продольной, туго натянутой основной перепонки, раздѣленной на-двое. Поперечныя волокна этой перепонки расположены подобно струнамъ въ задней части рояля. Вначалѣ они очень коротки, но чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся длиннѣе [1]). Всѣ части лабиринта наполнены особой жидкостью. Слуховой нервъ своими многочисленными нитями [2]) оканчивается въ преддверіи съ его каналами и въ основной перепонкѣ.

Звуковыя волны воздуха, слѣдующія одна за другой, подобно кругамъ на поверхности воды, проникаютъ въ ушной каналъ, концентрируются тамъ и давятъ на перепонку. Послѣдняя колеблется и производитъ сотрясеніе косточекъ средней части уха и перепонокъ, закрывающихъ входъ въ лабиринтъ. Это сотрясеніе возбуждаетъ волнообразное движеніе жидкости лабиринта. Маленькія волны жидкости, пробѣгая запутанные ходы лабиринта, раздражаютъ окончанія волоконъ слухового нерва и вызываютъ въ немъ особый процессъ, который доходитъ до

---

[1]) Большинство физіологовъ и психологовъ предполагаетъ, что каждое волокно воспріимчиво только къ тону опредѣленной высоты: чѣмъ короче волокно, тѣмъ къ болѣе высокимъ тонамъ оно воспріимчиво и наоборотъ. Эта теорія, повидимому, подтверждается показаніями опытовъ надъ животными. „Физіологъ Мункъ вырѣзалъ у собаки нижнюю часть улитки. Собака, проболѣвъ нѣкоторое время, оправилась, но у ней обнаружилась глухота въ отношеніи къ высокимъ тонамъ“. (Челпановъ. Избранныя главы изъ психологіи. Вып. 2, 1899, стр. 17).

[2]) Волоконъ слухового нерва у человѣка насчитываютъ до 15 или даже 20 тысячъ. Вопр. фил. и псих. 1895 г., III, 277.

головного мозга и является физіологическимъ условіемъ образованія слухового ощущенія.

Ощущенія звука и шума.

§ 30. Слуховыя ощущенія дѣлятся на два класса: а) ощущенія звука и б) шума. Слушая музыкальную пьесу, мы получаемъ звуковыя ощущенія. Гласныя также относятся къ звукамъ. Плескъ воды, завыванья бури, шелестъ листьевъ причисляются къ области шума. Если одновременно прижать всѣ клавиши піанино, то получится шумъ. Согласныя по своему характеру подходятъ къ шуму. Звуковыя ощущенія возбуждаются волнами воздуха, которыя слѣдуютъ со скоростью отъ 16 до 38000 колебаній въ секунду и отличаются при семъ одинаковой формой и продолжительностью. Ощущенія шума возбуждаются колебаніями неправильными, порывистыми, неодинаковыми по формѣ и измѣнчивыми по числу, а также и колебаніями столь частыми, что они, переходя за верхнюю границу звука, воспринимаются въ видѣ шипѣнія, или столь медленными, что они, не достигая нижней границы звука, воспринимаются въ видѣ гудѣнья. Ощущенія шума съ трудомъ поддаются изслѣдованію; притомъ ихъ значеніе для душевной жизни невелико.

Высота, сила и качество звука.

§ 31. Въ каждомъ звукѣ мы различаемъ высоту, силу и качество. Ощущаемая нами высота звука зависитъ отъ количества колебаній воздушныхъ волнъ въ извѣстную единицу времени. Чѣмъ меньше колебаній, тѣмъ звукъ ниже, чѣмъ больше колебаній, тѣмъ звукъ выше. Самый низкій тонъ воспринимается при 16 или 40 колебаніяхъ въ секунду, самый высокій—при 38 или 40 тыс. колебаній [1]). Говоря вообще, нашъ слухъ очень чувствителенъ при опредѣленіи высоты звука. Только при наиболѣе низкихъ и высокихъ звукахъ его чувствительность слабѣетъ.

---

[1]) Количество колебаній волнъ обусловливается ихъ длиною. Цѣлая струна дѣлаетъ вдвое меньше колебаній, чѣмъ ея половина. Поэтому можно сказать: высота тона зависитъ отъ длины волнъ: первая увеличивается по мѣрѣ уменьшенія послѣдней и, наоборотъ, уменьшается съ ея увеличеніемъ.

способность ощущения.

Сила звука зависитъ отъ энергіи, съ которой волны воздуха ударяютъ въ барабанную перепонку или отъ ихъ ширины. Чѣмъ шире волны, тѣмъ звукъ сильнѣе и наоборотъ. Если слегка ударить вѣтви камертона, то онѣ качаются съ малыми амплитудами и издаютъ слабый звукъ, ударивъ же сильно, мы заставляемъ вѣтви камертона колебаться съ большими амплитудами, и звукъ получается громче.

Качество звука принято называть французскимъ словомъ „тембръ". Звуки одинаковой высоты бываютъ различны по качеству. Одинъ и тотъ же тонъ иначе звучитъ на фортепіано, скрипкѣ, органной трубѣ, кларнетѣ. Можно произносить въ одинъ тонъ гласныя: а, о, и, у, и каждый изъ этихъ звуковъ будетъ различаться качественно отъ остальныхъ. Отъ чего же зависитъ качество звука? Дѣло въ томъ, что всѣ почти наши звуковыя ощущенія вызываются сложными колебаніями воздуха [1]). Каждый звукъ, говоря строго, состоитъ изъ ряда гармоническихъ простыхъ тоновъ, именно изъ сильнаго низшаго, который можно назвать основнымъ, и изъ множества болѣе слабыхъ и болѣе высокихъ обертоновъ, производимыхъ сотрясеніями, которыя въ два, въ три, въ четыре и т. д. раза быстрѣе сотрясеній, вызывающихъ основной тонъ. Присутствіе слабыхъ обертоновъ не измѣняетъ высоты основного тона, но оттѣняетъ его и обусловливаетъ тембръ цѣлаго звука. Такимъ образомъ, тембръ зависитъ отъ состава звука, отъ числа и силы обертоновъ, сопровождающихъ его основной тонъ. Для примѣра возьмемъ ноту С на роялѣ и на скрипкѣ. „У рояля при этомъ звукѣ слышатся еще шесть обертоновъ: C_2, G_2, C_3, E_3 и др. У скрипки при томъ же звукѣ есть верхніе тоны: C_2, G_2, C_3, E_3, но къ нимъ присоединяется 4—5 другихъ обертоновъ; интенсивность болѣе высокихъ верхнихъ тоновъ скрипки значительно слабѣе, чѣмъ у рояля, оттого звуки и пріобрѣтаютъ особый тембръ, отли-

---

[1]) Только камертонъ издаетъ простой звукъ.

чающій ихъ отъ звуковъ рояля и свойственный вообще струннымъ инструментамъ" [1]).

При одновременномъ созвучіи нѣсколькихъ тоновъ мы получаемъ своеобразныя ощущенія, сильно оттѣненныя удовольствіемъ или неудовольствіемъ—ощущенія гармоніи или диссонанса. Наиболѣе гармоническимъ сочетаніемъ является октава. Когда вмѣстѣ съ октавой дана терція и квинта, то получается максимальный консонансъ,—полный аккордъ, напр. C—E—G—C'.

Значеніе зрѣнія для психической жизни.

§ 32. Зрительныя ощущенія, отличаясь яснымъ, раздѣльнымъ и разнообразнымъ содержаніемъ и соединяясь съ слабымъ тономъ, имѣютъ громадное значеніе для познанія. Большая часть пріобрѣтаемыхъ эмпирическимъ путемъ знаній получается при помощи зрѣнія: по приблизительному вычисленію нѣкоторыхъ, ему принадлежитъ $^9/_{10}$ нашихъ внѣшнихъ ощущеній. Поэтому, зрительныя ощущенія служатъ центромъ нашихъ представленій о предметахъ и явленіяхъ міра физическаго и какъ бы общимъ знаменателемъ, къ которому мы стараемся подвести всѣ вообще знанія. „Если намъ положатъ въ ротъ какую-нибудь сласть, то мы прерываемъ вкусовое наслажденіе и хотимъ видѣть ее; при входѣ въ садъ, обоняя ароматъ цвѣтовъ, мы ищемъ ихъ глазами; слушая разсказъ о незнакомомъ человѣкѣ, мы хотя по какому-нибудь случайному сближенію рисуемъ въ своемъ воображеніи его образъ". Мы говоримъ объ очевидныхъ истинахъ, ясныхъ и темныхъ понятіяхъ, свѣтлыхъ мысляхъ, розовыхъ мечтахъ и т. д. Зрѣніе важно еще въ томъ отношеніи, что оно служитъ средствомъ къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей человѣка, является для него источникомъ наслажденія свѣтомъ, красками и формами. Мы любимъ свѣтъ, темнота для насъ невыносима. Гармоническое сочетаніе свѣта и тѣней, цвѣтовъ и красокъ доставляетъ художественное наслажденіе. Зрѣ-

---

[1]) Цигенъ. Физіолог. психологія, 67 стр.

ніе въ соединеніи съ мускульнымъ чувствомъ, даетъ человѣку возможность быть творцомъ пластическихъ искусствъ.

Значеніе слуха для психической жизни.

§ 33. Слухъ, подобно зрѣнію, имѣетъ большое значеніе и какъ чувство интеллектуальное, и какъ источникъ наслажденій. При тонкомъ различіи по силѣ, высотѣ и качеству, звуки даютъ намъ длинный рядъ признаковъ, которые мы приписываемъ внѣшнимъ предметамъ и по которымъ ихъ (предметы) различаемъ. Свойство звуковъ входить въ разнообразныя сочетанія и принимать различные оттѣнки, обусловливаетъ употребленіе ихъ людьми для выраженія ихъ душевныхъ состояній, для пріобрѣтенія и обмѣна знаній. На томъ свойствѣ тоновъ, по которому ихъ высота, сила и сочетаніе въ ритмѣ и мелодіи возбуждаютъ пріятныя ощущенія, основывается музыкальное творчество. Въ музыкальные звуки влагается извѣстный смыслъ, въ нихъ слышится жизнь, они понимаются какъ выраженія тѣхъ или иныхъ мыслей, чувствованій, желаній; такимъ образомъ, въ музыкальныхъ звукахъ, подобно тому, какъ и въ звукахъ человѣческой рѣчи, мы находимъ источникъ впечатлѣній, развивающихъ и укрѣпляющихъ нашу психическую жизнь.

Сравнительное значеніе зрѣнія и слуха для душевной жизни.

§ 34. Зрительныя ощущенія отличаются большею ясностью и опредѣленностью, чѣмъ слуховыя. Никакой звукъ не воспринимается съ такой ясностью, съ какой воспринимается освѣщенный предметъ, или окрашенная поверхность. Отсюда свойства зрительныхъ ощущеній прочнѣе запоминаются и точнѣе воспроизводятся, чѣмъ свойства слуховыхъ ощущеній. Глазъ различаетъ отдѣльныя свѣтовыя точки, можно одновременно видѣть два или нѣсколько предметовъ, можно однимъ взглядомъ обнять части цѣлаго, напр., буквы слова. Слухъ характеризуется слабымъ мѣстнымъ различеніемъ, мы не можемъ ясно различать двухъ или большаго числа одновременныхъ звуковъ, различныхъ по положенію ихъ внѣшнихъ источниковъ [1]).

---

[1]) Селли. Основн. начала психологіи, 87 стр.

Звукъ уловимъ въ довольно узкихъ предѣлахъ пространства. Человѣческій голосъ перестаетъ быть слышнымъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ и даже потрясающій землю громъ пушекъ съ разстояніемъ слабѣетъ и не ощущается. Между тѣмъ, въ область зрѣнія входятъ самые отдаленные предметы. Когда мы обращаемъ свои глаза къ звѣздамъ, то вступаемъ въ такіе предѣлы, куда, кромѣ зрѣнія, ни одно чувство не достигаетъ. Слухъ, въ однихъ отношеніяхъ уступая зрѣнію, въ другихъ имѣетъ предъ нимъ преимущество. Тогда какъ глазу доступна главнымъ образомъ видимая поверхность предметовъ, ихъ пространственныя свойства,—слухъ, воспринимающій словесную рѣчь, проникаетъ во внутреннюю психическую жизнь человѣка, знакомитъ со всѣми перемѣнами ея состояній. Дѣятельность глаза затрудняется и стѣсняется многими внѣшними препятствіями, не существующими для слуха. Въ темную ночь ничего нельзя видѣть. Самая тонкая непрозрачная преграда между глазами и предметомъ лишаетъ ихъ возможности получать отъ предмета свѣтовыя впечатлѣнія. Слухъ же дѣятеленъ и днемъ и ночью, только плотныя и толстыя преграды (напр., штукатуренная стѣна) препятствуютъ достигать до него внѣшнимъ раздраженіямъ. Зрѣніе и слухъ пополняютъ другъ друга и являются равно необходимыми для полнаго и всесторонняго развитія психической жизни. Рѣшить, какое изъ этихъ внѣшнихъ чувствъ болѣе важно, очень трудно. Преимущества одного, по сравненію съ другимъ, уравновѣшиваются его недостатками.

Чувство вкуса. § 35. Органомъ вкуса служитъ языкъ. На слизистой оболочкѣ языка въ особыхъ возвышеніяхъ или сосочкахъ [1]) лежатъ окончанія волоконъ вкусового нерва.

---

[1]) Сосочки бываютъ трояких: желобчатые, нитевидные и грибовидные. Первые признаются наиболѣе важными, ихъ считаютъ спеціальными проводниками вкусовыхъ раздраженій. Назначеніе же нитевидныхъ и отчасти грибовидныхъ сосочковъ, вѣроятно, состоитъ въ усиленіи осязательной чувствительности языка. Котляръ. Реальная энциклопедія медиц. наукъ, I т.

Нервъ этотъ непосредственно возбуждается одними жидкими тѣлами; твердыя и газообразныя тѣла имѣютъ для насъ вкусъ только тогда, когда они растворены въ слюнѣ рта. Внѣшнее вкусовое раздраженіе представляетъ собою химическій процессъ соединенія растворенныхъ или жидкихъ тѣлъ съ жидкостями, отдѣляющимися изъ ткани, выстилающей сосочки. Поэтому для полученія вкусового ощущенія необходимо, чтобы поверхность языка не была сухою или застывшею отъ холода. Движеніемъ полости рта и языка увеличивается отчетливость вкусовыхъ ощущеній. Вкусъ лучше чувствуется на задней части языка и слабѣе на его кончикѣ. Сила вкусового ощущенія зависитъ также отъ количества дѣйствующаго вкусового тѣла, при чемъ минимальное количество для различныхъ веществъ неодинаково—вообще оно меньше для горькихъ веществъ и больше для сладкихъ.

Ощущенія вкуса всегда связаны съ болѣе или менѣе сильнымъ тономъ, ихъ содержаніе отличается скудостью и темнотою. Собственно мы различаемъ только четыре простыхъ качества вкусовыхъ ощущеній: кислое, сладкое, соленое и горькое [1]). Но какими именно свойствами тѣлъ обусловливаются и эти немногія качества — неизвѣстно. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь имѣетъ нѣкоторое значеніе то, на какое мѣсто языка дѣйствуетъ физическій стимулъ: задняя часть языка преимущественно воспринимаетъ горькій вкусъ, а передняя и боковыя его части остальныя качества.

Вкусовыя ощущенія часто смѣшиваются съ обонятельными, осязательными и органическими. Говоря: пища потеряла свой вкусъ отъ того, что лишилась запаха, — мы обонятельное ощущеніе принимаемъ за вкусовое. Вкусы вяжущіе, ѣдкіе, острые, терпкіе собственно возбуждаются

[1]) Иные считаютъ еще самостоятельными качествами: щелочное и металлическое. Но первое обнаруживаетъ неоспоримое сходство съ соленымъ, а послѣднее съ кислымъ. Оба эти качества, вѣроятно, составляютъ смѣшанныя и переходныя ощущенія — щелочное между соленымъ и сладкимъ, металлическое между кислымъ и соленымъ.

раздраженіемъ осязательныхъ нервовъ. Когда мы говоримъ, что блюдо пріятно или непріятно, вкусно или невкусно, смотря по тому, пустъ ли желудокъ или переполненъ, то мы въ такихъ случаяхъ за ощущенія вкуса принимаемъ органическое ощущеніе, которое имѣетъ связь съ состояніемъ питанія.

Чувство обонянія.

§ 36. Органомъ обонянія служитъ носъ. Въ слизистой оболочкѣ верхней части носовой полости развѣтвляется обонятельный нервъ. Окончанія послѣдняго возбуждаются газообразными частицами, отдѣляющимися отъ пахучихъ жидкихъ или твердыхъ тѣлъ и вмѣстѣ съ воздухомъ входящими въ носъ. Передача внѣшняго раздраженія обонятельному нерву обусловливается присутствіемъ теплоты, приводящей вещества въ состояніе летучести, влаги, разлагающей твердыя вещества и тѣмъ способствующей ихъ испаренію [1]) и, кажется, кислорода, съ которымъ въ носовой полости пахучія частицы вступаютъ въ химическое соединеніе. Мы воспринимаемъ запахи лишь на разстояніи. При введеніи куска камфоры внутрь носа, запахъ ея не чувствуется [2]).

Въ ощущеніяхъ обонянія еще въ большей степени, чѣмъ во вкусовыхъ, элементъ удовольствія или неудовольствія преобладаетъ надъ содержаніемъ; качество ихъ не поддается анализу, бываетъ крайне неопредѣленнымъ. Поэтому никакихъ спеціальныхъ обозначеній для различныхъ запаховъ не существуетъ, если не считать названій — благовонное, или ароматное, и зловонное, которыя, говоря строго, указываютъ на тонъ ощущенія, а не на ихъ качество. Другія слова, употребляемыя какъ

---

[1]) Бэнъ. Психологія, 43 стр.

[2]) Замѣчательно, что иныхъ веществъ для возбужденія органа обонянія требуется самое незначительное количество. Мы, напр., способны ощущать запахъ $^1/_{2000000}$ части миллиграмма. Такое ничтожное количество вещества, дѣйствуя на языкъ, не вызоветъ никакого вкуса. Если бы оно было превращено въ твердое состояніе, то мы не могли бы ни его осязать, ни видѣть при самомъ сильномъ свѣтѣ.

наименованія запаховъ, собственно, служатъ для обозначенія самихъ пахучихъ веществъ. Мы говоримъ: запахъ цвѣтка, хлѣба, запахъ резеды, гвоздики и т. д. Ощущенія обонянія очень часто смѣшиваются съ ощущеніями осязательными и органическими, связанными съ процессомъ дыханія. Такъ качество ѣдкихъ, острыхъ запаховъ (никотина, горчицы, амміака) зависитъ отъ раздраженія осязательныхъ нервовъ. Ощущенія освѣжающихъ и удушливыхъ запаховъ вызываются оживленной или подавленной дѣятельностью легкихъ.

Ощущенія обонянія, а равно и ощущенія вкусовыя отличаются крайне субъективнымъ характеромъ. Ихъ свойства находятся въ большой зависимости отъ природныхъ предрасположеній, болѣзненныхъ разстройствъ и т. д. Потому-то люди часто и рѣзко расходятся въ своей оцѣнкѣ вкусовъ и запаховъ. Малороссійское сало, лакомое блюдо для жителей южной Россіи, не находитъ любителей въ другихъ мѣстахъ Россіи. Дѣвицы, страдающія блѣдною немочью, съ восторгомъ ѣдятъ мѣлъ, уголь, неудобоваримыя и лишенныя всякаго вкуса вещества. Жители дальняго сѣвера съ наслажденіемъ вдыхаютъ непріятный для насъ запахъ китоваго жира. Людовикъ XIV не могъ выносить запахъ мускуса [1]).

Преимущественное значеніе вкуса и обонянія для тѣлесной жизни.

§ 37. Многіе предметы мы различаемъ по ихъ вкусу и запаху; представленія того и другого вступаютъ въ ассоціацію съ образами предметовъ, полученными при помощи высшихъ чувствъ. Въ особыхъ случаяхъ вкусовыя и обонятельныя ощущенія доставляютъ извѣстное количество точныхъ знаній о вещахъ. Профессіональные отвѣдчики винъ научаются съ изумительною тонкостью распознавать качество винъ по ихъ вкусу. Негры Африки по испареніямъ въ воздухѣ различаютъ на нѣкоторомъ разстояніи присутствіе негра или бѣлаго. Но, говоря вообще, значеніе чувствъ вкуса и обонянія для психической жизни невелико. Несравненно болѣе важны они

---

[1]) М. Физье. Пять внѣшнихъ чувствъ. 1894 г., 130—131 стр.

для жизни тѣлесной. Эти чувства связаны съ органическими процессами: первое—питанія, послѣднее—дыханія, и руководятъ нами при выборѣ пищи, питья и воздуха. Мы отвергаемъ пищу, имѣющую нехорошій вкусъ; для насъ нежелательно вдыхать воздухъ, въ которомъ носится непріятный запахъ. Однако, указанія чувства вкуса и обонянія не всегда бываютъ безошибочны. Дѣти готовы ѣсть вкусныя, хотя бы и ядовитыя ягоды. Поэтому, здѣсь необходимъ высшій контроль разсудка и воли.

Чувство осязанія и его виды.

§ 38. Органомъ осязанія является кожа. Въ ней находится множество возвышеній или сосочковъ. Внутри послѣднихъ находятся особыя образованія, или тѣльца, то сплошныя, то состоящія изъ облекающихъ одна другую оболочекъ. Въ тѣльцахъ лежатъ окончанія волоконъ осязательныхъ нервовъ. Нервы приводятся въ раздраженіе процессами механическими, тепловыми, электрическими и даже химическими и сообщаютъ это раздраженіе головному мозгу.

Обыкновенно къ осязательнымъ ощущеніямъ относятся ощущенія простого прикосновенія, температуры и боли [1]).

Ощущенія простого прикосновенія преимущественно разумѣются подъ осязаніемъ. Степень впечатлительности поверхности тѣла къ одновременному прикосновенію нѣсколькихъ предметовъ неодинаковы въ различныхъ мѣстахъ тѣла. По наблюденію Вебера наибольшей впечатлительностью отличается кончикъ языка, нѣсколько меньшей—оконечности пальцевъ, а наименьшей—кожа спины. Чтобы два осязательныя внѣшнія раздраженія вызывали

---

[1]) Всѣ эти ощущенія до нѣкоторой степени физіологически другъ отъ друга независимы. Точки наибольшей воспріимчивости прикосновенія, тепла и боли обыкновенно совпадаютъ; можно, утративъ способность воспріятія однихъ осязаній и ощущеній (напр., прикосновенія), сохранить способность воспріятія остальныхъ. Иногда одни ощущенія оказываются въ антагонизмѣ съ другими. Такъ, чувство холода какъ бы ослабляетъ нашу способность воспринимать точно прикосновеніе.

два различныя ощущенія, требуется, чтобы эти раздраженія на кончикѣ языка подѣйствовали на разстояніи $^1/_2$ линіи, на спинѣ же на разстояніи 30 линій. Если физическій стимулъ достигнетъ извѣстной силы, то вызванное имъ ощущеніе прикосновенія перейдетъ въ ощущеніе давленія. Послѣднее ощущеніе при значительномъ усиленіи внѣшняго впечатлѣнія смѣнится чувствомъ боли. Степень впечатлительности главнымъ образомъ зависитъ отъ двухъ условій. Первое условіе заключается въ строеніи кожи; чѣмъ богаче данный участокъ кожи чувствительными нервами, тѣмъ тоньше способность различенія на немъ. Вторымъ условіемъ является упражненіе въ движеніи. Чѣмъ чаще совершаются движенія извѣстнымъ органомъ тѣла, тѣмъ точнѣе бываетъ и опредѣленіе мѣста прикосновенія. Подобно другимъ ощущеніямъ и осязательныя различаются между собою не только по степени силы, но и по качеству.

Ощущенія температуры, подобно ощущеніямъ прикосновенія, зависятъ отъ раздраженій кожи внѣшнимъ стимуломъ. Мы тогда только замѣчаемъ температуру тѣлъ, когда она отличается отъ температуры нашего организма и прежде всего кожи. Наша чувствительность къ различіямъ внѣшней температуры довольно значительна: мы можемъ различать ея повышеніе или пониженіе на 0,4% по Реомюру. Впрочемъ, степень впечатлительности различныхъ частей организма къ тепловымъ перемѣнамъ неодинакова. Ощущенія температуры, по ихъ качеству, можно раздѣлить на два класса: на ощущенія тепла, которыя сопровождаются расширеніемъ ткани тѣла, и на ощущенія холода, которыя сопровождаются ея сокращеніемъ. Когда температура поднимется очень высоко (за 47°) или упадетъ очень низко, мы испытываемъ боль. Точно также мускульное чувство, а равно чувство зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, словомъ, всякое ощущеніе, поднявшись до высокой степени силы, смѣняется болевымъ: физіологія боли еще представляетъ загадку. Нѣкоторыми высказано предположеніе о существованіи само-

стоятельныхъ концевыхъ аппаратовъ для воспріятія боли и особыхъ нервовъ (Фрей). Найдены спеціальные болевые участки. Ощущеніе боли всегда неразрывно связано съ непріятнымъ чувствованіемъ, такъ что то и другое нельзя сознавать раздѣльно. Ошибочно боль считать только чувствованіемъ: часто мы локализируемъ боль подобно другимъ впечатлѣніямъ. Равно ошибочно считать ее и чистымъ ощущеніемъ. Когда боль очень сильна, ощущеніе становится неопредѣленнымъ или вовсе не сознается при наличности боли какъ чувствованія.

Осязаніе въ тѣсномъ смыслѣ часто является источникомъ удовольствія: прикосновеніе къ гладкому или мягкому предмету для насъ пріятно, особенно въ раннемъ возрастѣ. Но болѣе важно оно по своему интеллектуальному значенію. Вмѣстѣ съ зрѣніемъ, слухомъ и мускульнымъ чувствомъ осязаніе доставляетъ матеріалъ для познанія внѣшняго міра. Оно способствуетъ образованію представленій о формѣ, величинѣ и положеніи вещей. Соединяясь съ мускульнымъ чувствомъ, оно обусловливаетъ воспріятіе твердости, гладкости, шероховатости, а въ соединеніи съ вкусовыми ощущеніями обусловливаетъ воспріятіе терпкости, ѣдкости и т. д. Но все-таки осязаніе по своему интеллектуальному значенію стоитъ ниже зрѣнія и слуха. Напр., величину предмета мы гораздо чаще опредѣляемъ глазомъ, чѣмъ прикосновеніемъ руки.

Термическое чувство важно преимущественно для жизни организма. Оно побуждаетъ насъ убѣгать или защищаться отъ сильнаго холода и тепла, дѣйствующихъ вредно на организмъ. Подобнымъ образомъ и ощущеніе боли, соединяясь съ сильнымъ непріятнымъ тономъ, побуждаетъ насъ избѣгать всего того, что причиняетъ боль.

Образованіе представленій о временныхъ свойствахъ предметовъ.

§ 39. Душевныя явленія происходятъ во времени: измѣнчивость, переходъ, смѣна и внутренняя связь при семъ — вотъ одинъ изъ признаковъ психической жизни. Поэтому, психологія существованіе времени можетъ принимать за истину, не требующую доказательствъ. Однако, наша наука поступаетъ вполнѣ законно, когда ставитъ

вопросъ о томъ, какъ возникаетъ въ нашемъ сознаніи представленіе о времени, о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, какъ его частяхъ, и о продолжительности, какъ характеристичномъ его свойствѣ.

Ребенокъ до двухъ-трехъ лѣтъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія о времени, онъ постоянно смѣшиваетъ выраженія: вчера, сегодня, завтра.

Преемство душевныхъ явленій въ сознаніи составляетъ необходимое условіе воспріятія нами времени. При глубокомъ снѣ, въ состояніи обморока, когда ходъ психической жизни задерживается, время какъ бы не существуетъ; оно не замѣчается. Но мало этого. Когда два явленія,—назовемъ ихъ „а" и „б",—одно вслѣдъ за другимъ, входятъ въ сознаніе, представленіе о времени, въ которомъ происходитъ ихъ преемство, еще не можетъ возникнуть. Тутъ нужно что-нибудь такое, чтобы заразъ обхватывало рядъ явленій и ихъ связывало. Такою общею связью бываетъ какое-либо чувствованіе или стремленіе, остающееся постояннымъ при смѣнѣ двухъ или нѣсколькихъ фактовъ сознанія и, слѣдов., составляющее относительно прочную основу, въ противоположность которой можетъ ясно выступать смѣна и послѣдовательность [1]).

Время различается на прошедшее, настоящее и будущее. Полагать различіе между этими періодами, или частями времени, побуждаютъ насъ волненія ожиданія скуки и др., относящіяся къ числу, такъ называемыхъ, формальныхъ чувствованій. Положимъ, въ наше сознаніе нѣсколько разъ одно за другимъ входило извѣстное число душевныхъ явленій. Допустимъ, что теперь начальное изъ нихъ нами воспринято, но послѣдующія еще не наступили. Тогда въ душѣ вмѣстѣ съ ожиданіемъ возникаетъ сужденіе, которое, если его выразить словами, будетъ таково: такого-то ожидаемаго явленія еще нѣтъ. Бываетъ и иначе. Мы, напр., заняты разсматриваніемъ какого-либо

---

[1]) Гефдингъ. Очерки психологіи, 212 стр.

предмета. Вдругъ онъ неожиданно исчезаетъ. У насъ тогда возникаетъ чувствованіе изумленія, разочарованія и сужденія, что интересующаго насъ предмета уже нѣтъ. Вотъ тѣ простѣйшіе опыты, которые обусловливаютъ образованіе представленія о прошедшемъ и будущемъ времени. Что же касается настоящаго, то подъ нимъ мы разумѣемъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ, состоящій изъ ряда предыдущихъ и послѣдующихъ моментовъ. Такъ, когда мы говоримъ: „настоящій день", „настоящій годъ", то подъ „настоящимъ" разумѣемъ не только моментъ, когда говоримъ, но цѣлую совокупность моментовъ, связанныхъ одной общей чертой.

Наконецъ, время различно представляется въ отношеніи его продолжительности. Иногда оно „летитъ какъ стрѣла", а иногда „движется медленнѣе черепахи". Переживаемое время кажется намъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ болѣе наше вниманіе сосредоточивается на немъ самомъ, на смѣнѣ его моментовъ. Часы скуки или ожиданія, когда мы болѣе всего заняты самымъ ходомъ времени, для насъ мучительно длинны. Закройте глаза и попросите кого-нибудь сказать вамъ, когда пройдетъ одна минута, и эта минута полнаго отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній, если только ваше вниманіе не будетъ сосредоточено на какой-либо интересной умственной работѣ, покажется вамъ очень большой. Переживаемое время кажется намъ тѣмъ короче, чѣмъ болѣе наше вниманіе обращено на испытываемыя нами состоянія. Время, которое мы проводимъ въ интересномъ разговорѣ, пробѣгаетъ незамѣтно. Но что въ настоящемъ казалось продолжительнымъ, то, отойдя въ область прошедшаго, при воспоминаніи обыкновенно представляется краткимъ. Часы скуки, невыносимо длинные при ея переживаніи, вспоминаются, какъ очень короткое время. Наоборотъ, время, для насъ быстро протекшее, при воспоминаніи обыкновенно представляется намъ довольно продолжительнымъ. Недѣля интереснаго путешествія при воспоминаніи кажется тремя недѣлями.

Образованіе представленій о пространственныхъ свойствахъ предметовъ.

§ 40. Первоначально человѣкъ ничего не знаетъ ни о разстояніи между чувственными предметами, ни о ихъ формѣ и величинѣ. Это доказываютъ наблюденія надъ удачно оперированными слѣпорожденными и надъ дѣтьми. Слѣпорожденнымъ, когда они прозрѣвали, сначала казалось, что предметы касаются ихъ глазъ, они на нѣкоторомъ разстояніи принимали кубъ за квадратъ, шаръ за кругъ, пирамиду за треугольникъ. Ребенокъ протягиваетъ руку, желая схватить ею предметы, находящіеся чрезвычайно далеко отъ него. Только путемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ опытовъ мы знакомимся съ пространственными отношеніями предметовъ.

Представленія о разстояніи образуются главнымъ образомъ при участіи мускульнаго чувства и зрѣнія.

Для того, чтобы достать одну вещь, ребенку достаточно сдѣлать небольшое движеніе рукою, чтобы коснуться другой, ему необходимо протянуть руку во всю ея длину, а чтобы коснуться третьей, ему нужно пройти нѣсколько шаговъ. Величина разстоянія, отдѣляющаго ребенка отъ внѣшней вещи, опредѣляется величиною движенія: чѣмъ больше требуется движенія для преодолѣнія извѣстнаго разстоянія, тѣмъ бо̀льшимъ кажется и самое разстояніе. Величина же движенія опредѣляется величиною траты физической силы, а самая трата выражается мускульнымъ чувствомъ. Такъ при помощи мускульныхъ ощущеній образуется представленіе о разстояніи.

Неодинаковыя мускульныя ощущенія сопровождаютъ разсматриваніе предмета на различныхъ разстояніяхъ. Глаза, какъ извѣстно изъ физіологіи, снабжены цѣлою системою мускуловъ, способныхъ выполнять разнообразныя движенія. Глаза прилаживаются такъ, чтобы свѣтовое раздраженіе дѣйствовало на мѣсто самаго яснаго зрѣнія (на желтое пятно). Хрусталикъ становится тѣмъ выпуклѣе, чѣмъ ближе къ намъ предметъ. Смотря на близкій предметъ, мы поворачиваемъ глаза другъ къ другу и сближаемъ зрачки, а смотря на далекій, — поворачиваемъ глаза кнаружи и раздвигаемъ зрачки. Всякій разъ

особое положеніе глазъ связано съ особеннымъ мышечнымъ движеніемъ и потому сопровождается особыми мускульными ощущеніями. Послѣднія даютъ намъ возможность судить о разстояніи отъ насъ внѣшнихъ предметовъ и не приближаясь къ нимъ.

Итакъ, первоначально разстояніе опредѣляется при помощи ощущеній, сопровождающихъ движеніе рукою или всѣмъ тѣломъ и различное положеніе глазъ. Потомъ субъектъ научается опредѣлять разстояніе при помощи зрѣнія на основаніи другихъ опытовъ, независимо отъ ощущеній движенія. Чѣмъ мы ближе къ предмету, тѣмъ большее число отраженныхъ имъ (или исходящихъ отъ него) свѣтовыхъ лучей достигаетъ нашего глаза и тѣмъ яснѣе бываютъ его очертанія. Отсюда о степени отдаленности отъ насъ предмета мы заключаемъ по степени ясности его очертаній. Разстояніе до предметовъ, отдѣленныхъ отъ насъ многими промежуточными, кажется бо̀льшимъ разстоянія до предметовъ, отдѣленныхъ пустымъ пространствомъ (ибо въ первомъ случаѣ глазные мускулы напрягаются сильнѣе). О разстояніи до предметовъ, уже знакомыхъ намъ по своей величинѣ, мы судимъ по ихъ кажущейся величинѣ: чѣмъ меньшей представляется ихъ величина, когда они находятся вдали, тѣмъ бо̀льшимъ мы считаемъ разстояніе къ нимъ.

Слухъ послѣ мускульнаго чувства и зрѣнія выступаетъ какъ опредѣлитель разстоянія. Пріученные опытомъ къ ассоціированію звуковъ съ присутствіемъ того или иного предмета, мы достигаемъ того, что судимъ по одному лишь звуку, по его свойству и силѣ о томъ, находится ли предметъ, который его производитъ, въ отдаленіи или вблизи. Ослабѣвающій звукъ служитъ знакомъ того, что предметъ удаляется и наоборотъ [1]).

Образованіе представленій о формѣ предметовъ (плоскости, квадратѣ, кубѣ, пирамидѣ и т. д.) обусловли-

---

[1]) Компейерэ. Основанія элементарной психологіи, 38 стр.

вается дѣятельностью, такъ называемаго, активнаго осязанія и зрѣнія.

Ребенокъ для ознакомленія съ предметомъ 1) проводитъ пальцами по поверхности и замѣчаетъ, какъ долго длится соприкосновеніе ихъ съ нею; 2) онъ проводитъ пальцами по границѣ поверхности и замѣчаетъ однообразіе движеній вдоль каждой стороны, продолжительность движенія и перемѣну направленія по угламъ; 3) онъ кладетъ разжатую руку на поверхность одной изъ сторонъ предмета и замѣчаетъ посредствомъ мѣстнаго различенія (мѣстныхъ знаковъ по Лотце), въ какихъ мѣстахъ края прикасаются къ рукѣ. Такимъ образомъ, знаніе одной поверхности предмета требуетъ группировки нѣсколькихъ ощущеній, а знаніе всей формы, имѣющей три измѣренія, обусловливается группировкой нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ.

Когда глаза получаютъ навыкъ правильной аккомодаціи, тогда и зрѣніе становится средствомъ для различенія формы предметовъ близко и вдали лежащихъ, большихъ и малыхъ. Зрительный нервъ состоитъ изъ множества волоконъ. Волокна изолированы одно отъ другого, и каждое особо несетъ свое возбужденіе мозговому центру. Мы, благодаря этому, при разсмотрѣніи предмета получаемъ множество впечатлѣній. Въ воспріятіи, вслѣдствіе необыкновенной быстроты или даже своей одновременности, они сливаются въ одно цѣлое. Однако, сознаніе ихъ различія, вслѣдствіе качественной и количественной опредѣленности каждаго изъ нихъ, не исчезаетъ совершенно. Отсюда и возникаетъ представленіе о плоскости, какъ о цѣломъ, состоящемъ изъ множества сопредѣльныхъ точекъ. Подобнымъ же путемъ возникаетъ представленіе о тѣлѣ, имѣющемъ три измѣренія, только здѣсь имѣетъ большое значеніе и то, что мы смотримъ двумя глазами, каждымъ съ особой стороны и получаемъ два изображенія, сливающіяся въ одно [1]). „Если, напр.,

---

[1]) Чѣмъ объяснить сліяніе двухъ этихъ изображеній въ одинъ

держать передъ глазами доску, чтобы правый глазъ видѣлъ одну ея сторону, а лѣвый другую, то получается отчетливое представленіе ея формы. Но съ постепеннымъ удаленіемъ доски стороны, образующія ея толщину, будутъ видны все меньше и меньше и, наконецъ, останется одно воспріятіе передней плоской стороны; но это воспріятіе будетъ тождественнымъ для обоихъ глазъ".

Образованіе представленій о величинѣ предмета происходитъ такъ. Величина предметовъ прежде всего познается посредствомъ мускульнаго чувства. Ощупывая разныя тѣла или двигая пальцами по границамъ ихъ сторонъ отъ одного конца до другого, дитя замѣчаетъ, что для этого требуются различныя усилія въ зависимости отъ того, какимъ предметомъ оно интересуется. Употребляя неодинаковыя усилія и потому получая неодинаковыя мускульныя ощущенія, ребенокъ по интенсивности послѣднихъ судитъ о томъ, какой предметъ больше и какой меньше. Послѣ въ опредѣленіи величины предметовъ участвуетъ мускульное чувство, сопровождающее процессъ зрѣнія. Размѣръ движеній, необходимыхъ для того, чтобы, переводя глаза, мѣсто яснаго зрѣнія установить на предѣльные пункты предмета, является показателемъ его величины.

Итакъ, представленія о пространственныхъ свойствахъ предметовъ образуются при помощи зрѣнія, осязанія, мускульнаго чувства и слуха. Но въ образованіи этихъ представленій большое участіе принимаетъ также разсудокъ. Величину, разстояніе, форму мы не воспринимаемъ непосредственно, подобно свѣту, звуку, прикосновенію, а заключаемъ о нихъ на основаніи различныхъ ощущеній, получаемыхъ отъ предметовъ и нерѣдко воспоминаній о прежде полученныхъ отъ нихъ ощущеніяхъ.

образъ? Причина сего не заключается въ какихъ-либо особенностяхъ устройства глазъ. Какъ показываетъ опытъ, можно видѣть и двойныя изображенія, если желательно, и есть достаточно времени, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Объясненія нужно искать въ способности души воспринимать тѣлесные образы.

Это подтверждается наблюденіями надъ дѣтьми и удачно оперированными слѣпорожденными. Этимъ объясняются наши частыя ошибки при оцѣнкѣ пространственныхъ отношеній вещей. Если судить, напр., о разстояніи горы только что появившейся на горизонтѣ, то можетъ показаться, что она находится въ 15 минутахъ ходьбы; на самомъ же дѣлѣ приходится идти до нея болѣе часа. Въ туманѣ все кажется удаленнымъ и больше. Хорошо нарисованный образъ человѣка представляется намъ какъ бы рельефнымъ.

Ненормальная дѣятельность чувствъ.

§ 41. Ненормальная дѣятельность способности ощущенія, благодаря, главнымъ образомъ, вліянію на нее воображенія, выражается въ образованіи иллюзій и галлюцинацій. Общая черта тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ, что онѣ также объективируются нами, какъ и нормальныя ощущенія. Подверженъ ли кто иллюзіямъ или галлюцинаціямъ, напр., въ области зрѣнія и слуха, онъ видитъ вещи, реально передъ нимъ не существующія, слышитъ небывалые звуки и притомъ видитъ и слышитъ съ такою ясностью и отчетливостью, что этотъ призрачный міръ кажется ему не менѣе реальнымъ, чѣмъ міръ дѣйствительный, окружающій [1]). Иллюзіи и галлюцинаціи принято называть „обманами чувствъ".

Главное различіе между тѣми и другими состоитъ въ слѣдующемъ. Иллюзія въ своемъ возникновеніи непосредственно обусловливается физическимъ стимуломъ, это— неправильное воспріятіе дѣйствительно существующаго внѣшняго раздраженія. Галлюцинація возникаетъ совершенно независимо отъ возбужденія периферическихъ окончаній внѣшними впечатлѣніями. Если трусливый субъектъ стволы деревьевъ или клубы дыма принимаетъ за привидѣніе, то онъ подвергается иллюзіямъ. „Голоса", которые слышитъ психически больной среди полной тишины, должны быть разсматриваемы, какъ галлюцинаціи.

---

[1]) В. Кандинскій. Общепонятные психолог. этюды, 171 стр.

Иллюзіи и ихъ причины.

§ 42. Иллюзія есть неправильно истолкованное сознаніемъ ощущеніе. Однѣ изъ иллюзій обусловливаются физическими причинами, чаще всего слабостью и неполнотою или мимолетностью внѣшняго раздраженія. Въ сумерки, во время тумана легко одинъ предметъ принять за другой. Интереснымъ примѣромъ подобнаго рода иллюзій могутъ служить тѣ обычные, при бѣгломъ чтеніи книги, обманы зрѣнія, когда неправильно напечатанныя слова читаются правильно. Иныя иллюзіи зависятъ отъ физіологическихъ причинъ, обусловливаются ненормальнымъ состояніемъ организма или извѣстныхъ его частей. Одна нервно-больная, которую лѣчилъ проф. Ковалевскій, во всякомъ скрипѣ и визгѣ слышала пѣніе соловья, а въ ходѣ карманныхъ часовъ—журчаніе ручья; другой его же паціентъ при прикосновеніи къ его кожѣ холодной вещью воображалъ, что на него лѣзутъ змѣи и лягушки. У людей, страдающихъ шумомъ въ ушахъ, нерѣдко бываютъ иллюзіи слуха, а у имѣющихъ пятна на роговой оболочкѣ—иллюзіи зрительныя. Наконецъ, часто иллюзіи происходятъ вслѣдствіе психическихъ причинъ, благодаря поспѣшности, торопливости въ обсужденіи возникшаго ощущенія, разсѣянности, невнимательности къ нему, а особенно вслѣдствіе господствующаго настроенія и односторонняго склада мыслей. Бываетъ, что какое-либо представленіе, при живомъ интересѣ къ нему, становится на болѣе или менѣе продолжительное время главнымъ элементомъ сознанія; тогда все, что воспринимается, если хоть сколько нибудь соотвѣтствуетъ этому представленію, истолковывается въ его смыслѣ. Во многихъ психологическихъ сочиненіяхъ (напр., у Тэна, Вундта, Каптерева, Свѣтилина) приводится слѣдующій примѣръ: экипажъ одного корабля былъ испуганъ призракомъ повара, умершаго нѣсколько дней тому назадъ. Всѣ отчетливо его видѣли. Онъ шелъ по водѣ, прихрамывая особымъ маперомъ, по которому его прежде распознавали... Нѣсколько времени спустя оказалось, что это былъ обломокъ корабля, потерпѣвшаго крушеніе. Моряки,

въ мысляхъ которыхъ былъ свѣжій образъ умершаго товарища и его походки, подвергались одинаковой иллюзіи при видѣ неровныхъ движеній качаемаго волнами обломка.

Галлюцинаціи и ихъ причины.

§ 43. Съ психической точки зрѣнія галлюцинація, по вѣрному замѣчанію Джемса, есть нѣчто большее, чѣмъ образъ воображенія, проектированный въ пространство. Галлюцинація—ощущеніе столь же живое и реальное, какъ и нормальное ощущеніе. Разница здѣсь лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ воспринимаемый предметъ есть налицо, а въ другомъ его вовсе нѣтъ.

Фантазія, дойдя до высшей степени возбужденности и освободившись отъ регулирующаго вліянія, съ одной стороны, разсудка и воли, а съ другой—внѣшняго міра, создаетъ образы, лишенные реальнаго характера. Послѣдніе, овладѣвъ всѣмъ вниманіемъ человѣка, не ограничиваются областью представленій, но возбуждаютъ головной мозгъ. Возбужденіе мозга пробѣгаетъ по нервнымъ волокнамъ въ эксцентрическомъ направленіи, достигаетъ до периферическихъ окончаній нервныхъ волоконъ и, раздражая эти окончанія, вызываетъ то или иное ощущеніе, которое объективируется во внѣшнемъ мірѣ [1]). Такимъ образомъ, причиною галлюцинацій бываетъ чрезвычайно сильно возбужденная фантазія; значитъ все, что поднимаетъ дѣятельность фантазіи до крайней степени напряженности, способствуетъ появленію галлюцинацій.

Возбужденіе фантазіи можетъ происходить какъ отъ физіологическихъ, такъ и отъ психическихъ условій. Къ числу первыхъ относятся: тѣлесныя болѣзни, которыя сопровождаются повышеніемъ чувствительности нервной системы, отравленія нѣкоторыми веществами, напр., алкоголемъ, опіумомъ, анемическія состоянія нервной си-

---

[1]) Такую теорію происхожденія галлюцинацій даютъ лучшія психологіи и психіатріи, и она весьма вѣроятна, хотя бы, напр., потому, что при ней становится понятнымъ, отчего галлюцинаціи даже у людей вообще психически здоровыхъ имѣютъ живость дѣйствительныхъ воспріятій и смѣшиваются съ ними. См. Обманы чувствъ. Розенбахъ, Энцикл. Словарь, ч. XXI, стр. 525—527.

стемы послѣ продолжительной безсонницы, чрезмѣрнаго физическаго напряженія и т. д. Припомнимъ грезы больныхъ тифозной горячкой, галлюцинаціи напившихся до пьяна, видѣнія путешественниковъ по пустынѣ, подъ вліяніемъ сильной усталости, крайняго голода и жажды.

Психологическими причинами галлюцинаціи бываютъ сильные аффекты, душевныя болѣзни, особенно помѣшательство и манія. Лоцарусъ приводитъ разсказъ объ одномъ ученомъ, который, по внезапномъ полученіи печальнаго извѣстія о смерти своего друга, выйдя на улицу, ясно увидѣлъ, какъ ему показалось, этого друга, идущаго предъ нимъ. Убійцы часто преслѣдуются живыми образами своихъ жертвъ. „Иногда душевнобольному слышится, что его ругаютъ самыми оскорбительными словами, или ему угрожаютъ... Ночью онъ видитъ діавола съ когтями и рогами; ангелы или черныя птицы летаютъ по комнатѣ; на полу валяются трупы убитыхъ имъ лицъ“ [1]).

Обыкновенно галлюцинаціи возникаютъ помимо воли субъекта. Но встрѣчаются случаи и произвольнаго ихъ вызова. Гёте говоритъ о себѣ: „когда я закрывалъ глаза, то я заставлялъ являться посреди поля зрѣнія цвѣтокъ; цвѣтокъ раскрывался и изъ него выходили новые и новые цвѣты, пока я этого желалъ“.

Галлюцинаціи, а равно и иллюзіи, всего чаще бываютъ въ области зрѣнія и слуха.

2. Способность представленія.

Если бы наша душевная жизнь вся выражалась въ однихъ ощущеніяхъ, прекращающихся, какъ только перестаетъ дѣйствовать ихъ внѣшній стимулъ, то мы тогда были бы подобны зеркалу, на которомъ не остается никакого слѣда отъ отражавшихся на его поверхности пред-

---

[1]) Крэпелинъ. Краткое руководство по психіатріи. 1894 г., 247 стр.

метовъ. Очевидно, въ такомъ случаѣ для человѣка невозможно было бы психическое развитіе, было бы недоступно прочное сознаніе вещей. Но ощущеніе составляетъ только первоначальную и низшую форму психической жизни, или, что̀ вѣроятнѣе, одну изъ такихъ формъ [1]). Послѣ ощущеній слѣдуютъ другіе болѣе сложные процессы познавательной дѣятельности. Ощущенія даютъ матеріалъ для способности представленія, а затѣмъ и для мышленія.

Понятіе о представленіи и отличіе его отъ чувственнаго ощущенія.

§ 44. Представленіе въ своемъ простѣйшемъ видѣ есть „умственный образъ предмета, остающійся въ нашей душѣ послѣ того, какъ самый предметъ пересталъ на нее дѣйствовать".

Для лучшаго уясненія характера представленій сравнимъ ихъ съ изученными уже явленіями—ощущеніями. Сопоставляя съ ощущеніями представленія, находимъ, что они въ однихъ отношеніяхъ уступаютъ ощущеніямъ, а въ другихъ превосходятъ ихъ.

Представленія въ своемъ возникновеніи болѣе, чѣмъ ощущенія, независимы отъ внѣшнихъ дѣятелей. Ощущеніе непосредственно вызывается физическими стимулами и существуетъ до тѣхъ поръ, пока продолжается ихъ прямое дѣйствіе на соотвѣтствующій нервъ, прекратилось послѣднее, — и ощущеніе почти тотчасъ прекращается. Играетъ оркестръ—слышимъ музыку; онъ умолкъ—музыкальные звуки уже не ощущаются нами. Представленіе же можетъ возникнуть какъ по поводу внѣшняго воспринятаго раздраженія, такъ и благодаря усиліямъ воли при воспоминаніи и творчеству воображенія; будучи иногда вызвано внѣшнимъ толчкомъ, оно въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи имъ не обусловливается. Увидѣвъ дорогого

[1]) Если невозможно способности чувствованій и желаній свести къ способности познанія вообще (см. § 17), то равно невозможно первыя выводить изъ какого-либо одного вида послѣдней, напр., ощущеній. Простыя душевныя волненія, а особенно инстинкты стремленія — столь же первоначальные, непроизводимые факты, какъ и ощущенія.

намъ человѣка, мы послѣ того, какъ онъ ушелъ, долго сосредоточиваемъ свое вниманіе на его умственномъ образѣ.

Въ чувственныхъ перцепціяхъ мы испытываемъ и принадлежащія имъ матеріальныя свойства—теплоту, холодъ и т. д. (какъ бы ни понимать самый источникъ этихъ свойствъ), тогда какъ, имѣя дѣло съ представленіемъ, мы этихъ свойствъ не испытываемъ. Въ актѣ представленія на первый планъ выступаетъ не качество или содержаніе лежащихъ въ его основѣ ощущеній, а сознаніе пространственныхъ и временныхъ отношеній. Когда мы, напр., вспоминаемъ о предметѣ, раньше нами видѣнномъ, то при этомъ въ нашемъ сознаніи предметъ опредѣляется, главнымъ образомъ, со стороны пространственныхъ отношеній къ другимъ предметамъ и къ нашему тѣлу.

Представленія не имѣютъ полноты, отчетливости и живости, свойственныхъ соотвѣтствующимъ ощущеніямъ. Вспоминая лицо друга, мы обыкновенно не можемъ воспроизвести всѣхъ его очертаній такъ полно, какъ они воспринимаются нами, когда это лицо находится у насъ предъ глазами. Воображаемый цвѣтъ далеко не обладаетъ тою яркостью, какая принадлежитъ ему въ воспріятіи. Съ меньшей живостью воспроизводятся звуки, а еще съ меньшей—запахи и вкусы.

Наконецъ, представленія не имѣютъ силы дѣйствительныхъ ощущеній. Сравнимъ ощущеніе физической боли и представленіе о ней: какъ рѣзко они различаются по своей силѣ! Кажется, не будетъ ошибки, если допустимъ, что представленія сами по себѣ не располагаютъ никакой силой. Представленія о самомъ сильномъ громѣ и самомъ тихомъ звукѣ не различаются по своей интенсивности. „Конечно, можно имѣть представленіе о различныхъ степеняхъ интенсивности ощущеній, но само представленіе не можетъ обладать интенсивностью [1]).

---

[1]) Цигенъ. Физіолог. психологія, 187 стр.

Виды способности представленія.

§ 45. Способность представленія выражается въ довольно разнообразной дѣятельности. Она, на основаніи ощущеній, создаетъ образы дѣйствительно существующихъ предметовъ и ихъ свойствъ; она хранитъ образовавшіяся представленія, она воспроизводитъ ихъ; она создаетъ новыя представленія, такъ или иначе свободно сочетая элементы содержанія уже имѣющихся. Поэтому можно различать слѣдующіе частные виды этой способности: а) способность представленія въ тѣсномъ смыслѣ, проявляющуюся въ образованіи представленія, которымъ сознаніе приписываетъ реальное значеніе, б) способность храненія представленій или память, в) способность воспроизведенія ихъ или воспоминаніе и г) способность свободнаго сочетанія представленій или воображеніе, высшая степень котораго называется фантазіею.

Способность представленія въ тѣсномъ смыслѣ.

§ 46. Дѣятельность способности представленія въ тѣсномъ смыслѣ обнаруживается въ образованіи представленій простыхъ, элементарныхъ, какъ „копій отдѣльныхъ ощущеній", — сложныхъ, какъ сочетанія представленій, соотвѣтствующихъ ряду воспріятій, получаемыхъ отъ единичныхъ предметовъ, и общихъ, содержащихъ въ себѣ черты, общія извѣстной группѣ предметовъ.

Элементарныя представленія образуются путемъ сліянія простыхъ ощущеній. Ощущенія одинаковыя по содержанію и близкія по степени силы, получаемыя нами въ различное время, сливаются другъ съ другомъ. Результатомъ ихъ сліянія являются представленія о томъ или иномъ цвѣтѣ, звукѣ, запахѣ и т. д. Процессъ сліянія характеризуется тѣмъ, что сливающіеся элементы теряютъ свою самостоятельность, такъ что ихъ невозможно различить.

Сложныя представленія получаются чрезъ сочетаніе простыхъ, возникнувшихъ одновременно или въ непосредственной послѣдовательности; они относятся къ единичнымъ предметамъ, лицамъ, событіямъ и могутъ быть названы индивидуальными представленіями. Такъ, представленія особаго цвѣта, аромата, стебля, колючекъ,

формы лепестковъ и листьевъ розы слагаются въ цѣльный умственный образъ этого растенія. Въ процессѣ сочетанія составные элементы удерживаютъ свою самостоятельность и доступны различенію. Представленіе нетрудно разложить на его элементы.

Общія представленія образуются изъ представленій и воспріятій, возбуждаемыхъ сходными предметами. Мы восприняли извѣстный предметъ, затѣмъ воспринимаемъ похожіе на него другіе предметы. Каждымъ новымъ воспріятіемъ вызываются къ сознанію представленія, соотвѣтствующія прежнимъ воспріятіямъ, причемъ элементы содержанія несходные, отдѣльно принадлежащіе каждому изъ представленій, не войдутъ въ сознаніе. Равно и въ полученномъ воспріятіи черты, свойственныя ему одному, будутъ, такъ сказать, стоять въ тѣни. Зато въ немъ, а также въ воспроизведенныхъ представленіяхъ, съ особой ясностью выступятъ сходныя стороны содержанія, изъ которыхъ и составится общее представленіе или схема. Общія представленія отличаются неопредѣленностью и имѣютъ стремленіе отлиться въ образъ индивидуальнаго предмета. Почти невозможно представить себѣ человѣка вообще, который бы ни стоялъ, ни сидѣлъ, ни лежалъ;— круга вообще, не имѣющаго никакого цвѣта, никакой опредѣленной величины. Обыкновенно общее представленіе сознается въ соединеніи то съ тѣми, то съ другими частными признаками, только эти признаки бываютъ слабо освѣщены.

Память. § 47. Памятью называется способность храненія образовавшихся въ душѣ представленій (и понятій) [1]). Всѣ ли наши представленія и всегда ли сохраняются въ памяти. По обыденному ненаучному взгляду, не все нами пережитое помнится, многое изъ того, что сначала вступило въ память, потомъ изъ нея совершенно исчезаетъ. По-

[1]) Такъ какъ о храненіи душою представленій мы заключаемъ, главнымъ образомъ, по ихъ воспроизведенію, то подъ „памятью“ часто разумѣютъ и способность воспроизведенія, хотя для нея есть особое названіе—„воспоминаніе“.

видимому, подобный взглядъ вѣренъ. Даже имѣющій феноменальную память человѣкъ не въ состояніи воспроизвести и, слѣдовательно, наглядно показать дѣйствительное сохраненіе и сотой доли испытанныхъ имъ состояній; мало того, онъ не можетъ съ полною подробностью воспроизвести факты своей душевной жизни, совершившіеся въ теченіе однѣхъ ближайшихъ сутокъ. Лишь наиболѣе свѣжія событія вспоминаются нами съ нѣкоторою полнотою и ясностью, чѣмъ дальше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ болѣе кругъ воспоминаній съуживается, ограничиваясь отдѣльными, особенно выдающимися явленіями. Извѣстны случаи потери памяти къ отдѣльнымъ группамъ представленій, напр., случаи амнестической афазіи, т.-е. неспособности воспроизведенія звуковыхъ образовъ рѣчи.

Приведеннымъ и всѣмъ имъ подобнымъ фактамъ можно противопоставить множество противоположныхъ фактовъ, показывающихъ, что ни объ одномъ состояніи, нами пережитомъ, ни объ одномъ представленіи, у насъ образовавшемся, нельзя сказать, что оно совсѣмъ исчезло изъ памяти. Во снѣ нерѣдко выступаютъ самыя мимолетныя впечатлѣнія, воспринятыя днемъ (см. § 125). Иные глубокіе старики съ поразительною подробностью разсказываютъ о давно минувшихъ событіяхъ ихъ юности. Послѣ пріема гашиша, опіума, при нервныхъ болѣзняхъ, внезапныхъ душевныхъ потрясеніяхъ въ сознаніи появляются подробности прежней жизни, о храненіи которыхъ душою пережившій ихъ и не подозрѣвалъ. Одинъ мальчикъ 4-хъ лѣтъ расшибъ голову такъ, что пришлось сдѣлать операцію. На 15-мъ году своей жизни, заболѣвъ горячкой, онъ въ бреду со всѣми подробностями разсказывалъ объ этой операціи, хотя о ней раньше никто ничего ему не говорилъ, и самъ онъ никогда не вспоминалъ.

Приходится допустить, что ни одно самое блѣдное представленіе, когда бы оно ни было образовано, не исчезаетъ изъ памяти, а всегда въ ней хранится. Полное

забвеніе невозможно. Бываютъ только различныя степени памяти. Низшая ея степень, характеризующаяся крайнею неясностью хранимыхъ представленій составляетъ такъ называемое забвеніе. Это забвеніе, по словамъ Джэмса, для нашего интеллекта составляетъ такую же важную функцію, какъ запоминаніе. Если бы мы всегда и одинаково помнили все, то оказались бы въ такомъ же безвыходномъ положеніи, какъ если бы не помнили ничего. Тогда для воспроизведенія прошлаго факта потребовалось бы столько же времени, сколько его на дѣлѣ протекло отъ появленія факта въ сознаніи до момента припоминанія. Но время при репродукціи подвергается тому, что Рибо называетъ „укороченіемъ“; укороченіе это состоитъ въ пропускѣ огромнаго количества явленій, заполняющихъ данный временный промежутокъ. Итакъ, мы приходимъ къ парадоксальному выводу: „забвеніе есть одно изъ условій воспоминанія“ [1]).

Фактъ храненія представленій въ памяти не подлежитъ сомнѣнію; но вопросъ о способѣ ихъ храненія составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ психологическихъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ думать, что „отдѣльныя представленія обладаютъ какъ бы нѣкотораго рода индивидуальнымъ безсмертіемъ“ [2]). Болѣе вѣроят-

---

[1]) Джэмсъ. Психологія, 239—240 стр.

[2]) Одно и то же представленіе никогда не возвращается. Новое представленіе можетъ болѣе или менѣе походить на прежде бывшее, но оно вѣроятно никогда не бываетъ тождественно съ нимъ. То въ немъ оказываются новые элементы, то нѣтъ всѣхъ элементовъ, имѣвшихся въ прежнемъ представленіи... Никто изъ сходства какого-либо привычнаго движенія, напр., при писаніи опредѣленнаго слова не станетъ заключать, что это движеніе продолжается непрерывно съ того момента, когда оно было совершено впервые, дѣлаясь замѣтнымъ только, если опять пишется данное слово. Точно также случаи сходства настоящаго представленія съ представленіемъ прежде бывшимъ не доказываетъ продолженіе существованія послѣдняго, именно какъ представленія. Выраженія: „храненіе представленія“, „воспроизведеніе представленій“ удержаны нами въ виду ихъ краткости и общеупотребительности, но едва-ли можно понимать ихъ буквально.

нымъ кажется слѣдующее предположеніе. Каждое представленіе, точно также какъ и всѣ психическіе процессы, производитъ особое измѣненіе въ организаціи души. Вслѣдствіе этого душа получаетъ расположеніе къ переживанію явленій, аналогичныхъ пережитымъ раньше. Притомъ, чѣмъ больше измѣненіе, тѣмъ значительнѣе и расположеніе къ переживанію явленій [1]).

Воспоминаніе. Законы ассоціаціи. Зависимость воспоминанія отъ чувствованій и воли.

§ 48. Представленія, сдѣлавшись достояніемъ памяти, могутъ при извѣстныхъ условіяхъ быть воспроизведены, могутъ опять вступить въ сознаніе. Способность воспроизведенія представленій называется воспоминаніемъ [2]).

Полный актъ воспоминанія слагается изъ трехъ частныхъ процессовъ: а) въ душѣ возникаетъ представленіе чего-либо пережитаго раньше; б) это представленіе или, точнѣе, его содержаніе узнается именно какъ уже пережитое нами когда-то (воспризнаніе) и в) наконецъ, оно относится нами къ опредѣленному моменту протекшей нашей жизни. Третій процессъ должно отличать отъ второго. Лицо этого человѣка мнѣ знакомо: я его когда-то видѣлъ, но не могу припомнить, когда именно.

Чѣмъ обусловливается воспоминаніе? Оно, прежде всего, обусловливается соотношеніемъ безсознательной и сознательной жизни души, говоря точнѣе, ассоціаціей переживаемыхъ психическихъ актовъ съ хранящимися въ памяти представленіями. При чтеніи статьи о Пушкинѣ пробуждается мысль о другомъ поэтѣ — Лермонтовѣ, подобно Пушкину преждевременно умершемъ трагическою смертью.

Впрочемъ, нерѣдко въ сознаніе вдругъ вступаетъ представленіе, поражающее своею случайностью, внезапностью,

---

[1]) Ср. Несмѣловъ. Наука о человѣкѣ, 1 т., 1898 г.

[2]) Должно различать воспоминаніе и сознаніе: мы воспоминаемъ о томъ, что случилось раньше, напр., день, мѣсяцъ тому назадъ, а сознаемъ теперь переживаемое нами событіе. Но сознаніе есть необходимое свойство воспроизводимыхъ явленій; когда мы вспоминаемъ нужное намъ явленіе, оно въ то же время облекается въ форму сознанія.

неожиданностью, какъ будто не имѣющее никакого отношенія къ предшествовавшимъ актамъ сознанія. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ открывается путемъ внимательнаго анализа, сознательное психическое явленіе, повидимому, предшествовавшее воспроизведенному представленію, дѣйствительно съ нимъ не связано, но оно его непосредственно и не предваряло; между тѣмъ и другимъ еще были посредствующія представленія, служившія для нихъ связью; только этихъ представленій мы не замѣтили, вслѣдствіе привычки, невниманія къ нимъ или быстраго ихъ исчезновенія. Гоббесъ разсказываетъ, что однажды, во время разговора объ англійской междоусобной войнѣ, одинъ изъ собесѣдниковъ вдругъ спросилъ, чему при Тиверіи равнялся римскій динарій; этотъ вопросъ не имѣлъ, повидимому, никакой связи съ предшествовавшимъ разговоромъ; тѣмъ не менѣе связь существовала и послѣ нѣкотораго размышленія была найдена. Междоусобная война была при Карлѣ I. Карлъ I былъ преданъ за двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, точно также какъ I. Христосъ былъ проданъ за тридцать динаріевъ; вотъ тѣ внутреннія цѣпи, которыя привели вышеупомянутаго собесѣдника къ его неумѣстному вопросу [1]).

Законы, управляющіе воспроизведеніемъ представленій, по ихъ взаимной связи, обыкновенно называются законами ассоціаціи идей. Два главные закона ассоціаціи идей: законъ внѣшняго сродства или смежности, который простирается на представленія, связанныя одно съ другимъ по времени ихъ образованія, и законъ внутренняго сродства, который простирается на представленія, хотя бы и раздѣленныя по времени, но имѣющія сходство по содержанію.

Первый законъ проявляется въ двухъ формахъ: какъ законъ совмѣстности и какъ законъ послѣдовательности. Законъ совмѣстности можетъ быть формулированъ такъ:

---

[1]) Тэнъ. Объ умѣ и познаніи, 78 стр. — Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 312—314 стр.

представленія, относящіяся къ явленіямъ, возникшимъ одновременно или сознаннымъ вмѣстѣ, соединяются такъ, что когда одно изъ нихъ воспроизводится, то и остальныя бываютъ близки къ сознанію, расположены къ воспроизведенію. Положимъ, мы восприняли яблоко, т.-е. сразу или одновременно получили ощущенія цвѣта, запаха, вкуса и т. д. Видя потомъ за листвой только красный цвѣтъ, мы ненамѣренно пополняемъ воспріятіе представленіемъ другихъ свойствъ яблока и принимаемъ то, что видимъ, за яблоко. По закону совмѣстности событіе напоминаетъ о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, знакъ о предметѣ, имъ означаемомъ. Мы пользуемся этимъ закономъ, когда, чтобы вспомнить мысль, недавно у насъ бывшую, но внезапно вытѣсненную изъ сознанія другою мыслію или воспріятіемъ, подходимъ или садимся тамъ, гдѣ она первоначально пришла намъ въ голову.

Законъ послѣдовательности. Представленія, послѣдовательно входившія въ сознаніе, вступаютъ въ ассоціацію, благодаря которой, при воспроизведеніи возбуждаютъ другъ друга въ порядкѣ первоначальнаго ихъ слѣдованія. Въ силу этого закона можно припомнить и прочитать заученную азбуку, стихотвореніе или воспроизвести тоны знакомой мелодіи, идя отъ ихъ начала къ концу, но нельзя идя въ обратномъ порядкѣ.

Законъ внутренняго сродства проявляется, какъ законъ сходства и какъ законъ различія.

Законъ сходства. Представленія, сходныя по содержанію, расположены вызывать другъ друга. Ближайшее и простѣйшее приложеніе закона сходства бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одно представленіе вызываетъ другое, тождественное съ нимъ по содержанію. Видя знакомый предметъ, я узнаю его, вспомнивъ, что онъ такимъ же былъ и передъ тѣмъ за день, за недѣлю. Въ болѣе сложной формѣ указанный законъ выражается, если воспроизводимыя по ассоціаціи представленія совпадаютъ только большей или меньшей частью своего содержанія. Видъ Троицко-Сергіевской Лавры пробуждаетъ

воспоминаніе о ея основателѣ, преп. Сергіи, а послѣднее вызываетъ мысль о преп. Антоніи и Ѳеодосіи, основавшихъ Кіево-Печерскую лавру.

Законъ различія (контраста). Представленія, сходныя въ однихъ отношеніяхъ, но рѣзко различающіяся въ другихъ, легко вызываютъ одно другое. Плоская равнина напоминаетъ намъ гористую мѣстность. „Трагическій случай, особенно патетическая сценка какой-нибудь трагедіи, нерѣдко возбуждаетъ въ памяти противоположное комическое приключеніе“ [1]).

Важное значеніе законовъ ассоціаціи идей для воспоминанія не подлежитъ сомнѣнію. Но изъ нихъ однихъ дать полное изъясненіе процесса воспоминанія невозможно [2]). Каждое представленіе ассоціируется со множествомъ другихъ. Сколько, напр., представленій связано съ образомъ Цезаря, Наполеона, Петра Великаго или съ видомъ Москвы, Парижа? Даже представленія и не столь богатыя по содержанію находятся въ связи со многими другими. Листъ бѣлой бумаги напоминаетъ мнѣ о лавкѣ, гдѣ я купилъ его, о матеріалѣ, изъ котораго онъ приготовленъ, о томъ, что я на немъ намѣренъ писать, о древнихъ іероглифахъ и т. п. Почему изъ всѣхъ представленій, связанныхъ съ имѣющимися въ сознаніи въ извѣстное время, воспроизводится именно это, а не другое? Почему, напр., теперь голосъ знакомаго напоминаетъ мнѣ о его походкѣ, а не о чертахъ его лица, или о характерѣ? Рѣшенія этого вопроса не находимъ въ изложенномъ раньше ученіи объ ассоціаціи. Онъ рѣшается чрезъ допущеніе участія въ каждомъ процессѣ репродукціи слѣдующаго закона: изъ всѣхъ представленій,

[1]) Ульрици. Тѣло и душа, 551 стр.

[2]) Законы ассоціаціи скорѣе описываютъ, чѣмъ изъясняютъ: они показываютъ намъ механизмъ, но не двигателя. Они вынуждаютъ насъ признать существованіе еще чего-то (личности, преслѣдующей разныя цѣли и имѣющей различныя эмоціи), если только мы произвольно не допустимъ, что идеи—психическіе атомы съ таинственнымъ взаимнымъ притяженіемъ.

связанныхъ съ даннымъ представленіемъ, вызывается то, которое имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашему общему душерасположенію или къ отдѣльнымъ чувствованіямъ и желаніямъ.

Вліяніе жизни сердца на вызовъ представленій можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: при одномъ и томъ же случаѣ въ печальномъ настроеніи намъ приходятъ на мысль лишь болѣе мрачные предметы, а въ веселомъ расположеніи духа лишь болѣе свѣтлые и пріятные. Видъ человѣка, стѣсненнаго обстоятельствами, въ душѣ добряка пробудитъ мысль о необходимости оказать помощь несчастному, а эгоистъ и на безвыходное положеніе бѣдняка смотритъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ выгодъ.

Вліяніе воли особенно явно обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда мы стараемся что-либо припомнить, отвлекаемъ свое вниманіе отъ воспоминаній, не соотвѣтствующихъ сознательно поставленной цѣли, перебираемъ содержаніе памяти и слѣдуемъ то по одному, то по другому пути.

Воспоминаніе, не руководимое волей, называется непроизвольнымъ. Оно называется произвольнымъ, если совершается подъ контролемъ воли.

Совершенства и недостатки памяти и воспоминанія, различія памяти по легкости воспріятія и объему; различія воспоминанія по его быстротѣ и вѣрности.

§ 49. Не всѣ люди имѣютъ одинаковую память и способность воспоминанія. Особенности памяти преимущественно обнаруживаются въ легкости воспріятія и въ объемѣ содержанія. По легкости воспріятія различаютъ память быструю, или острую, и тупую. У однихъ воспріимчивость памяти доходитъ до того, что они, разъ увидѣвши предметъ, легко замѣчаютъ его послѣ среди ему подобныхъ, или, однажды прочтя книгу, запоминаютъ ея содержаніе. Наоборотъ, другими все усвоивается какъ-то съ большимъ трудомъ, послѣ многократнаго повторенія. По объему своему память бываетъ широкая и узкая. Встрѣчаются личности, которыя наблюденіемъ, размышленіемъ пріобрѣли огромное количество разнообразныхъ познаній и, удерживая ихъ въ памяти, пріобрѣтаютъ новыя и новыя. Но чаще мы видимъ такихъ людей, у

которыхъ усвоеніе однихъ свѣдѣній обусловливается забвеніемъ другихъ, прежде усвоенныхъ.

Особенности воспоминанія преимущественно проявляются въ отношеніи его быстроты и вѣрности. По своей быстротѣ воспоминаніе бываетъ быстрое, когда воспроизведеніе хранящихся въ памяти представленій совершается скоро и безъ особаго труда, и медленное (вялое), когда репродукція сопряжена съ продолжительными и значительными усиліями. Воспоминаніе по его вѣрности различаютъ на точное (вѣрное) и неточное (невѣрное). Иные свои познанія и чрезъ долгое время послѣ ихъ пріобрѣтенія способны воспроизвести почти съ первоначальной ихъ вѣрностью. Но огромное большинство, напротивъ, скоро забываетъ или порядокъ содержанія, или нѣкоторыя подробности.

Мы собственно указали предѣльныя степени особенностей памяти и воспоминанія, иначе, совершенства и недостатки этихъ способностей. Но между указанными степенями находится множество промежуточныхъ.

Совершенства, а равно и недостатки памяти и воспоминанія очень рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Трудно, напр., встрѣтить человѣка, который бы легко все воспринималъ, быстро и точно воспроизводилъ. Большею частью у отдѣльныхъ людей какое-либо достоинство памяти и воспоминанія соединяется съ какимъ-нибудь недостаткомъ. Такъ одни легко усвоиваютъ, но и скоро забываютъ, другіе усвоиваютъ съ большимъ трудомъ, но сохраняютъ усвоенное прочно и воспроизводятъ вѣрно.

Будучи неодинаковыми у различныхъ людей, память и воспоминаніе у одного и того же субъекта могутъ обнаруживаться не съ одинаковымъ совершенствомъ. Представленія въ одно время легко запоминаются или репродуктируются, а въ другое—съ большимъ трудомъ. Иные образы мы легко и вѣрно воспроизводимъ, а иные медленно и неточно.

§ 50. Особенности памяти и воспоминанія находятся въ зависимости отъ психическихъ и физіологическихъ условій.

Психическія и физіологическія причины, обусловливающія различныя особенности памяти.

Во главѣ психическихъ условій слѣдуетъ поставить вниманіе. Оно необходимо при усвоеніи. Къ чему мы относимся со вниманіемъ, то дѣлается болѣе или менѣе прочнымъ достояніемъ памяти. Прилежный ученикъ заучиваетъ даже непонятный ему урокъ. Факты, наблюдаемые безъ вниманія, скоро забываются. Отъ содержанія книги, разсѣянно просмотрѣнной, остаются слабые слѣды въ памяти читавшаго, да и то ненадолго. Вниманіе имѣетъ большое значеніе и при воспоминаніи. При всецѣломъ сосредоточеніи вниманія на давно прошедшемъ случаѣ могутъ всплыть такія подробности, которыя казались совершенно забытыми. Отсюда сохраненію и воспроизведенію представленій благопріятствуетъ все то, что возбуждаетъ, привлекаетъ и усиливаетъ къ нимъ вниманіе, напр., интересъ событія, сила явленія, пріятность или непріятность впечатлѣнія и т. п. Изъ прошлой жизни первый годъ своего обученія въ школѣ, когда все занимало насъ своею новизною, мы представляемъ себѣ болѣе подробно и ясно, чѣмъ слѣдующіе годы. Страшная картина пожара навсегда залегла въ нашей памяти, и для воспроизведенія ея требуется небольшой трудъ.

Память и воспоминаніе, кромѣ вниманія, зависятъ отъ повторенія. Второпяхъ усвоенное скоро забывается. Рѣдкіе люди способны разъ воспринятое запомнить навсегда. Большинство, чтобы сдѣлать вѣрныя и твердыя умственныя пріобрѣтенія, должны неоднократно повторять однажды усвоенное. Этимъ-то путемъ намъ удается изучить языкъ, стихотвореніе, положенія какой-либо науки. Мы потому можемъ по цвѣту и по формѣ предполагать о вкусѣ смородиннаго желе или съ закрытыми глазами, воспринимая его вкусъ, представлять красный цвѣтъ и блескъ дрожащаго ломтика, что въ насъ пребываютъ образы, часто подновляемые повтореніемъ. Иногда повтореніе замѣняетъ собою вниманіе. Сколько ненужнаго,

безъинтереснаго запоминается нами, благодаря тому, что все это часто приходится видѣть или слышать.

Благопріятныя или неблагопріятныя условія памяти и воспоминанія заключаются еще въ свойствахъ пережитаго, болѣе всего въ степени его живости и отчетливости, въ степени прочности связи прошлыхъ фактовъ между собою и съ наличнымъ содержаніемъ сознанія. Образы предметовъ и событій, смутно сознанные при ихъ образованіи, съ большимъ трудомъ воспроизводятся. Изъ чувственныхъ воспріятій легче удерживаются въ памяти и припоминаются зрительныя, отличающіяся сравнительно яснымъ содержаніемъ. Чѣмъ отъ бо̀льшаго числа фактовъ различено переживаемое душой явленіе и съ бо̀льшимъ числомъ ихъ имѣетъ связь, тѣмъ лучше запоминается воспроизводимое представленіе о немъ. Мы скорѣе заучимъ иностранныя слова, если будемъ смотрѣть на нихъ глазами, воображать ихъ начертаніе, закрывъ глаза, произносить вслухъ и писать. Здѣсь отчасти находитъ для себя объясненіе и узкость объема памяти. Когда мы занимаемся какой-либо наукою, то чѣмъ дальше, тѣмъ занятія ею будутъ для насъ легче, и это не только потому, что мы на предметѣ этой науки все болѣе сосредоточиваемъ свое вниманіе, но вмѣстѣ и отъ того, что въ нашей памяти увеличивается число однородныхъ твердо укоренившихся понятій, такъ что всякое новое вступаетъ въ тѣсную и многостороннюю связь съ прежними, которыя какъ бы сообщаютъ ему крѣпость. Но занявшись другой наукой, мы, по крайней мѣрѣ сначала, могли бы оказаться безпамятными. Знаменитый Линней, обладая необъятною ботаническою памятью, былъ замѣчательно безпамятенъ въ отношеніи изученія языковъ.

Не подлежитъ сомнѣнію зависимость памяти и воспоминанія отъ физіологическихъ условій. Какъ сохраненіе, такъ и репродукція представленій, обыкновенно бываетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ большей энергіей располагаетъ организмъ, а особенно нервная система. Періодъ лучшей памяти человѣка совпадаетъ съ его дѣтскимъ и отроче-

скимъ возрастомъ. Тогда усвоеніе новаго матеріала идетъ гораздо легче и скорѣе, усвоенное сохраняется далеко тверже и воспроизводится легче и точнѣе, чѣмъ въ старости, когда процессы физіологической жизни совершаются слабо и вяло.

Аномаліи въ устройствѣ и отправленіяхъ головного мозга соединяются съ недостатками памяти. По крайней мѣрѣ, въ случаяхъ чрезвычайной тупости, извѣстной подъ именемъ идіотизма, кретинизма, которая, между прочимъ, характеризуется крайне слабой памятью, точно констатированы аномаліи мозга, его малость и недоразвитость нѣкоторыхъ его частей.

Лихорадочныя состоянія дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на воспоминаніе. Воспроизводимыя представленія столь быстро тогда слѣдуютъ одни за другими, что больной не успѣваетъ всѣхъ ихъ облекать въ словесную форму, отчего его рѣчь бываетъ отрывочной, безсвязной. Нѣкоторыя другія тѣлесныя болѣзни оказываютъ противоположное вліяніе на воспоминаніе. При катарральныхъ разстройствахъ органа пищеваренія падаетъ интересъ ко всему, образы смѣняются слабо, медленно. При иныхъ болѣзняхъ репродукція представленій принимаетъ одностороннее направленіе. Люди, страдающіе разлитіемъ желчи, скорѣе и легче всего вспоминаютъ грустные и непріятные факты.

Извѣстны многіе случаи потери или ослабленія памяти и воспоминанія послѣ придавленія или сотрясенія мозга. Замѣчательно, что при этомъ часто изглаживается изъ памяти не все ею воспринятое, а только извѣстная группа представленій, относящаяся къ какому-либо одному событію или періоду прошедшей жизни. Одинъ рабочій, упавшій съ пятаго этажа и получившій значительные ушибы въ голову, придя изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное, обнаружилъ забвеніе того, что произошло въ послѣднія пятнадцать лѣтъ; онъ, напр., узналъ своихъ родителей, но никакъ не могъ припомнить, что имѣетъ жену и дѣтей.

Какъ происходитъ вліяніе физіологическихъ причинъ на память, неизвѣстно. Существующія въ наукѣ рѣшенія этого вопроса имѣютъ лишь гипотетическое значеніе. Всѣ почти эти рѣшенія сводятся къ признанію, что образовавшіяся въ теченіе жизни представленія хранятся въ нервныхъ элементахъ (по Мейнерту, напр., въ клѣткахъ головного мозга) въ видѣ какихъ-то болѣе или менѣе значительныхъ ихъ измѣненій, матеріальныхъ отпечатковъ или слѣдовъ. Но эта физіологическая теорія возбуждаетъ много неопровержимыхъ возраженій. Подобныхъ матеріальныхъ отпечатковъ никто въ дѣйствительности не наблюдалъ. Значитъ, ихъ существованіе не есть фактъ, а только гипотеза. Гипотеза эта крайне шатка. Вѣдь слѣды, отпечатлѣвающіеся на одномъ и томъ же органѣ, одинъ вслѣдъ за другимъ и одинъ на другомъ, должны изглаживать другъ друга и во всякомъ случаѣ повреждать, спутывать, причемъ раньше полученные слѣды съ теченіемъ времени неминуемо должны становиться все тусклѣе и неопредѣленнѣе, пока не сольются одни съ другими. Между тѣмъ иногда образъ, давно повидимому забытый, вдругъ появляется въ сознаніи и своею ясностью и живостью даже превосходитъ воспроизведенные образы недавнихъ событій. Подобные случаи, очевидно, говорятъ не въ пользу физіологической теоріи памяти. Несостоятельность ея еще болѣе видна изъ слѣдующаго: память предполагаетъ не только воспроизведеніе представленій, но и сознаніе, что мы имѣли эти представленія или соотвѣтствующія имъ ощущенія прежде. Такое отнесеніе настоящаго къ прошлому, такое узнаваніе въ извѣстномъ представленіи пережитаго раньше есть фактъ „sui generis“,—совершенно необъяснимый матеріальными слѣдами въ мозгѣ.

Мнемоника и сужденіе о ней.

§ 51. Мнемоникой, мнемотехникой называется система „особыхъ пріемовъ или средствъ, съ помощью которыхъ будто бы можно развить память, усвоивать и удерживать maximum познаній въ minimum времени и съ minimum'омъ труда“. Всѣ эти средства состоятъ въ

приведеніи къ искусственной связи съ извѣстнымъ того, что еще неизвѣстно. Въ одной мнемоникѣ рекомендуется, напр., для усвоенія имени „Гамма“ поставить это имя въ соотношеніе съ фразой: на морѣ всегда слышенъ шумъ и гамъ; для того, чтобы заучить французское слово serpent—змѣя—предлагается поставить его въ связь съ предложеніемъ: змѣя ему исцарапала ногу, а чтобы заучить итальянскія озера: Маджере съ рѣкой Тичино, Комеръ съ рѣкой Адда, Иссо съ рѣкой Олье и Гарда съ рѣкою Минчіо, — для сего совѣтуется запомнить цѣлый разсказъ: „маіоръ сидѣлъ у теченія рѣки; противъ теченія находилась камера; въ камерѣ сидѣлъ его старшій братъ и пѣлъ оды; оды были въ честь сидѣвшей на испитомъ коврѣ Оли; она же сидѣла гордо и съ гордостью смотрѣла на меньшого брата“ [1]). Для запоминанія чиселъ рекомендуется употребленіе числового алфавита. Каждой изъ десяти цифръ въ немъ соотвѣтствуетъ одна или нѣсколько буквъ. Чтобы данное число не забыть, его нужно обозначить буквами, стараясь изъ нихъ образовать слова, напоминающія о предметѣ, къ которому относится число. Польза этихъ и подобныхъ имъ пріемовъ мнемоники очень сомнительна. Употребленіе ихъ уже предполагаетъ хорошую память. Они обременяютъ память множествомъ произвольныхъ символовъ, не имѣющихъ научнаго значенія; пріучаютъ связывать представленія не по существеннымъ, а по случайнымъ признакамъ; вносятъ въ репродукцію механизмъ, легко могутъ мѣшать естественной логической дѣятельности разсудка. Если они и могутъ быть допущены въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ изученія не имѣетъ внутренней связи, какъ имена королей, неправильные глаголы и т. п., то только съ великою осторожностью.

Болѣе значительную помощь приносятъ отмѣтки въ книгѣ, а особенно выписки и замѣтки, вносимыя въ особыя тетради.

---

[1]) Слоущъ. Мнемотехника. 1892 г., 12, 16, 18 стр.

Воображеніе и его дѣятельность.

§ 52. Способность представленія въ тѣсномъ смыслѣ строитъ образы предметовъ и явленій, непосредственно воспринятыхъ при помощи внѣшняго или внутренняго опыта. Воображеніе же строитъ образы предметовъ и явленій, вовсе не существующихъ (миѳы грековъ), или существующихъ въ иномъ видѣ (идеализація и каррикатура), или хотя и существующихъ въ томъ самомъ видѣ, но никогда опытно не познанныхъ (представленіе, по описанію путешественника, странъ, въ которыхъ мы не были). Во всякомъ случаѣ, существенно, безусловно новаго воображеніе не творитъ: въ его построеніяхъ нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что по частямъ и въ разныхъ сочетаніяхъ не находилось бы въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, хранящихся въ памяти. Матеріаломъ для дѣятельности воображенія служатъ воспріятія и представленія реальныхъ вещей; но воображеніе элементамъ имѣющихся въ наличности ощущеній и представленій даетъ новое расположеніе и свободное сочетаніе. Фантазія египтянъ создала сфинкса, никогда не существовавшее животное, но каждая черта сфинкса взята ими изъ природы. Чтобы вообразить домъ со всевозможными удобствами, мы совокупляемъ въ одинъ образъ избранныя особенности извѣстныхъ намъ по описаніямъ и видѣнныхъ нами домовъ, напр., расположеніе комнатъ одного, систему вентиляціи другого, водоснабженіе третьяго, электрическое освѣщеніе и отопленіе четвертаго и т. д.

Кратко воображеніе можно опредѣлить, какъ способность построенія новыхъ образовъ путемъ свободнаго сопоставленія имѣющихся у насъ конкретныхъ представленій и ихъ элементовъ.

Дѣятельность воображенія состоитъ въ отвлеченіи, видоизмѣненіи и комбинированіи. Отвлеченіе есть пріемъ, посредствомъ котораго изъ сложнаго образа выдѣляется болѣе или менѣе значительное число его подробностей. Пріемомъ отвлеченія пользуется воображеніе, когда изолируетъ представляемые предметы отъ ихъ пространственныхъ и временныхъ отношеній или когда рельефно

выставляя въ воспоминаніяхъ о прошломъ характерное въ нихъ или интересное, выдѣляетъ и удаляетъ неважное или противоположное интересамъ данной минуты. Отсюда объясняется тотъ розовый или печальный оттѣнокъ, съ какимъ мы воспроизводимъ давно минувшія событія.

Воображеніе дѣйствуетъ видоизмѣняющимъ или детерминирующимъ [1]) образомъ, дополняя представленіе новыми элементами и потому сообщая опредѣленность, устойчивость, цѣльность, наглядность—неопредѣленному, безсвязному, измѣнчивому, отвлеченному. „Когда мы понимаемъ намекъ, то пополняемъ до индивидуальнаго единства элементы, данные намъ безъ всякой связи". Детерминирующимъ пріемомъ воображенія пользуются: ученые, на основаніи разрозненныхъ данныхъ строящіе цѣлыя гипотезы, поэты при художественномъ изображеніи историческихъ личностей преувеличивающіе ихъ подвиги. Отсюда же возникновеніе сплетенъ, растущихъ по пути своего распространенія, происхожденіе нелѣпыхъ слуховъ и т. п.

Наконецъ, дѣятельность воображенія проявляется въ свободномъ комбинированіи представленій и ихъ элементовъ. Оно, собственно, состоитъ изъ сочетанія первыхъ двухъ пріемовъ: отвлеченія и детерминированія. Изъ даннаго сложнаго представленія исключаются какія-либо, нерѣдко даже существенныя части его содержанія, а на мѣсто ихъ вводятся новыя, нерѣдко противоположныя исключеннымъ, взятыя изъ другого представленія или изъ нѣсколькихъ другихъ. Этимъ путемъ образуются сновидѣнія, часто совершенно противоположныя дѣйствительности, дѣтскія и народныя сказки о поющихъ деревьяхъ, говорящихъ птицахъ, превращенныхъ царевичахъ и царевнахъ и т. д. Поэтъ, чтобы изобразить типъ скупца, собираетъ различныя черты скупости, которыя

---

[1]) Пріемъ видоизмѣненія наз. также детерминирующимъ въ виду той цѣли, какая съ его помощью преслѣдуется и достигается.

онъ наблюдалъ и наблюдаетъ въ дѣйствительной жизни, и воплощаетъ ихъ въ одномъ гармоническомъ образѣ.

Вліяніе на воображеніе чувствованій и желаній.

§ 53. Вліяніе чувствованій и желаній на дѣятельность воображенія не подлежитъ сомнѣнію. Если мы, слушая музыкальную пьесу, строимъ болѣе или менѣе соотвѣтствующіе ей образы и, значитъ, понимаемъ ее, хотя, быть можетъ, и невѣрно, то это потому, что пьеса подѣйствовала на наше чувство, увлекла насъ и такимъ образомъ возбудила наше воображеніе. Стремленіе человѣческаго духа къ познанію Бога привело людей, не принявшихъ откровенной религіи, къ созданію разнообразныхъ, нерѣдко странныхъ представленій о Божествѣ. У кого интересы обращены къ пустому и тривіальному, къ неумѣренности и разнузданности, у того воображеніе не затронется истинно-прекрасными и возвышенными явленіями. „Факты обыденной жизни и исторія искусствъ доказываютъ, что многіе, даже художники съ значительнымъ талантомъ, богатой фантазіей и технической виртуозностью, вдаются въ произведенія самаго грубаго, самаго скандальнаго рода“ [1]). Всевозможныя сердечныя волненія и стремленія души будятъ воображеніе и сообщаютъ его дѣятельности то или иное направленіе. Въ любимомъ лицѣ воображеніе смягчаетъ недостатки, преувеличиваетъ достоинства, по отношенію же къ ненавистному лицу оно трудится совершенно противоположнымъ образомъ. Воображеніе поэта, художника, ученаго, оратора идетъ своимъ особымъ путемъ, занято преимущественно извѣстной областью предметовъ, а привлекаясь однимъ и тѣмъ же предметомъ, рисуетъ его образъ не съ одинаковой точки зрѣнія. Каждое чувствованіе, каждое желаніе чѣмъ большей интенсивностью отличаются, тѣмъ сильнѣе возбуждаютъ воображеніе. Аффекты и страсти, напр., волненія страха, ревности, печали, корыстолюбіе, честолюбіе, сластолюбіе — могутъ поднимать силу фантазіи до той степени, на которой ея созданія получаютъ полную точ-

[1]) Ульрици. Тѣло и душа, стр. 578.

ность и живость чувственныхъ воспріятій, т.-е. становятся галлюцинаціями.

§ 54. Многіе опредѣляютъ фантазію, какъ способность свободнаго сочетанія представленій подъ вліяніемъ извѣстныхъ мотивовъ. Такое понятіе о фантазіи несостоятельно. Мотивы или побужденія, въ какой бы то ни было дѣятельности, иногда нами намѣренно избираются и ясно сознаются, а иногда какъ будто сами собою навязываются и сразу бываютъ для насъ самихъ непонятными. Если въ отношеніи къ фантазіи предполагать ясно сознаваемые мотивы, то область ея дѣятельности придется ограничить преимущественно участіемъ въ научныхъ построеніяхъ. Нельзя отрицать, что во многихъ художественныхъ произведеніяхъ преднамѣренность отступаетъ на задній планъ. Конечно, всякое изъ нихъ выражаетъ особую идею. Но часто эта идея возникаетъ въ глубинѣ души совершенно безсознательно, овладѣваетъ художникомъ съ патологическою силою, такъ что онъ не можетъ не творить [1]). Эту истину хорошо выразилъ одинъ поэтъ: **Фантазія.**

„И не разъ я навѣки клялся замолчать,
Чтобъ съ толпою въ забвеніи слиться.
Но эолова арфа должна зазвучать,
Если вихрь по струнамъ ея мчится“ и т. д...

Существуютъ примѣры того, какъ поэту другіе объясняли глубокій смыслъ его произведеній. Во время вдохновенія творческія сочетанія образовъ для воплощенія въ нихъ идеи обыкновенно совершаются безъ отчетливаго сознанія. Гёте говоритъ о „страданіяхъ Вертера“: такъ какъ я написалъ эту книгу, точно лунатикъ, почти безсознательно, то самъ удивился, прочтя ее. Съ другой стороны, разумѣя въ отношеніи къ фантазіи подъ моти-

[1]) Психологія Снегирева, 215, 217 стр. Евгеній Бобровъ, Искусство и нравственность. Вопросы фил. и психологіи. 1893 г., V, 15; С. Корсаковъ. Къ психологіи микроцефаловъ. Вопросы фил. и псих. 1894 г., II, 196 стр.

вами темныя, общія или невыяснившіяся стремленія, мы не только не отличимъ ея отъ воображенія, но и смѣшаемъ съ нимъ. Всякое созданіе воображенія, какъ бы оно ни казалось иногда безцѣльнымъ, всегда въ своемъ происхожденіи обусловливается какими-либо ясно или неясно сознаваемыми побужденіями.

Поэтому болѣе вѣрнымъ является опредѣленіе фантазіи, какъ высшей степени воображенія. Участіе фантазіи, понимаемой въ этомъ смыслѣ, необходимо предполагается въ ученомъ и художественномъ творчествѣ. И ученый, и художникъ часто создаютъ сближенія, сочетанія, до того не согласныя съ общепринятыми или данными въ непосредственномъ опытѣ, что происхожденіе этихъ сближеній и сочетаній становится понятнымъ только съ допущеніемъ здѣсь участія сильнаго воображенія или фантазіи. Но наравнѣ съ учеными и художниками фантазіей обладаютъ и фантазеры (какъ видно уже изъ самаго названія), дѣти и дикари: воображеніе, почти не сдерживаемое, не умѣряемое разсудкомъ и волей, проявляется у нихъ съ особенною силою. Если фантазія есть не особая способность, а лишь высшая степень воображенія, то, очевидно, въ своей дѣятельности она пользуется тѣми же пріемами отвлеченія, видоизмѣненія и комбинированія, какіе употребляетъ вообще воображеніе.

Качества воображенія, его достоинства и недостатки.

§ 55. Воображеніе не у всѣхъ людей одинаково; у различныхъ людей оно можетъ имѣть свои достоинства и свои недостатки; можетъ различаться по своему напряженію и силѣ, по размѣрамъ дѣятельности и по ея результатамъ.

Въ отношеніи напряженія воображеніе бываетъ живое и вялое или слабое. Первое легко и скоро возбуждается къ построенію образовъ и не скоро утомляется. Таково, напр., воображеніе дѣтей и поэтовъ. Воображеніе въ высшей степени живое называется пламеннымъ; оно по самому малому поводу начинаетъ свою работу и создаетъ образы до того живые, что воображающее ихъ лицо

увлекается ими до смѣшенія съ дѣйствительными предметами. Вялое воображеніе нуждается въ сильныхъ мотивахъ для своего возбужденія къ дѣятельности. Оно даетъ блѣдные образы и скоро утомляется. Такимъ воображеніемъ отличаются, напр., многіе старики и люди флегматическаго темперамента.

По размѣрамъ дѣятельности или по степени производительности различаютъ плодовитое воображеніе и скудное. Подъ плодовитостью въ данномъ случаѣ разумѣется неистощимость средствъ къ построенію новыхъ представленій и ихъ комбинацій. Плодовитый ученый богатъ на гипотезы и аналогіи, плодовитый поэтъ богатъ на художественныя формы для выраженія въ нихъ многоразличныхъ явленій и т. д. Скудость воображенія состоитъ или въ томъ, что въ немъ скоро изсякаетъ источникъ творчества (давши нѣсколько выдающихся музыкальныхъ пьесъ, композиторъ неспособенъ создать новыя и, какъ говорятъ, „повторяется"), или въ томъ, что оно вообще безсильно само по себѣ создать новые образы и потому за помощью въ этомъ обращается къ разсудку,—такъ бываетъ у поэтовъ, лишенныхъ поэтическаго дара, у поэтовъ по ремеслу, а не по призванію.

По достоинству своихъ произведеній воображеніе бываетъ самобытнымъ или подражательнымъ, возвышеннымъ или низменнымъ. Самобытное или оригинальное воображеніе даетъ образы, ни у кого не позаимствованные. Оно производитъ въ искусствѣ новые типы, въ наукѣ—открытія и новые методы. Подражательное воображеніе ничего оригинальнаго создать не можетъ; оно нуждается въ примѣрѣ, слѣдуетъ чужому направленію. Возвышенное воображеніе изображаетъ все не въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, но въ лучшемъ,—какъ оно должно быть. Низменное воображеніе обращено болѣе къ реальному, чѣмъ къ идеальному, иногда и строя картины будущаго, оно рисуетъ это будущее, какъ развитіе и удовлетвореніе грубыхъ чувственныхъ и вообще эгоистическихъ стремленій человѣка.

Вліяніе воображенія на дѣятельность прочихъ душевныхъ силъ.

§ 56. Способность воображенія оказываетъ вліяніе на всѣ духовныя силы, на всю душевную жизнь, начиная отъ болѣе простыхъ ея формъ и оканчивая самыми сложными и высокими.

Воображеніе можетъ усилить и даже измѣнить тонъ ощущенія; такъ, кушанье теряетъ для насъ свой вкусъ, если вообразить, что оно нечисто изготовлено. Воображеніе нерѣдко участвуетъ въ процессѣ воспріятія, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ видитъ въ наблюдаемомъ предметѣ черты, ему несвойственныя, но которыя желательно или пріятно видѣть въ немъ наблюдателю. Представленія — спеціальная область для дѣятельности воображенія; объ этомъ говорилось раньше (§ 52). Нельзя отрицать значеніе воображенія для мышленія. Оно облегчаетъ пониманіе и усвоеніе отвлеченныхъ понятій и мыслей, подставляя къ нимъ конкретные образы. Явленіе, никогда нами опытно не познанное, можетъ сильно запечатлѣться въ памяти, если мы, на основаніи описанія другими, съ достаточною живостью представимъ его себѣ. Воображеніе часто помогаетъ разсудку въ исканіи и нахожденіи истины. Безъ воображенія врачъ не могъ бы читать въ тѣлѣ больного, натуралистъ не выносилъ бы изъ своихъ наблюденій цѣльныхъ, полныхъ понятій о предметахъ, историкъ былъ бы неспособенъ возсоздать душу давно жившаго дѣятеля и т. д. Оно строитъ гипотезы, чрезъ которыя обыкновенно проходитъ научная мысль прежде, чѣмъ ей удается своими средствами осилить тайну, скрывающую отъ насъ пониманіе того или иного явленія. Если Ньютонъ, какъ говоритъ Тиндаль, перешагнулъ пространство, отдѣляющее паденіе яблока отъ хода планеты, то это было только чуднымъ полетомъ воображенія. Конечно, воображеніе нерѣдко вмѣсто пользы приноситъ вредъ наукѣ, особенно когда оно не сдерживается въ должныхъ границахъ, не умѣряется разсудкомъ. Оно можетъ внушать ошибочные взгляды, располагать къ признанію за безспорную истину фантастическихъ построеній.

Не менѣе сильно вліяетъ воображеніе на область чувствованій или сердечной жизни. Вызываемые имъ образы, такъ или иначе воздѣйствуя на нашу душу, способны возбуждать разнообразныя волненія. „Оно удлиняетъ наше счастье, давая возможность вкушать его задолго до его наступленія; оно облегчаетъ наше горе, рисуя мрачными красками еще худшія бѣдствія, которыя насъ миновали. Но нерѣдко оно и преувеличиваетъ нашъ страхъ, обостряетъ чувство обиды“ [1]). Воображеніе обусловливаетъ возможность приблизительнаго пониманія и испытанія никогда не испытанныхъ нами чувствованій, напр., чужого горя и радости, — перенесенія волненій даже на неодушевленную природу („Лѣсъ“ Кольцова).

Вліяніе воображенія на способность желаній или жизнь практическую обнаруживается въ томъ, что его образами вызываются и питаются разныя высокія и низкія стремленія, иногда разнимаясь даже до степени страсти. Воображеніемъ разжигаются, напр., — половое влеченіе, корыстолюбіе, честолюбіе; оно приводитъ къ различнымъ видамъ донъ-кихотства; оно же побуждаетъ человѣка къ совершенію дѣйствій, имѣющихъ высокую нравственную цѣну.

Вліяніе воображенія на органическую жизнь.

§ 57. Воображеніе вліяетъ и на тѣлесную жизнь человѣка. Образы воображенія могутъ раздражать не только чувствительные, но и двигательные нервы и тѣмъ вызывать какъ ощущенія, такъ и движенія. Живое представленіе лакомаго блюда нерѣдко возбуждаетъ чувство пріятнаго вкуса, сопровождаемое выдѣленіемъ слюны. Щекотливый человѣкъ, которому грозятъ пощекотать и который видитъ, какъ къ нему приближается рука, воображаетъ съ такою силою близкое ощущеніе, что съ нимъ дѣлаются судороги, тѣ самыя, какія вызвало бы дѣйствительное ощущеніе. Многіе люди, когда имъ приходится подвергаться хирургическимъ операціямъ, заранѣе чувствуютъ боль, которая должна слѣдовать за пер-

---

[1]) В. Шербюлье. Искусство и природа, 65—66 стр.

вымъ надрѣзомъ, потѣютъ и блѣднѣютъ при одной этой мысли иногда такъ же сильно, какъ подъ пилою или ножемъ. Бываетъ, что живое представленіе болѣзни порождаетъ дѣйствительную болѣзнь. Часто вслѣдствіе одной мнительности относительно желудочнаго страданія являются всѣ признаки послѣдняго. Воображаемый параличъ можетъ привести къ настоящему параличу. Примѣрами такого вліянія воображенія на развитіе тѣлесныхъ болѣзней особенно богаты эпохи эпидемій, напр., холеры. Наоборотъ, одно представленіе, что извѣстныя средства помогаютъ противъ болѣзни, иногда излечиваетъ болѣзнь при принятіи этихъ средствъ, хотя бы они сами по себѣ и не обладали цѣлебнымъ свойствомъ. Существуетъ разсказъ объ одномъ докторѣ, который, узнавъ о сложившемся въ его мѣстности среди народа повѣрьи объ излечимости лихорадки посредствомъ принятія во внутрь паутины, задумалъ испытать это средство. Порція паутины, данная имъ больному, не знавшему, что это паутина, не прекратила лихорадки. Когда же докторъ, увѣривъ больного, что ему предлагается паутина, далъ ему иное вещество, то приступы лихорадки прекратились. Въ подобномъ вліяніи воображенія на состояніе организма слѣдуетъ видѣть объясненіе того факта, что вновь появляющіеся медикаменты, обладающіе сначала общепризнанной цѣлебною силою, часто теряютъ ее по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

3. Способность мышленія (разсудокъ).

Познавательная способность, на первыхъ ступеняхъ своего развитія проявляющаяся пассивно, при непремѣнномъ участіи внѣшнихъ условій въ ощущеніяхъ и отчасти активно въ представленіяхъ,—высшее, болѣе совершенное свое выраженіе, какъ способность самостоятельнаго познанія объективнаго бытія, находитъ въ процессахъ мы-

шленія. Способность мышленія называется разсудкомъ или умомъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Отличіе мышленія отъ ассоціаціи представленій и отношеніе къ послѣднимъ.

§ 58. Процессъ мышленія не то же, что теченіе представленій. По справедливому замѣчанію Аристотеля, можно преднамѣренно создать какую-либо комбинацію представленій, безъ всякой увѣренности въ соотвѣтствіи ея дѣйствительности. Мало того, иногда мы непроизвольно представляемъ что-нибудь, какъ дѣйствительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаемъ, что это только дѣло нашей фантазіи. Такъ, представляя солнце небольшимъ плоскимъ кругомъ, мы въ то же время твердо убѣждены въ томъ, что оно громадный круглый шаръ. Уже здѣсь дано ясное различеніе процесса представленія и мышленія. Отчего же происходитъ такое различеніе, какова его психическая подкладка?

1) Подобно способности представленія и разсудокъ въ своей дѣятельности слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ. Но законы, управляющіе ассоціаціей представленій, не сознаются нами; въ сознаніи отражается только результатъ ассоціаціи; законы эти не могутъ быть нарушаемы. Они дѣйствуютъ какъ бы съ механическою необходимостью. Притомъ здѣсь неважна степень сходства и различія: нерѣдко образы существенно различные, но имѣющіе поразительное, хотя и случайное, сходство въ какомъ-либо одномъ отношеніи, вступаютъ въ комбинацію. Разсудокъ сознаетъ законы, управляющіе его дѣятельностью. Онъ не слѣдуетъ логическимъ законамъ съ неизбѣжною необходимостью; можетъ нарушать, не соблюдать ихъ намѣренно и еще болѣе ненамѣренно. Связь по внутреннему сходству играетъ здѣсь преимущественную роль. Соединить въ мышленіи существенно различное или разъединить существенно сходное — было бы логическою погрѣшностью.

2) Работа разсудка всегда и необходимо предполагаетъ участіе въ ней воли. Простая смѣна представленій въ насъ совершается непрерывно, но мыслимъ мы лишь

тогда, когда намѣренно ставимъ себѣ какую-либо задачу, чисто теоретическую или практическую.

3) Въ мышленіи хотя выводы могутъ быть конкретными, тѣмъ не менѣе они не вызываются непосредственно другими конкретными образами, какъ это бываетъ при цѣпи представленій, связанныхъ простой ассоціаціей. Эти выводы связаны съ предшествующими конкретными образами при помощи общихъ признаковъ, отчетливо выдѣляемыхъ нами изъ опыта и подвергаемыхъ особому анализу.

Процессы вызова одного конкретнаго представленія при посредствѣ другого только репродуктивны, а мышленіе, въ строгомъ смыслѣ, продуктивно. Грубый эмпирикъ ничего не въ состояніи вывести изъ данныхъ, съ которыми у него нѣтъ общихъ элементовъ ассоціаціи и практическое значеніе которыхъ имъ не испытано. Мыслитель же, наоборотъ, придя въ столкновеніе съ конкретными данными, которыхъ онъ никогда раньше не видѣлъ и о которыхъ ничего не слышалъ, спустя немного времени, если способность ума у него дѣйствительно велика, съумѣетъ изъ этихъ данныхъ сдѣлать такіе выводы, которые совершенно загладятъ его незнакомство съ данной чувственной областью [1]).

Различіе между теченіемъ представленій и мышленіемъ не доходитъ до полной противоположности между ними. Свои операціи разсудокъ производитъ, кромѣ понятій, также и надъ воспріятіями и представленіями. Механическое сцѣпленіе послѣднихъ онъ нерѣдко принимаетъ, находя его согласнымъ съ логическими законами.

Формы дѣятельности разсудка.

§ 59. Разсудочная дѣятельность обнаруживается въ формѣ понятій, сужденій и умозаключеній.

Понятіе есть мысль о существенныхъ признакахъ предмета одного или нѣсколькихъ. Оно образуется путемъ сравненія, отвлеченія и обобщенія. Посредствомъ

---

[1]) Джемсъ. Психологія.

сравненія разсудокъ находитъ неизмѣнные и случайные признаки одного предмета или черты сходства и различія нѣсколькихъ. Посредствомъ отвлеченія изъ представленій объ одной и той же вещи при неодинаковыхъ условіяхъ выдѣляются случайные, измѣнчивые признаки, изъ иредставленій о постоянныхъ свойствахъ нѣсколькихъ вещей выдѣляются частныя несущественныя ихъ свойства. Наконецъ, иосредствомъ обобщенія соединяются неизмѣнные признаки одной вещи и получается единичное понятіе, соединяются общіе существенные признаки сходныхъ вещей и образуется ионятіе общее. Въ попятіи должно различать двѣ стороны: число входящихъ въ него призиаковъ, или содержаніе, и число объектовъ, обладающихъ этими признаками, или объемъ. Понятія могутъ обнимать различное количество предметовъ и заключать въ себѣ различное число признаковъ. Сравнимъ въ отношеніи — сиерва объема, а потомъ содержанія — понятія: золото, металлъ, элементъ. Обыкновенно, чѣмъ меньше содержаніе, тѣмъ больше объемъ, и наоборотъ. Содержаніе понятія „позвоночное животное“ меньше, чѣмъ понятій „птица“, „рыба“ и т. д. Такая взаимная зависимость содержанія и объема объясняется способомъ образованія понятій. Чѣмъ, напр., болѣе общее понятіе нужно получить, тѣмъ больше вычитается различій и тѣмъ меньше удерживается сходныхъ признаковъ изъ содержанія менѣе общихъ понятій.

Представленія и понятія относятся или къ отдѣльнымъ предметамъ, или къ ихъ совокупности, но въ томъ и другомъ случаѣ они изолированы другъ отъ друга. Между тѣмъ, въ реальномъ мірѣ нѣтъ ничего изолированнаго, отрывочнаго: здѣсь все находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Природа разсудка не соотвѣтствовала бы устройству міра, если бы не существовали умственныя формы для выраженія отношенія единичныхъ элементовъ и явленій міра. Такіи формы присущи разсудку, это—сужденіе и умозаключеніе.

Познавательный процессъ, совершающійся въ душѣ,

когда она ставитъ въ соотношеніе два понятія, называется сужденіемъ. Логика подъ сужденіемъ разумѣетъ не весь этотъ процессъ, а только заключительный его актъ, принимающій словесную форму предложенія. Особенность сужденія по сравненію съ понятіемъ состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ послѣднемъ происходитъ сліяніе сходнаго, въ первомъ, при сочетаніи сходнаго до тождества, сохраняется сознаніе различія. Одно изъ понятій, образующихъ сужденіе, бываетъ частью, стороною или дѣйствіемъ того, что содержится въ другомъ. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ разложеніе, раздѣльное подчеркиваніе тѣхъ элементовъ, которые въ понятіи даны въ неразрывномъ единствѣ.

Посредствомъ умозаключенія изъ одного, двухъ или нѣсколькихъ данныхъ сужденій выводится новое, непосредственно не данное. Путемъ умозаключенія открываются новые выводы или обосновываются положенія старыя, не имѣющія непосредственной очевидности.

Два главные вида умозаключенія: индукція и дедукція. Индукція восходитъ отъ частныхъ истинъ къ истинамъ общимъ, отъ фактовъ къ закону; дедукція, напротивъ, отъ общихъ истинъ переходитъ къ частнымъ, отъ принципа—къ слѣдствію. Крестьянинъ пользуется индукціею, когда, замѣтивъ нѣсколько разъ, что съ наступленіемъ новой фазы луны часто бываетъ перемѣна погоды, дѣлаетъ заключеніе, что и всегда съ наступленіемъ новой фазы луны можно надѣяться на перемѣну погоды. Къ индукціи преимущественно прибѣгаютъ въ наукахъ, гдѣ главную роль играетъ наблюденіе и опытъ. Какъ показалъ анализъ, вода ключевая, рѣчная, морская заключаетъ въ себѣ растворенныя въ ней вещества. Поэтому утверждаютъ, что вообще въ природѣ нѣтъ химически чистой воды. Мы совершаемъ дедуктивныя умозаключенія, когда прилагаемъ къ чему-нибудь наши готовыя знанія, хотя бы при этомъ процессъ мысли совсѣмъ не выражался въ видѣ предложеній. Напр., я вхожу въ комнату, вижу книгу и начинаю читать. Мнѣ

нужно сдѣлать замѣтку какую-нибудь; я смотрю вокругъ, вижу портфель, открываю его, беру листъ бумаги и перо и пишу. Все это время я дѣйствую на основаніи нѣкоторыхъ умозаключеній, которыя можно представить въ формѣ силлогизмовъ. На основаніи своего прежняго опыта я знаю, что то, что лежитъ предо мною, есть книга, что въ портфелѣ должна быть бумага и т. д. Къ дедукціи прибѣгаютъ въ наукахъ отвлеченныхъ и точныхъ. Разъ даны аксіомы и опредѣленія—отыскиваются слѣдствія изъ нихъ. Изъ опредѣленія треугольника и круга выводятъ, опираясь на ту или иную аксіому, рядъ теоремъ.

Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся формы разсудочной дѣятельности? Въ какой послѣдовательности онѣ образуются? Повидимому, сужденіе предполагаетъ уже готовымъ понятія, а умозаключеніе—сужденія. Въ сужденіи связываются два понятія, въ умозаключеніи изъ одного или нѣсколькихъ данныхъ сужденій выводится новое. Поэтому, съ точки зрѣнія формальной логики такое рѣшеніе поставленнаго вопроса, быть можетъ, и находитъ для себя оправданіе. Но съ точки зрѣнія психологіи (которая преимущественное вниманіе должна обращать на ненаучное мышленіе) оно по крайней мѣрѣ страдаетъ односторонностью. Психологъ имѣетъ такое же, если не большее, право защищать противоположный взглядъ, т.-е. что сужденіе образуется раньше понятія, а умозаключеніе раньше сужденія. Ребенокъ не можетъ получить понятія „тяжелый“ безъ предварительнаго сравненія тяжелыхъ предметовъ и подразумѣваемаго утвержденія, что они сходны въ отношеніи этого качества. Въ построеніи же болѣе сложныхъ понятій, напр., „желѣзо“, онъ связываетъ множество свойствъ, каковы: вѣсъ, твердость, цвѣтъ. Подобно тому, если не во всѣхъ, то въ большей части нашихъ сужденій присутствуетъ элементъ умозаключенія. Такъ, въ простомъ актѣ узнаванія предмета разсудокъ обыкновенно выходитъ за предѣлы дѣйствительно наблюдаемаго въ данную минуту. Говоря: „это—кремень“, я подразумѣваю утвержденіе, что онъ твердъ, что изъ него можно

высѣчь огонь и т. д. Ингредіентъ умозаключенія становится несравненно замѣтнѣе въ нѣкоторыхъ сложныхъ процессахъ сужденія, напр., въ сужденіяхъ о подлинности монеты или картины.

Въ виду всего сказаннаго, лучше признать, что какъ между понятіями и сужденіями, такъ и между сужденіями и умозаключеніями существуетъ взаимная зависимость.

Законы дѣятельности разсудка.

§ 60. Основныхъ логическихъ законовъ дѣятельности разсудка—четыре: тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія.

По закону тождества каждое понятіе, каждая мысль есть то, что она есть; А есть А. Въ умозаключеніи—всѣ люди смертны; Иванъ—человѣкъ, слѣдов., онъ смертенъ—каждое понятіе остается тождественнымъ самому себѣ. Этотъ принципъ находитъ свое приложеніе не въ однихъ только случаяхъ безусловнаго тождества. Тождество можетъ быть между частью одного понятія и частью другого. Говоря S есть P, я утверждаю, что признакъ P въ извѣстной части его объема тождественъ съ понятіемъ S, поскольку послѣднее разсматривается со стороны именно этого признака.

По закону противорѣчія одну и ту же мысль нельзя принимать и вмѣстѣ отвергать. Изъ двухъ сужденій—положительнаго и отрицательнаго,—относящихся къ одному и тому же объекту съ одними и тѣми же свойствами, одно непремѣнно ложно. А не есть не А; А есть В и А не есть В исключаютъ другъ друга. Противорѣчіе бываетъ не только явнымъ, когда признакъ ясно приписывается и отрицается у одного и того же объекта, но и сокрытымъ, внутреннимъ (contradictio in adjecto), когда только или приписывается, или отрицается признакъ, если онъ противорѣчитъ содержанію даннаго понятія (растеніе имѣетъ сознаніе). Законъ противорѣчія отличенъ отъ закона тождества и служитъ его восполненіемъ. Законъ тождества требуетъ, чтобы понятіе, сколько бы разъ и при какихъ условіяхъ оно ни мыслилось нами, всегда оставалось тождественнымъ себѣ, но онъ ничего не го-

воритъ о томъ, что въ этомъ понятіи не должно быть противорѣчія, на что указывается именно принципомъ противорѣчія.

По закону исключеннаго третьяго мысль можетъ быть или истинной или ложной; средняго между принятіемъ ея и непріятіемъ нѣтъ; иначе можно или признавать признакъ у объекта, или его отрицать, но сверхъ признанія и отрицанія ничего нѣтъ третьяго. А есть или В или не В. Если же мы не находимъ возможнымъ ни принять, ни отвергнуть извѣстное положеніе, то значитъ оно не установлено съ надлежащею точностью. Законъ исключеннаго третьяго отличенъ отъ закона противорѣчія. Послѣдній указываетъ на одну лишь несовмѣстимость противорѣчащихъ понятій и требуетъ не соединять ихъ въ одно понятіе или сужденіе, но сдѣлать между ними выборъ. Первый же говоритъ, что для каждаго понятія бываетъ только одно противорѣчащее съ нимъ и что, при несовмѣстимости противорѣчащихъ понятій можно дѣлать выборъ только изъ двухъ (Введенскій).

По закону достаточнаго основанія всякое утвержденіе и отрицаніе должно быть надлежаще обосновано; должно опираться на вполнѣ достаточныя основанія. Такія основанія заключаются или въ непосредственной очевидности признаваемой нами мысли (напр., факты непосредственнаго внутренняго опыта, апріорныя истины), или же въ очевидности другой мысли, съ которой данная стоитъ въ необходимой связи.

Логическіе законы разсудочной дѣятельности суть законы первичные, не сводимые одинъ на другой. Въ каждомъ актѣ мышленія они дѣйствуютъ всѣ четыре. Возьмемъ умозаключеніе: ртуть—жидкость, а жидкости—упруги, слѣдов., и ртуть упруга. Законъ тождества заставляетъ насъ во всѣхъ сужденіяхъ признать понятіе ртути тождественнымъ съ самимъ собою; законъ исключеннаго третьяго вынуждаетъ насъ приписать ртути только или упругость или неупругость; а законъ противорѣчія требуетъ приписать ртути упругость, коль скоро послѣдняя уже при-

писана всѣмъ жидкостямъ; наконецъ, достаточнымъ основаніемъ къ признанію ртути жидкостью и жидкостей упругими служатъ показанія внѣшняго опыта.

Ходъ мышленія, прежде всего, опредѣляется логическими законами. Но изъ однихъ этихъ законовъ нельзя дать полнаго изъясненія процесса мышленія, подобно тому, какъ изъ однихъ законовъ ассоціаціи идей нельзя дать полнаго изъясненія процесса воспоминанія (§ 48). Должно принять во вниманіе зависимость разсудочной дѣятельности отъ чувствованій и роли, а также и другихъ способностей души.

Условія образованія разсудка.

§ 61. Разсудокъ развивается постепенно. Его образованіе, начавшись въ дѣтствѣ, можетъ не прекращаться даже въ глубокой старости. Оно находится въ зависимости отъ многоразличныхъ условій, совершается при вліяніи на мышленіе внѣшнихъ чувствъ, памяти, воспоминанія, воображенія, фантазіи, воли, чувствованій и разума [1]).

Внѣшнія чувства, способность представленія, въ тѣсномъ смыслѣ, и воображеніе доставляютъ матеріалъ для мышленія. Очевидно, воспріятія и представленія должны быть сформированы съ надлежащимъ совершенствомъ— для правильнаго образованія разсудка. Изъ неясныхъ, невѣрныхъ воспріятій и представленій нельзя образовать отчетливыхъ и истинныхъ понятій. Память и воспоминаніе не только сохраняютъ и накопляютъ матеріалъ для разсудочной работы, но и сохраняютъ и воспроизводятъ ея результаты. Отсюда человѣкъ съ слабой памятью или забывчивый рѣдко приходитъ къ яснымъ понятіямъ, правильнымъ сужденіямъ и умозаключеніямъ, потому что его память не въ состояніи ни въ точности сохранить, ни въ надлежащее время пробудить представленія для ихъ осмотра, обсужденія и связыванія.

---

[1]) Что же касается наблюденія, которое въ иныхъ руководствахъ по психологіи выставляется также, какъ условіе образованія разсудка, то оно, собственно, есть особый пріемъ мышленія, видъ разсудочной дѣятельности, а не ея условіе, аналогичное, напримѣръ, памяти или волѣ (см. любой учебникъ логики).

Если внѣшнія чувства: память, воспоминаніе и воображеніе важны, какъ источники матеріала для процесса мышленія, то воля и чувства имѣютъ значеніе по тому вліянію, которое оказываютъ на самый ходъ этого процесса. Всякій по собственному опыту знаетъ, какъ часто порядокъ теченія мыслей, даже ихъ содержаніе, обусловливается господствующимъ чувствомъ. Разсердившись на слугу, мы готовы отослать его, изъ представившихся намъ фактовъ дѣлая неправильный, пристрастный выводъ о его неблагонадежности. Процессы мышленія требуютъ всегда участія воли. Воля начинаетъ и прекращаетъ эти процессы. Она ограждаетъ ихъ отъ вредныхъ постороннихъ вліяній и сосредоточиваетъ вниманіе на томъ, что прямо относится къ дѣлу.

Къ сказанному прибавимъ, что громадное вліяніе на разсудокъ оказываетъ еще разумъ съ его идеею истины (см. § 68) и даръ слова (см. § 65).

Особенныя качества разсудка и его недостатки.

§ 62. Важнѣйшія совершенства ума—остроуміе, проницательность и глубокомысліе.

Остроуміемъ называется качество разсудка, которое обнаруживается въ способности быстро и безъ особыхъ усилій открывать сходство между предметами самыми противоположными или различіе между предметами почти тождественными. Мышленіе остроумнаго поражаетъ своею оригинальностью, и въ то же время отличается игривостью, поверхностностью, имѣя цѣлью своею скорѣе забаву, чѣмъ знаніе. Составляя особенность разсудка, остроуміе вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливается и живою дѣятельностью воображенія; кто не имѣетъ живого воображенія, тотъ не можетъ быть остроумнымъ.

Острота ума, направляемаго къ серьезнымъ цѣлямъ, извѣстна подъ именемъ проницательности. Самое тонкое, самое отдаленное сходство или различіе, недоступное для обыкновеннаго разсудка, проницательному дается такъ же легко, какъ и остроумному. Проницательность въ жизнь вноситъ разсчетливость, въ науку—точность.

Еще болѣе важное совершенства ума—глубокомысліе.

Если проницательность сообщаетъ знаніямъ точность, то глубокомысліе даетъ имъ основательность и осмысленность, восходя къ послѣднимъ причинамъ и цѣлямъ вещей и явленій. Проницательнымъ можно быть, не имѣя большого запаса знаній и не любя умственнаго труда. Но чтобы быть глубокомысленнымъ, необходимо располагать обширными познаніями и быть въ состояніи подолгу сосредоточиваться на одномъ и томъ же вопросѣ.

Главнѣйшіе недостатки мыслительной способности слѣдующіе: противоположная остроумію глупость, противоположная проницательность, тупость и поверхностность или пустота ума, противоположная глубокомыслію. Глупость и особенно тупость объясняются природной слабостью разсудка; поверхностность же чаще всего бываетъ слѣдствіемъ неправильнаго образованія.

ЯЗЫКЪ.

Близкое отношеніе къ дѣятельности разсудка имѣетъ языкъ, нерѣдко называемый „орудіемъ мышленія". Подъ языкомъ въ обширномъ смыслѣ разумѣются всѣ способы какъ невольнаго внѣшняго выраженія, такъ и намѣреннаго сообщенія о своихъ внутреннихъ состояніяхъ другимъ.

Низшіе способы выраженія психической жизни; тѣлодвиженія и нечленораздѣльные звуки.

§ ~~63.~~ Низшимъ, самымъ простымъ, общимъ человѣку съ животными, способомъ выраженія психической жизни служатъ — тѣлодвиженія (мимика) и нечленораздѣльные звуки.

Естественную мимику [1]) составляютъ тѣлодвиженія, производимыя нами, вслѣдствіе сокращенія мускуловъ подъ вліяніемъ душевныхъ процессовъ. Связь между фактами сознанія и ихъ мимическимъ выраженіемъ не установлена человѣкомъ. Единственный нашъ наставникъ при образованіи мимическаго языка — наша природа. Отсюда эта связь постоянна и неизмѣнна. Извѣстное внѣшнее движеніе всегда и для всѣхъ служитъ выраженіемъ одного и того же психическаго явленія. Отсюда же мимика одинаково понятна и для малаго ребенка и для взрослаго

[1]) Отъ естественной мимики необходимо различать мимику искусственную: она состоитъ изъ условныхъ движеній, намѣренно употребляемыхъ преимущественно для обозначенія представленій. Таковы въ особенности движенія руки и пальцевъ.

мужа; она употребляется всѣми народами въ одномъ и томъ же значеніи. Ученики Берлинской школы для глухонѣмыхъ могли объясняться съ эскимосами, привезенными въ Берлинъ (Пэтри). Мимическія движенія первоначально бываютъ безсознательными и безотчетными; потомъ, мало-по-малу, по мѣрѣ своего развитія, человѣкъ многія изъ нихъ подчиняетъ своей волѣ. Онъ то не стѣсняется проявлять во внѣ свое внутреннее состояніе, то, наоборотъ, старается его замаскировать. Но сильныя душевныя волненія только у энергичныхъ натуръ слушаются велѣнія воли, у обыкновенныхъ же людей они всегда прорываются наружу.

Одни состоянія души обнаруживаются въ движеніи мышцъ, спеціальныхъ для каждаго изъ нихъ; другія — обнаруживаются въ движеніи однихъ и тѣхъ же мускуловъ, но въ движеніи, получающемъ особую форму, сообразно переживаемому факту. Даже поверхностный наблюдатель не можетъ смѣшать насмѣшливаго выраженія глазъ съ презрительнымъ, а тѣмъ болѣе съ выраженіемъ радости, горя и обиды.

Близко къ мимикѣ по своему происхожденію и характеру стоятъ нечленораздѣльные звуки: вздохъ, стонъ, крикъ. Они тоже имѣютъ своимъ основаніемъ тѣсную связь между извѣстнымъ душевнымъ состояніемъ и движеніемъ мускуловъ (именно мускуловъ, управляющихъ голосовыми органами) и первоначально отличаются непроизвольностью. Нечленораздѣльные звуки получаютъ значеніе выразителей душевной жизни, благодаря тону. Только тонъ даетъ намъ возможность догадываться о чувствѣ, вызывающемъ восклицаніе у человѣка, чуждаго намъ по языку. Отнимите у восклицанія „ахъ“ тонъ, указывающій на его отношеніе къ чувству удивленія, радости и т. д., и оно лишится всякаго смысла. Среди простонародія нерѣдко можно услышать діалогъ, который ведется почти исключительно при помощи восклицаній, выражающихъ попеременно: одобреніе, ужасъ, недовѣріе, изумленіе, отвращеніе, состраданіе и тому подобныя чувства.

Словесный языкъ; постепенное его образованіе въ человѣкѣ.

§ 64. Физіологическимъ условіемъ языка служитъ присутствіе въ организмѣ человѣка особаго голосового аппарата, способнаго производить членораздѣльные звуки. Но для того, чтобы научить говорить, недостаточно обладать органомъ рѣчи. У многихъ породъ обезьянъ устройство этого органа не менѣе совершенно, чѣмъ у людей, однако онѣ не выработали членораздѣльныхъ звуковъ. потому что имъ „нéчего говорить". Ихъ внутренняя жизнь ограничивается одними ощущеніями и чувственными влеченіями, для выраженія которыхъ достаточно мимическихъ движеній и нечленораздѣльныхъ звуковъ. Образованіе языка зависитъ не только отъ физіологическаго условія, но еще болѣе и отъ психическаго. Этимъ психическимъ условіемъ является вся сумма душевныхъ силъ человѣка — его умъ, сердце и воля. По мѣрѣ того, какъ развиваются душевныя силы человѣка, раскрывается и присущій ему даръ слова [1]).

---

[1]) Всѣ взгляды, высказанные относительно происхожденія языка въ человѣческомъ родѣ, сводятся къ четыремъ: по одному—первые люди по прямой передачѣ получили отъ Своего Творца вполнѣ готовый языкъ (Гаманнъ); по другому — слова суть искусственные знаки, намѣренно изобрѣтенные людьми, значеніе которыхъ установлено по общему согласію (Тидеманъ, А. Смитъ, Локкъ), по третьему — человѣкъ научился говорить, подражая внѣшнимъ звукамъ (Тайлоръ). Наконецъ, по послѣднему мнѣнію, человѣку присуща способность говорить точно такъ же, какъ и всякому тѣлу (напр., колоколу, стеклу) свойственно издавать опредѣленный звукъ (Максъ Мюллеръ, Штейнталь).

Подробное изложеніе и разборъ приведенныхъ мнѣній заняли бы слишкомъ много времени, да притомъ это — задача антропологіи. Мы замѣтимъ только, что всѣ они страдаютъ односторонностью, и что вообще наука не располагаетъ (и едва ли будетъ когда располагать) достаточными данными для правильнаго и самостоятельнаго рѣшенія вопроса о началѣ человѣческой рѣчи.

Нужно ограничиваться тѣмъ рѣшеніемъ этого вопроса, какое можно сдѣлать на основаніи Библіи. Богъ создалъ человѣка совершеннымъ, вложилъ въ него душу разумную и свободную, надѣлилъ его и даромъ слова. Какъ всѣ психическія силы перваго человѣка, такъ равно и даръ слова постепенно раскрывались, развивались.

Образованіе первыхъ артикулярныхъ звуковъ относится ко второму мѣсяцу жизни дитяти. Сначала оно пытается произносить гласные (а, у, о), а потомъ присоединяетъ къ нимъ согласные, раньше другихъ „б, п, м, д". Чѣмъ дальше, тѣмъ звуки становятся разнообразнѣе, въ то же время обнаруживается склонность къ ихъ повторенію. Такъ получаются первыя слова. Эти слова отличаются большой своеобразностью и еще не составляютъ языка, въ строгомъ смыслѣ. Они всего чаще вырываются изъ груди невольно, вслѣдствіе возбужденія двигательныхъ нервовъ голосового аппарата, подъ вліяніемъ различныхъ внутреннихъ состояній, сильно оттѣненныхъ элементомъ удовольствія или неудовольствія. Если же иногда ребенокъ съ умысломъ воспроизводитъ ихъ, то воспроизводитъ при всякомъ случаѣ, безъ намѣ-

---

Только развитіе это у первыхъ людей съ неповрежденной природою шло чрезвычайно быстро. Потомъ человѣкъ палъ, помрачилъ разумъ, извратилъ сердце и волю, поэтому и рѣчь его, естественно, подверглась порчѣ. Чѣмъ на низшую степень духовнаго развитія снизошелъ тотъ или иной народъ, тѣмъ бѣднѣе и грубѣе сталъ его языкъ.

Изученіе вопроса о развитіи языка у отдѣльныхъ народовъ привело ученыхъ къ болѣе однообразнымъ и болѣе вѣрнымъ результатамъ, чѣмъ изученіе вопроса о самомъ происхожденіи языка. Въ настоящее время въ наукѣ господствуетъ взглядъ Макса Мюллера, по которому языкъ, постепенно развиваясь, можетъ послѣдовательно проходить три ступени. На первой ступени каждое слово бываетъ корнемъ и каждый корень — словомъ; этотъ періодъ, когда каждый корень сохраняетъ самостоятельность, Мюллеръ называетъ радикальнымъ—корневымъ; таковъ древне-китайскій языкъ. На слѣдующей ступени два корня соединяются въ одно слово; одинъ изъ нихъ въ такомъ случаѣ получаетъ перевѣсъ, а другой становится только окончаніемъ; этотъ періодъ обыкновенно называется терминаціоннымъ или агглютинативнымъ. Тутъ, повидимому, обѣ составныя части слова все же еще сами по себѣ могутъ вызывать самостоятельныя представленія. На третьей ступени, представляемой арійскими и семитическими языками, и называемой флексіональной стадіей, корни срастаются до такой степени, что только ученые лингвинисты въ состояніи ихъ разложить (М. Мюллеръ. Наука о мысли, 1892 г., II т.л.).

ренія сообщить что-нибудь, а только ради пріятнаго чувства, сопровождающаго дѣятельность голосового органа.

Начиная со второго года жизни, выразительные звуки постепенно превращаются въ звуки рѣчи, благодаря быстрому развитію интеллектуальной области душевной жизни, невыразимой вполнѣ никакой мимикой, и волевой, изъ которой исходятъ побужденія къ сознательному употребленію словъ. Большое значеніе теперь получаетъ вліяніе на ребенка разговора окружающихъ лицъ: „Ребенокъ подражаетъ взрослому, а взрослый ребенку. Обыкновенно сначала подражаетъ взрослый: онъ воспроизводитъ артикулярные звуки, издаваемые ребенкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ имъ опредѣленное значеніе, чему много способствуетъ поясненіе ихъ жестами. Только послѣ того, какъ дитя научится посредствомъ сознательнаго подражанія употреблять подобныя слова въ опредѣленномъ смыслѣ, оно начинаетъ подражать и другимъ словамъ рѣчи взрослаго“ [1]), часто ихъ сокращая и замѣняя въ нихъ трудные для выговора звуки легкими (вмѣсто к—т, вмѣсто р—л) [2]). Такимъ путемъ связь между словомъ и соотвѣтствующимъ ему явленіемъ все болѣе крѣпнетъ, дѣлается постоянной и неизмѣнной; въ то же время дѣтскій языкъ мало-по-малу теряетъ свой индивидуальный характеръ, ассимилируясь съ языкомъ общеупотребительнымъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ нашей рѣчи сознательность и намѣренность не идетъ далѣе наблюденія надъ способомъ, какимъ произносятся нами слова. Отъ насъ зависитъ произнести звукъ или нѣтъ. Но когда мы его произносимъ, въ нашемъ сознаніи есть только образъ требуемаго звука и связанное съ нимъ смутное воспоминаніе о томъ состояніи общаго чувства, которое

---

[1]) Вундтъ. Очеркъ Психологіи, 341 стр.

[2]) Изъ того, что ребенокъ долженъ учиться языку, вовсе не слѣдуетъ, что природное расположеніе не играетъ никакой роли. Безъ природнаго расположенія было бы невозможно столь изумительно быстрое образованіе языка у ребенка.

сопровождало движенія органовъ, нужныя для осуществленія этой цѣли [1]).

Значеніе языка для мышленія и преимущество его предъ другими способами выраженія психическаго содержанія.

§ 65. Происхожденіе языка предполагаетъ образованіе въ душѣ человѣка воспріятій и представленій, его развитіе обусловливается развитіемъ какъ всей вообще душевной жизни, такъ особенно мышленія. Но въ то же время и способность познанія находится въ большой зависимости отъ языка. Уже запоминаніе и воспроизведеніе чувственныхъ образовъ, а тѣмъ болѣе представленій невозможно безъ слова. Но особенно большія услуги языкъ оказываетъ дѣятельности разсудка.

Несомнѣнно, мы можемъ мыслить и не облекая своей мысли въ слова, и она, какъ чисто психическій процессъ, будетъ имѣть свою опредѣленность, свои очертанія; но мы не можемъ уловить ее, дать въ ней отчетъ ни себѣ, ни тѣмъ болѣе другимъ. Пока понятіе не соединено съ именемъ, пока сужденіе не получило словесной формы предложенія, до тѣхъ поръ они не поддаются никакому анализу и негодны для выводовъ. Только благодаря слову, эти психическіе объекты становятся объектами логическаго мышленія.

Языкъ сокращаетъ работу для разсудка. Всякій отвлеченный терминъ и даже всякое вообще слово есть въ сущности не что иное, какъ знакъ или символъ для цѣлаго рода предметовъ или ихъ признаковъ. Когда я говорю: „человѣкъ имѣетъ двѣ руки", то слово „человѣкъ" замѣнило для меня цѣлый рядъ признаковъ, принадлежащихъ существамъ этого рода. Очевидно, если бы мы не имѣли дара рѣчи, наше мышленіе было бы чрезвычайно затруднительно: тогда вмѣсто слова мы должны были бы представлять всѣ признаки даннаго предмета.

Мысли прошлыхъ временъ и народовъ сохранены для насъ въ языкѣ. Наша логическая работа въ большинствѣ случаевъ производится въ основѣ работы, сдѣланной раньше. Но и поколѣнія настоящаго времени въ умствен-

---

[1]) Потебня. Мысль и языкъ. 83 стр.

номъ развитіи идутъ еще дальше и, выражая результаты своего научнаго труда въ формахъ слова, вносятъ въ сокровищницу языка свои вклады для будущихъ поколѣній. Такъ изъ рода въ родъ происходитъ передача умственныхъ пріобрѣтеній.

Служа органомъ мышленія, языкъ вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ лучшее средство для внѣшняго выраженія всего вообще психическаго содержанія, вполнѣ не замѣнимое никакою мимикою. Членораздѣльные звуки съ такой быстротой слѣдуютъ одинъ за другимъ, что въ самое короткое время можно воспринять ихъ очень много и узнать многое: тѣлодвиженія выразительныя лишены этого достоинства.

Мы слышимъ и различаемъ слова, независимо отъ того, въ какомъ направленіи они идутъ къ намъ, безъ особеннаго напряженнаго вниманія, одинаково и при свѣтѣ, и въ темнотѣ: всѣ другія обнаруженія психической жизни подчинены съ этой стороны извѣстнымъ условіямъ, затрудняющимъ пользованіе ими: надобно обратиться къ предмету, чтобы его видѣть и внимательно разсмотрѣть, чтобы не опустить какихъ-либо чертъ.

Наконецъ, при помощи слова то прямо, то говоря образно, можно выразить всякое душевное явленіе съ его разнообразными оттѣнками. Мимика неспособна передать тонкіе и быстрые переливы чувствованій, варіаціи въ смѣнѣ желаній и особенно сложные процессы мысли. Поэтому-то толкованіе игры величайшихъ артистовъ, при всей ея тонкости и совершенствѣ, все-таки бываетъ весьма разнообразно и противорѣчиво въ подробностяхъ [1]).

Недостатки мимическаго языка можно видѣть изъ наблюденій надъ глухонѣмыми; мясо и ѣду они обозначаютъ, показывая на свое тѣло, красный цвѣтъ—прикасаясь къ губамъ. Они могутъ выразить, какъ именно производится какая-либо вещь (какъ строить стѣну, вы-

---

[1]) Гротъ. Основанія экспер. психологіи. Вопросы философіи и психологіи, XXX, стр. 581.

кравать платье и т. д.), но не могутъ выразить общаго представленія о производствѣ.

4. Способность созерцанія (разумъ).

Воспріятія и представленія служатъ матеріаломъ для дѣятельности разсудка: разсудокъ образуетъ изъ нихъ понятія, сужденія и умозаключенія. Но способности ощущенія, представленія и разсудка не обнимаютъ всей полноты нашихъ познавательныхъ силъ. Человѣкъ имѣетъ еще одну познавательную силу—разумъ,—которой принадлежитъ направленіе психической жизни сообразно съ духовною человѣческою природою.

Понятіе о разумѣ. Отличіе разума отъ разсудка. Происхожденіе идей. Постепенное ихъ раскрытіе.

§ 66. Содержаніе разума составляютъ идеи. По своему существу идеи суть стремленія къ безконечному, именно—къ Богу, абсолютной истинѣ, добру и красотѣ. Онѣ проникаютъ всѣ психическія силы человѣка, направляютъ ихъ дѣятельность къ образованію и развитію высшихъ сторонъ жизни его, какъ существа, созданнаго по образу Божію и имѣющаго своимъ конечнымъ удѣломъ—Богоподобіе.

Форма дѣятельности разума—созерцаніе: онъ непосредственно воспринимаетъ предметы своихъ стремленій, созерцаетъ идеи, какъ цѣльные образы. Такимъ образомъ, разумъ можетъ быть опредѣленъ, какъ душевная способность, проявляющаяся въ созерцаніи идей.

Разумъ нельзя отождествлять съ разсудкомъ. Форма дѣятельности и содержаніе иныя у разсудка и иныя у разума. Дѣятельность разсудка выражается въ томъ, что онъ путемъ сравненія, отвлеченія и обобщенія представленій и ихъ элементовъ образуетъ понятія, изъ понятій составляетъ сужденія, а изъ послѣднихъ—умозаключенія. Значитъ, отличительная особенность дѣятельности разсудка состоитъ въ переходѣ отъ одного акта къ другому, отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному.

Разумъ имѣетъ другую форму дѣятельности,—онъ не сравниваетъ признаковъ идей, не комбинируетъ и абстрагируетъ ихъ, не переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому, но сразу воспринимаетъ идею, какъ цѣлое, какъ образъ. Далѣе разсудокъ, говоря строго, не имѣетъ собственнаго содержанія, не располагаетъ своимъ матеріаломъ для производства надъ нимъ своихъ операцій. Матеріаломъ для него служатъ представленія, получающіяся изъ ощущеній, и идеи разума.

Разумъ не почерпаетъ, подобно разсудку, своего содержанія или идей со стороны. Источникомъ идей не можетъ быть чувственный опытъ. Ощущенія знакомятъ насъ съ міромъ случайнымъ, условнымъ, конечнымъ и измѣнчивымъ, тогда какъ идеи суть стремленія къ безконечному, безусловному. Не создаются идеи и воображеніемъ,—оно ничего новаго не творитъ, а только по законамъ ассоціацій переработываетъ данный матеріалъ. Кромѣ того, вымыслы воображенія сопровождаются обыкновенно сознаніемъ ихъ произвольности, идеи же соединяются съ сердечнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинности. Наконецъ, происхожденіе идей не можетъ быть изъясняемо изъ отправленій разсудка. Два главныхъ пріема разсудочной работы—анализъ и синтезъ. Но ни анализъ, ни синтезъ не создаетъ, а только сличаетъ, разлагаетъ и соединяетъ элементы уже данныхъ представленій и понятій. Поэтому неудивительно, что люди, руководствующіеся въ своей дѣятельности только разсудкомъ и развившіе его чрезмѣрно, въ ущербъ другимъ способностямъ, особенно разуму, не слышатъ въ себѣ голоса послѣдняго и не замѣчаютъ безусловнаго и тамъ, гдѣ оно открывается, такъ сказать, довольно осязательно. Остается допустить, что идеи прирождены человѣку, что онъ имѣетъ разумъ или способность созерцанія идей.

Идеи прирождены не въ видѣ готовыхъ понятій и сужденій, а въ видѣ неясныхъ созерцаній—стремленій, способныхъ потомъ, по мѣрѣ духовнаго развитія каждой личности, постепенно выясняться и раскрываться, благо-

даря внѣшнему опыту, изъ котораго они получаютъ для себя чувственную оболочку и при помощи разсудка, сообщающаго имъ форму логическихъ понятій и сужденій. Какъ говоритъ Лейбницъ, „несомнѣнно, нельзя считать въ душѣ вѣчныхъ идей разума безъ поясненій, безъ труда и страданій, но ихъ можно открывать въ себѣ силой вниманія, съ помощью данныхъ, доставляемыхъ чувствами. Идеи разума врождены, какъ влеченія и предрасположенія, какъ скрытыя жилы, которыя обозначаютъ какую-либо фигуру въ глыбѣ мрамора". Такъ какъ у различныхъ людей и внѣшній опытъ и степень умственнаго развитія различны, то, хотя идеи присущи всѣмъ людямъ, не всякій имѣетъ одинаковое понятіе о нихъ.

Основныхъ идей признается четыре: Бога, истиннаго, добраго и прекраснаго. Послѣднія три идеи соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ способностямъ человѣка и управляютъ ими. Именно: идея истины соотвѣтствуетъ способности познанія, идея добра — способности желаній, идея красоты — чувствованія. Первая идея даетъ человѣку возможность отличать правдоподобное отъ неправдоподобнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго, вѣрное отъ невѣрнаго. Она направляетъ умъ человѣка къ исканію абсолютной истины, къ достиженію совершеннаго знанія не только объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ явленій, но и о всемъ мірѣ какъ цѣломъ, къ открытію его первопричины. Идея добра побуждаетъ человѣка стремиться къ осуществленію въ своей практической дѣятельности требованій долга и къ установленію гармоніи между своимъ нравственнымъ достоинствомъ и внѣшнимъ благополучіемъ; она проявляется въ трехъ видахъ, какъ идея долга, права, счастья. Идея красоты есть основа для наслажденія прекрасными явленіями природы и искусства и для созданія эстетическихъ художественныхъ образовъ. Всѣ эти идеи объединяются въ идеѣ Бога, который есть безусловная Истина, абсолютное Совершенство, безконечная красота.

§ 67. Идеи оказываютъ вліяніе на всѣ области психической жизни, а особенно на способность представленія, на разсудокъ и на практическую дѣятельность.

Вліяніе идей на способность представленія, въ частности фантазію (творчество, изящныя искусства).

Когда воображеніе, подъ вліяніемъ идей разума создаетъ свой особый міръ, не довольствуясь міромъ дѣйствительнымъ, то такая дѣятельность его называется творчествомъ. Творчество не состоитъ въ простой копировкѣ дѣйствительныхъ конкретныхъ фактовъ, но оно не должно и противорѣчить имъ. Творчество создаетъ только то, что возможно логически, психологически, физически по ходу событій въ данное время.

Въ творчествѣ принимаютъ участіе всѣ способности души: способность ощущенія подмѣчаетъ, какъ выражаются на опытѣ тѣ или другія свойства, входящія въ понятіе о совершенствѣ, въ какихъ звукахъ, краскахъ, линіяхъ, позахъ, обстановкѣ и т. п. Память предлагаетъ богатый запасъ тончайшихъ оттѣнковъ для выраженія тѣхъ или другихъ свойствъ совершеннѣйшаго образца (напр., черты лица, костюма, позы, обстановки, линіи, цвѣта, свѣтъ, тѣни, звуки). Разсудокъ составляетъ понятіе о совершенствѣ, соединяя въ одно цѣлое черты, которыми отмѣчаются предметы совершенные отъ несовершенныхъ. Но особенно важное значеніе здѣсь имѣютъ разумъ и фантазія. Разумъ вноситъ въ него содержаніе, даетъ мысль (идею); фантазія создаетъ для мысли образъ, облекаетъ идею чувственною формою.

Взаимное отношеніе между составными частями произведеній творчества—идеею и выражающимъ ее чувственнымъ образомъ или формой—бываетъ двухъ родовъ. Во-первыхъ, идея и чувственный образъ могутъ соединяться между собою, продолжая въ то же время жить—та и другая сторона—своею особливою жизнью и сохраняя свои естественныя свойства и качества. Такъ, левъ, служа для насъ символомъ величія и лиса—хитрости, въ то же время имѣютъ и сохраняютъ свои естественныя свойства. Во-вторыхъ, идея и образъ могутъ соединяться между собою такъ, что составляютъ одно цѣлое,

въ которомъ совершенно сливаются; ихъ самостоятельность какъ бы уничтожается: чувственный образъ не мыслится безъ идеи, равно какъ идея—безъ образа. Отсюда различаютъ два вида творчества: 1) творчество символическое или символику и 2) творчество художественное.

Наглядная форма символическихъ произведеній можетъ и не имѣть художественнаго совершенства. Отъ нея требуется только одно, чтобы она соотвѣтствовала своему содержанію и была понятна тѣмъ, для кого она назначается. Изящество формы, если оно есть, имѣетъ второстепенное значеніе. Символически—творческая дѣятельность духа обнаруживается у человѣка уже въ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ играетъ съ вещами, какъ съ живыми существами, превращаетъ ихъ изъ одной въ другую, замѣняя дѣйствительность игрою своего воображенія или представляя вещи символами своихъ душевныхъ движеній.

„Въ символахъ люди выражаютъ самыя разнообразныя идеи—юридическія, нравственныя, религіозныя и др. Такъ, корона и скипетръ означаютъ власть, вѣсы и повязка—правосудіе, лавръ—славу, дубъ—силу. Символы имѣютъ большое значеніе и въ религіозной жизни. При помощи ихъ народы выражали и выражаютъ свои понятія о Божествѣ, объ отношеніяхъ его къ міру и человѣку и о прочихъ сверхчувственныхъ силахъ".

Представленія о Богѣ, образующіяся помимо сверхъестественнаго откровенія, бываютъ различной степени достоинства, соотвѣтственно тому, на какой ступени духовнаго развитія находится человѣкъ. На первой ступени развитія самосознанія (развитіе самосознанія можетъ служить показателемъ вообще духовнаго развитія) человѣкъ не отличаетъ себя существенно отъ предметовъ внѣшняго міра; поэтому и Божество онъ отождествляетъ съ силами и явленіями матеріальной природы (натурализмъ). На второй ступени развитія самосознанія человѣкъ, отличая свое „я" отъ собственнаго тѣла, естественно, ставитъ себя выше предметовъ матеріальнаго міра; поэтому и Божество онъ

представляетъ въ образахъ, заимствованныхъ изъ природы человѣческой (антропоморфизмъ). Наконецъ, доступенъ самой высшей ступени развитія самосознанія, человѣкъ, отличая себя отъ переживаемыхъ имъ внутреннихъ состояній, представляетъ Божество Безконечнымъ, личнымъ Духомъ (деизмъ).

Въ художественныхъ произведеніяхъ идеи разума выражаютъ въ формахъ прекрасныхъ или изящныхъ, доставляющихъ эстетическое наслажденіе. Достоинство этихъ произведеній опредѣляется степенью соотвѣтствія формы идеѣ и гармоніей элементовъ первой.

„Воплощеніе идей въ прекрасной формѣ называется искусствомъ. Если разсматривать отдѣльныя искусства сообразно употребляемымъ матеріаламъ для такого выраженія идей, то увидимъ, что архитектура и изображательныя (пластическія) искусства пользуются матеріальными элементами, подлежащими зрѣнію и осязанію, напр., красками, камнемъ, деревомъ, металломъ; музыка же и поэзія звуками, т.-е. элементами, подлежащими слуху—звуками и словами. Одни изъ искусствъ дѣйствуютъ формами, находящимися въ покоѣ, другія—посредствомъ движенія. Главныя искусства слѣдующія: а) архитектура или искусство строить зданія; б) скульптура—искусство лѣпить изъ глины, выливать изъ металла, вырѣзывать изъ кости и дерева бюсты, статуи и пр.; в) живопись—искусство изображать чрезъ извѣстное сочетаніе цвѣтовъ видимые предметы, явленія природы и самого человѣка въ его разныхъ положеніяхъ и душевныхъ состояніяхъ; г) музыка—искусство выражать при помощи звуковъ различныя душевныя состоянія и явленія природы; д) поэзія—искусство воплощать ту или другую (мысль) идею въ сочетаніи словъ“ [1]).

---

[1]) Искусство имѣетъ большое значеніе для человѣка. Мало того, что его созданія возбуждаютъ въ душѣ особыя волненія, доставляютъ высокое наслажденіе красотою, они еще благотворно вліяютъ на умъ, чувство вообще и волю. Останавливая свое вниманіе на художественныхъ твореніяхъ, гдѣ яркими чертами изображаются явленія жизни,

Если разсматривать отдѣльныя искусства со стороны матеріала, употребляемаго ими, то замѣтимъ, что для архитектуры, скульптуры и живописи такимъ матеріаломъ служатъ элементы, подлежащіе зрѣнію и осязанію: камень, дерево, металлъ и краски, для музыки же и поэзіи—элементы, подлежащіе слуху, именно звуки. Отсюда дѣленіе искусства на два класса—пластическія и тоническія.

Вліяніе разума на разсудокъ.

§ 68. Разумъ оказываетъ вліяніе и на разсудокъ. Человѣкъ не ограничивается наблюденіемъ того, что непосредственно даетъ ему внѣшній и внутренній опытъ, не довольствуется изученіемъ явленій, которыя находятся въ томъ или иномъ отношеніи къ его жизнедѣятельности. Побуждаемый идеей истины, онъ силится постигнуть самую сущность явленій, ихъ причину и слѣдствія, раздвигаетъ область познаваемаго все шире и шире; такъ, при помощи телескопа его взоръ проникаетъ въ безконечно-далекія небесныя пространства. Отсюда возникновеніе различныхъ наукъ, отсюда также и постепенное развитіе этихъ наукъ, не исключая даже естественныхъ. Вѣдь изслѣдователь до изслѣдованія не можетъ предугадать значеніе для жизни результатовъ своей работы, не можетъ руководиться въ ней узкой практической тенденціей. Большинство открытій не было бы сдѣлано, если бы ученые не имѣли въ виду „истины ради истины".

Благодаря стремленію къ истинѣ безконечной, люди не удовлетворяются познаніями отдѣльныхъ родовъ вещей и классовъ явленій. Они задаются вопросами о мірѣ

мы тѣмъ доставляемъ богатую пищу своему воображенію и расширяемъ нашъ умственный кругозоръ. Произведенія искусства возбуждаютъ у насъ чувствованія, пережитыя ихъ творцами и, такимъ образомъ, развиваютъ жизнь сердца. Частнѣе, многія изъ этихъ произведеній внушаютъ состраданіе къ страждущему, сочувствіе благородной радости, восхищеніе высокимъ и дѣлаютъ насъ добрѣе. Наконецъ, увлекая насъ своей гармоніей, правдой въ изображеніи дѣйствительности, величіемъ создаваемыхъ идеаловъ, творенія искусства побуждаютъ насъ не только любить, но и стремиться къ порядку, правдѣ, добру, ко всему благородному и высокому.

какъ цѣломъ, о его началѣ и концѣ, о смыслѣ своей жизни, о Перво-причинѣ всякаго бытія или Міро-правителѣ и т. д. и такъ или иначе рѣшаютъ ихъ. Такъ возникаютъ различныя философскія системы. Ошибочно считать философію принадлежностью однихъ мыслителей или только людей образованныхъ. Всякій человѣкъ, на какой бы ступени духовнаго развитія онъ ни находился, имѣетъ свою философію, свои взгляды на указанные и имъ подобные вопросы.

Вліяніе идей на практическую дѣятельность человѣка.

§ 69. Изъ идеи добра проистекаетъ стремленіе къ осуществленію въ жизни всего нравственно-прекраснаго. Въ силу этого стремленія человѣкъ отличаетъ доброе отъ злого, нравственное отъ безнравственнаго; въ силу его онъ не только уклоняется отъ пороковъ, но и не останавливается, достигнувъ извѣстной степени нравственнаго совершенства, а старается достигнуть еще бо̀льшаго. Побуждаемый этимъ же стремленіемъ къ добру, человѣкъ не удовлетворяется существующимъ порядкомъ вещей, создаетъ идеальный, строитъ нравственные и общественные идеалы. Въ нравственныхъ идеалахъ мы имѣемъ образцы совершеннѣйшей личности, которая въ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчается, а служитъ только типомъ извѣстной профессіи, сословія, цѣлаго народа. Таковы—идеальный образъ крестьянина, купца, педагога, служителя церкви и т. д. Въ идеалахъ общественныхъ мы видимъ образцы совершеннѣйшаго устройства политическаго, соціальнаго или экономическаго быта, тоже нигдѣ реально не осуществленные. Выразителями нравственныхъ и отчасти общественныхъ идеаловъ являются всевозможныя гражданскія законодательства.

Высшія творческія силы—геній и талантъ.

§ 70. Творчество свойственно всякому. Его найдемъ мы въ безобразныхъ, на нашъ взглядъ, украшеніяхъ дикаря, въ громадныхъ постройкахъ древняго востока, въ безсвязной пѣснѣ чухонца и даже въ лубочныхъ суздальскихъ картинкахъ. Но высшая степень творчества присуща лишь немногимъ—геніямъ и талантамъ.

Геній не пріобрѣтается, благодаря воспитанію и обра-

зованію. Часто попадаются люди, духовное развитіе которыхъ не встрѣчаетъ вовнѣ никакихъ препятствій, которые имѣютъ при томъ большую склонность къ чему-либо, упорно трудятся въ этомъ направленіи, даже обладаютъ талантомъ и вѣрнымъ вкусомъ и которые, тѣмъ не менѣе, ничего геніальнаго не производятъ.

Геніальность—способность врожденная. Она состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи основныхъ психическихъ силъ; многообъемлющій и высокій умъ, живое и пылкое воображеніе, необыкновенный жаръ чувства, непобѣдимая энергія воли—всегда замѣчались и замѣчаются у геніальныхъ личностей. Нельзя сказать, чтобы всѣ способности даны были генію въ одинаковой степени. Одна изъ нихъ по своей силѣ выдѣляется, возвышается надъ остальными, послѣднія же слабѣе первой, хотя всегда выше посредственности. Этимъ, однако, не только не нарушается гармонія въ сочетаніи способностей, но еще поддерживается. Сильнѣйшая изъ нихъ, являясь господствующей среди остальныхъ, подчиняетъ ихъ себѣ, сообщаетъ имъ свое направленіе и располагаетъ ими, какъ орудіями или средствами при проявленіи своемъ вовнѣ, въ дѣятельности. Отсюда объясняется, почему геній способенъ проявлять и дѣйствительно проявляетъ свое творчество только въ опредѣленной области. Отсюда геній въ наукахъ, геній въ искусствахъ, геній политическій, геній военный.

Геніальность, какъ мы замѣтили выше, не пріобрѣтается, однако геній не долженъ быть предоставленъ самому себѣ; ему нужно постепенно развиваться, обогащаться свѣдѣніями, совершенствоваться. Предоставленный самому себѣ, не удерживаемый строгими законами, онъ обыкновенно уклоняется отъ правильнаго пути, доходитъ до крайности, до созданія однихъ уродливыхъ и безобразныхъ явленій. Въ примѣръ можно привести много историческихъ личностей — геніальныхъ, но дѣйствовавшихъ вредно и разрушительно, вслѣдствіе своей необразованности или неправильнаго образованія (Чингизъ-ханъ, Филиппъ II).

Оригинальность мыслей и дѣйствій составляетъ отличительную черту генія. Геній видитъ больше и лучше, а главное, иначе, чѣмъ обыкновенные люди. Онъ открываетъ новыя явленія, производитъ эпоху въ наукѣ, искусствѣ или жизни, сообщаетъ имъ новое направленіе. Возьмемъ, напр., художника, изучившаго свое искусство и обладающаго безукоризненною техникою. Никто не назоветъ его геніемъ, если онъ будетъ рисовать такъ, какъ рисовали до него, не внося никакихъ нововведеній ни въ колоритѣ, ни въ выборѣ сюжета, ни въ расположеніи персонажей, ни въ освѣщеніи. Безъ новизны нѣтъ генія! Самостоятельность, самобытность генія простирается до того, что его не стѣсняютъ ни время, ни мѣсто, ни обстоятельства. Геніальныя произведенія, какъ не подходящія подъ понятія и правила, усвоенныя большинствомъ, часто кажутся сначала дикими, странными или непонятными. Какъ выражается Дж. Сёлли, „пренебреженіе и насмѣшка — таковъ, въ большинствѣ случаевъ, пріемъ, ожидающій пророка въ его отечествѣ“ [1]). Только мало-по-малу современники начинаютъ понимать генія и оцѣнивать его по достоинству; тогда его дѣла становятся предметомъ подражанія.

Въ отношеніи способностей талантъ существенно похожъ на генія; всѣ способности, которыми надѣленъ геній, присутствуютъ и въ талантѣ, притомъ и въ послѣднемъ онѣ находятся въ такомъ же взаимномъ отношеніи, какъ въ первомъ. Талантъ въ большинствѣ случаевъ не пріобрѣтается путемъ развитія, а бываетъ даромъ природы. Науки, трудъ и благопріятныя обстоятельства служатъ только необходимыми средствами для его правильнаго обнаруженія и усовершенствованія. Различіе здѣсь заключается въ томъ лишь, что способности генія даны таланту въ гораздо меньшей мѣрѣ. Болѣе рѣзко бросается въ глаза различіе таланта отъ генія, со

---

[1]) Дж. Сёлли. Геніальность и помѣшательство. 1895 г., стр. 38.

стороны ихъ обнаруженія вовнѣ, въ дѣятельности. Тогда какъ геній въ своемъ творчествѣ бываетъ оригинальнымъ, самобытнымъ, изобрѣтательнымъ, талантъ проявляется, какъ сила преимущественно подражательная. Онъ слѣдуетъ по пути, проложенному геніемъ, изъясняетъ дѣла генія, примѣняетъ его открытія и т. д.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Способность чувствованія.

Ощущенія и представленія, понятія и сужденія, влеченія и желанія сознаются не съ объективнымъ спокойствіемъ, не равнодушно и безстрастно. На одни изъ нихъ душа отвѣчаетъ удовольствіемъ, на другія неудовольствіемъ. Они возбуждаютъ въ душѣ то надежду, то любовь, то ненависть, то радость, то печаль и т. п. Надежда, сомнѣніе, любовь, ненависть, радость, печаль и другія многочисленныя и разнообразныя пріятныя и непріятныя состоянія души, наукой, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, со временъ Канта и по его примѣру [1]) выдѣляются изъ содержанія психической жизни, какъ особая ея область. Эти состоянія носятъ общее названіе чувствованій, волненій, эмоцій, сердечной жизни. Послѣднее названіе усвояется имъ въ виду того, что каждое изъ нихъ, даже самое смутное и слабое, прежде всего и болѣе всего отражается на дѣятельности сердца: сердце вибрируетъ всегда, хотя и различнымъ образомъ.

§ 71. По аналогіи съ ощущеніемъ чувствованіе можетъ быть опредѣлено, какъ воспріятіе душою впечатлѣній, производимыхъ на нее ея собственными состоя- **Понятіе о чувствованіи. Происхожденіе чувствованія.**

[1]) Наука признаетъ чувствованія особой областью душевной жизни по примѣру Канта, но не по его почину. Попытки выдвинуть чувствованія, какъ самостоятельный классъ психическихъ явленій мы находимъ у ученыхъ, жившихъ до Канта, напр., Вильяма, Флеминга, Абихта и друг.

ніями [1]). Содержаніе нашего сознанія постоянно мѣняется: одно явленіе уступаетъ свое мѣсто другому, а то опять иному и т. д. Каждое изъ переживаемыхъ нами явленій особымъ образомъ волнуетъ нашу душу. Это внутреннее волненіе и есть чувствованіе [2]).

Чѣмъ обусловливается происхожденіе чувствованій? Явственнѣе всего въ сознаніи выступаетъ зависимость чувствованій отъ ощущеній, представленій, мыслей, словомъ—интеллектуальныхъ процессовъ. Обыкновенно красный цвѣтъ дѣйствуетъ на душу возбуждающе, а голубой—успокаивающе. Слишкомъ громкій звукъ непріятенъ. Ощущенія сладкаго бываютъ пріятны. Внезапный приходъ гостя или неожиданное полученіе денежной награды радуетъ человѣка. Научное положеніе, недостаточно обоснованное, вызываетъ сомнѣніе.

Какъ, повидимому, ни велика зависимость жизни сердечной отъ интеллектуальной, однако, тщательное и всестороннее научное изслѣдованіе вопроса о происхожденіи чувствованій приводитъ къ заключенію, что они, возбуждаясь въ душѣ тѣми или иными явленіями познанія, возникаютъ лишь благодаря тому, что послѣднія стано-

---

[1]) Снегиревъ. Психологія, 402 стр.

[2]) Бываютъ ли въ жизни человѣка такіе моменты, когда онъ не испытываетъ никакого душевнаго волненія, говоря иначе, существуютъ ли безразличныя психическія состоянія? По взгляду нѣкоторыхъ психологовъ, напр. Вундта, такія состоянія допустимы. Между самой высшей степенью удовольствія и неудовольствія должна лежать средняя, нейтральная область, свободная отъ всякихъ чувствованій. Если смотрѣть на дѣло теоретически, то, пожалуй, можно предположить, что на линіи, идущей отъ самаго сильнаго удовольствія къ самому невыносимому страданію, должна быть точка, лежащая на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ концовъ и означающая безразличное состояніе. Но теоретическое допущеніе такой нейтральной точки не находитъ для себя фактическаго подтвержденія. Тщательное самонаблюденіе и въ состояніяхъ, повидимому, безразличныхъ открываетъ слабыя колебанія пріятнаго или непріятнаго чувствованія, обыкновенно не замѣчаемаго благодаря тому, что въ такихъ состояніяхъ преобладаютъ интеллектуальные или волевые акты (ср. § 16-го конецъ).

вятся въ извѣстное отношеніе къ тѣлеснымъ или душевнымъ потребностямъ, къ стремленіямъ научнымъ, эстетическимъ, нравственнымъ и религіознымъ. Человѣкъ, которому надоѣла жизнь, иначе—которому не хочется жить, не будетъ испытывать страха при видѣ на него направленнаго заряженнаго ружья. Художественная картина доставляетъ наслажденіе, удовлетворяя стремленію къ прекрасному. Я могу быть и не радъ внезапному прибытію гостя, если онъ заставилъ меня прервать важную работу, которую я желалъ поскорѣе окончить. Притомъ, не всѣ чувствованія необходимо связаны съ воспріятіями, представленіями или процессами мышленія. Нѣкоторыя изъ нихъ лишены всякаго интеллектуальнаго элемента [1]). Таково, напр., чувство недостатка, которымъ на первыхъ порахъ заявляетъ о себѣ въ сознаніи человѣка пробудившійся инстинктъ.

Хотя чувствованія въ своемъ происхожденіи обусловливаются стремленіями и очень часто процессами познанія, тѣмъ не менѣе они составляютъ столь же самостоятельную область психической жизни, какъ и другіе два класса душевныхъ явленій. Чувствованіе не связано непремѣнно съ опредѣленнымъ теоретическимъ или практическимъ отношеніемъ. У различныхъ людей и у одного и того же лица въ разное время удовольствіе и неудовольствіе возбуждается различными предметами. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидна противоположность между такими состояніями, гдѣ мысль или поступокъ до того сильно завладѣваютъ сознаніемъ, что волна чувства едва замѣтна, и такими, гдѣ сильныя чувства (аффекты) оттѣсняютъ ясное и связное мышленіе и спокойное, обдуманное дѣйствіе [2]).

Послѣдняя причина образованія чувствованій лежитъ въ душѣ. Душа, въ силу присущихъ ей способностей, не

---

[1]) Джэмсъ. Психологія, 308; Рибо. Психологія чувствъ, 11—22. Также Гефдингъ.

[2]) Гефдингъ. Оч. психологіи, 100 стр.

только познаетъ, желаетъ, но и волнуется, непосредственно чувствуетъ отношеніе къ себѣ, къ своимъ стремленіямъ переживаемыхъ ею явленій.

Элементы чувствованія.

§ 72. Психологическій анализъ различаетъ въ чувствованіи слѣдующія свойства: тонъ, качество, или содержаніе, силу или интенсивность, глубину или экстенсивность.

Тонъ — самый существенный элементъ чувствованія. Всякое душевное волненіе, прежде всего, характеризуется, какъ состояніе пріятное или непріятное, какъ удовольствіе или страданіе. Пріятными волненіями сопровождается нормальная и свободная жизнедѣятельность, непріятными—ненормальная и стѣсненная. Нужно знать, что тонъ выражаетъ мгновенное вліяніе тѣхъ или иныхъ явленій на ходъ жизни и дѣятельности человѣка. Поэтому, и удовольствіе иногда бываетъ вредно и неудовольствіе — иногда полезно. Вкусный ядъ производитъ мгновенный подъемъ въ какой-нибудь части нашего организма, и потому сразу по его пріемѣ возникаетъ пріятное вкусовое ощущеніе; послѣ же, распространившись въ организмѣ, ядъ обнаруживаетъ новыя свойства, угрожающія нашей жизни и потому причиняетъ намъ страданіе [1]).

---

[1]) Не излишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о смѣшанныхъ чувствованіяхъ. Существуютъ ли такія чувствованія? Если подъ смѣшанными чувствованіями разумѣть состоянія, которыя въ одно и то же время были бы пріятными и непріятными, то существованія смѣшанныхъ чувствованій, очевидно, нельзя допустить. Но если подъ ними разумѣть сложныя волненія, состоящія изъ чередующихся моментовъ удовольствія и неудовольствія, то понимаемыя въ этомъ смыслѣ смѣшанныя чувствованія не могутъ быть отвергаемы: они переживаются всякимъ и нерѣдко. Бываетъ, что воспринимаемый или представляемый нами объектъ имѣетъ для насъ и пріятную и непріятную сторону, и у насъ быстро смѣняется то удовольствіе неудовольствіемъ, то неудовольствіе удовольствіемъ, въ зависимости отъ того, на какую сторону объекта мы направляемъ свое вниманіе.

Сравнивая чувствованія ожиданія, любви, страха, дружбы, скуки и т. д., нетрудно замѣтить, что всѣ они, независимо отъ ихъ тона, отличаются другъ отъ друга по своему качеству или содержанію. Это свойство ихъ опредѣляется какъ характеромъ состояній, которыми они возбуждаются, такъ еще болѣе отношеніемъ этихъ состояній къ психическому складу переживающаго ихъ лица. Нерѣдко одно и то же воспріятіе или представленіе вызываетъ самыя противоположныя эмоціи у людей различнаго склада души. Качественное разнообразіе чувствованій весьма велико и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ ощущеній (см. стр. 50). Но для обозначенія чувствованій языкъ располагаетъ сравнительно малымъ числомъ спеціальныхъ названій.

Чувствованія не всегда и не всѣ проявляются съ одинаковою силою. Между едва замѣтнымъ волненіемъ и бурнымъ аффектомъ лежитъ множество промежуточныхъ степеней. Интенсивность чувствованій обусловливается: а) напряженіемъ стремленій, удовлетвореніе или неудовлетвореніе которыхъ служитъ причиною образованія чувствованія; б) силою или значительностью впечатлѣній, которыми чувствованія вызываются. Чѣмъ бо̀льшая у насъ жажда, тѣмъ пріятнѣе кажется вода. Пріобрѣтеніе бѣднякомъ пяти рублей доставляетъ ему больше удовольствія, чѣмъ пріобрѣтеніе пяти копѣекъ.

Глубина чувствованій опредѣляется количествомъ представленій и вообще душевныхъ состояній, участвующихъ въ ихъ возбужденіи. Причина глубины, очевидно, различна отъ причины интенсивности; поэтому соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ свойствомъ наблюдается не всегда. Такъ эстетическія эмоціи, отличающіяся своей глубиной, никогда не бываютъ сильными; наоборотъ, гнѣвъ, нерѣдко отличаясь поверхностнымъ характеромъ, въ то же время проявляется чрезвычайно энергично. Иногда глубина чувствованія благопріятствуетъ его интенсивности. Чѣмъ больше корней пустила въ душѣ любовь къ ро-

динѣ или дружба, тѣмъ бо́льшую силу онѣ обнаруживаютъ при исключительныхъ условіяхъ.

Отличіе чувствованія отъ ощущенія.

§ 73. И въ обыкновенномъ разговорѣ, и въ научныхъ изслѣдованіяхъ какъ психологическихъ, такъ особенно физіологическихъ чувствованія нерѣдко смѣшиваются съ ощущеніями. Между тѣмъ ощущенія и чувствованія, какъ показываетъ внимательное безпристрастное сравнительное ихъ изученіе, имѣютъ свои условія происхожденія, свой спеціальный характеръ, свое особое значеніе для психической жизни; только невниманіе ко всему этому можетъ породить здѣсь путаницу.

Ощущенія въ своемъ происхожденіи всегда необходимо и непосредственно обусловливаются физическими и физіологическими процессами; чувствованія же возникаютъ по поводу внутреннихъ психическихъ явленій, напр., представленій, операцій разсудка; если же одинъ родъ чувствованій (тѣлесныя, соматическія или органическія) зависитъ отъ внѣшнихъ процессовъ, то зависитъ не прямо, а чрезъ посредство ощущеній. Правда, иногда кажется, что извѣстные чувственные предметы, напр., музыкальные звуки, художественныя картины, непосредственно производятъ душевныя волненія, но это именно только кажется, благодаря быстрому слѣдованію за ощущеніями или представленіями вызванныхъ ими волненій.

Характеристическая особенность ощущенія состоитъ въ томъ, что оно—актъ познавательный; оно сообщаетъ о присутствіи внѣшняго раздраженія, дѣйствующаго на нервы; его тонъ — лишь прибавка къ нему, а не существенный его элементъ. Многія ощущенія изъ области высшихъ чувствъ бываютъ связаны съ слабо сознаваемымъ, а иногда и вовсе не замѣчаемымъ тономъ. Чувствованія явленія чисто-субъективныя, отличительную ихъ особенность составляетъ тонъ; свидѣтельствуя о правильномъ и безпрепятственномъ или неправильномъ и стѣсненномъ ходѣ нашей жизнедѣятельности — они всегда характеризуются, какъ состоянія пріятныя или непріятныя.

Будучи познавательными актами, ощущенія имѣютъ

преимущественно теоретическое значеніе; они служатъ матеріаломъ для дѣятельности воображенія и разсудка. Чувствованія имѣютъ, главнымъ образомъ, практическое значеніе: они оказываютъ большое вліяніе на волю и поступки человѣка.

Кромѣ указанныхъ, заслуживаютъ упоминанія еще слѣдующія болѣе частныя черты различія между ощущеніями и чувствованіями, приводимыя Вундтомъ: а) крайними границами качествъ ощущеній обыкновенно являются ихъ максимальныя различія, а качествъ чувствованій— ихъ возможно бо́льшія противоположности. Высокій и низкій тоны представляютъ наибольшія различія одинаковаго направленія, но связанныя съ ними волненія представляютъ противоположности; б) чувствованія гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ ощущенія. Увеличеніе или уменьшеніе интенсивности послѣднихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ не всегда влечетъ измѣненіе качества ихъ, между тѣмъ эмоціи въ этихъ случаяхъ всегда измѣняются и качественно; в) ощущенія различныхъ чувствъ несоизмѣримы: между ихъ качествами нѣтъ постепенныхъ переходовъ. Но нѣтъ такого чувствованія, отъ котораго нельзя было бы перейти къ любому другому, чрезъ промежуточныя ступени. Эмоціи, сопровождающія высокіе тоны, сродны эмоціямъ, сопровождающимъ свѣтлые цвѣта [1]).

Чувствительность и видоизмѣненіе ея подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій.

§ 74. Чувствительностью называется отзывчивость, впечатлительность сердца къ психическимъ явленіямъ. У различныхъ людей и даже у одного и того же человѣка въ разное время чувствительность обнаруживается не съ одинаковою силою, глубиною, скоростью возбудимости и объемомъ. Она бываетъ, напр., то легко раздражимой, отзывчивой на самыя разнообразныя явленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ поверхностной и слабой, то трудно возбудимой, не ко всему впечатлительной, но глубокой и сильной, то трудно раздражимой, слабой и неглубокой.

Особенности, съ которыми проявляется чувствитель-

---

[1]) Вундтъ. Оч. психологіи, 41—45 стр.

ность у различныхъ лицъ, зависятъ отъ многихъ условій. Эти условія, прежде всего, заключаются въ прирожденныхъ людямъ свойствахъ, составляющихъ темпераментъ и полъ. Сангвиникъ отличается впечатлительностью легкой, быстрой, сильной и вмѣстѣ неглубокой; чувствительность флегматика съ трудомъ возбудима, зато глубока. Женщина, говоря вообще, чувствительнѣе мужчины: что мужчину едва трогаетъ, то женщину можетъ привести въ слезы; но сердечныя волненія перваго берутъ перевѣсъ надъ волненіями послѣдней своей глубиною. Съ переходомъ человѣка изъ одного возраста въ другой чувствительность подвергается измѣненію. Дитя и юноша обыкновенно впечатлительнѣе взрослаго, а взрослый впечатлительнѣе старика.

Чувствительность находится въ зависимости отъ психическаго развитія вообще, отъ развитія интеллектуальнаго, отъ направленія жизни сердца и дѣятельности воли. Чѣмъ болѣе душевно развитъ человѣкъ, тѣмъ болѣе расположенъ онъ переживать самыя разнообразныя волненія. Между тѣмъ какъ сфера сердечной жизни у малоразвитого ограничена узкими предѣлами непосредственныхъ личныхъ интересовъ, люди, получившіе надлежащее образованіе, отзывчивы на все, что волнуетъ цѣлое человѣчество. Ребенокъ, живо чувствующій удовольствіе отъ обладанія игрушкой или, наоборотъ,—печаль, лишившись ея, остается равнодушнымъ къ пейзажу, вслѣдствіе своей умственной ограниченности. Кто имѣетъ живое воображеніе, у того чувствительность возбуждается легко и сильно, но она не всегда бываетъ глубокой. Человѣка, привыкшаго правильно мыслить, всякое нарушеніе законовъ логики поражаетъ гораздо скорѣе и сильнѣе, чѣмъ того, который никогда не обращалъ вниманія на ходъ процесса мышленія. Физическія наслажденія, а равно и страданія, часто повторяясь, притупляютъ чувствительность къ нимъ; такое же вліяніе оказываютъ на нее и аффекты. Наоборотъ, высшія волненія (интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя и религіозныя), часто повто-

ряясь, еще усиливаютъ впечатлительность къ нимъ сердца. Страсть понижаетъ чувствительность ко всему, кромѣ предмета страсти. Скупой съ трудомъ переноситъ матеріальные убытки, мало трогаясь самымъ плачевнымъ положеніемъ ближняго.

Зависимость чувствованій отъ органической жизни тѣла.

§ 75. Физіологическіе процессы непосредственно не вызываютъ въ душѣ волненій, но они оказываютъ вліяніе на общую чувствительность сердца, на силу и продолжительность чувствованій, уже возникшихъ, наконецъ, вызывая различныя ощущенія, чрезъ ихъ посредство, они обусловливаютъ образованіе низшихъ, или физическихъ чувствованій.

Зависимость чувствительности отъ органической жизни тѣла съ особой ясностью выступаетъ при аномаліяхъ въ области этой жизни. Люди, страдающіе разстройствомъ нервовъ или разлитіемъ желчи, бываютъ очень впечатлительны, особенно къ явленіямъ для нихъ непріятнымъ; по самымъ незначительнымъ поводамъ они легко приходятъ въ аффектъ гнѣва, печали и т. п. Недоразвитіе мозга, чрезмѣрное истощеніе нервной системы соединяется съ пониженіемъ чувствительности; въ этихъ случаяхъ впечатлѣнія, которыя при нормальныхъ условіяхъ должны бы вызвать то или другое волненіе, не вызываютъ его: человѣкъ обнаруживаетъ ко всему равнодушіе и безучастіе.

Ростъ чувствованій часто находится въ зависимости отъ ихъ тѣлеснаго выраженія. Огорченіе, чувство затрудненія, страхъ, гнѣвъ, печаль, гордость и друг. имѣютъ каждое свое внѣшнее выраженіе, называемое иными ихъ естественнымъ языкомъ. Сюда относятся вмѣстѣ съ движеніями мускуловъ скелета движенія, сопровождающія дыханіе, сердцебіеніе, сокращеніе и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, расширеніе зрачка, отправленія печени, слезныхъ железъ и кишечника. Даже слабое огорченіе физіологически обнаруживается, главнымъ образомъ, сокращеніемъ глазъ и мускуловъ бровей. При неожиданномъ затрудненіи мы испытываемъ какую-то неловкость

въ горлѣ, заставляющую насъ сдѣлать глотокъ или слегка кашлянуть [1]).

Стараясь задержать органическое движеніе, связанное съ извѣстнымъ душевнымъ волненіемъ, переживаемымъ въ данный моментъ, мы можемъ если не совершенно подавить въ себѣ это волненіе, то помѣшать его дальнѣйшему развитію. На эту возможность указываетъ Кантъ, говоря, что если разсердившагося человѣка усадить, то, уже благодаря этому, гнѣвъ его уменьшится. Наоборотъ, произвольно вызывая въ себѣ внѣшнія проявленія зарождающейся эмоціи, можно тѣмъ способствовать усиленію самой эмоціи. Всякій знаетъ, до какой степени бѣгство усиливаетъ страхъ, или какъ можно увеличить свой гнѣвъ, печаль, давъ волю ихъ физическимъ обнаруженіямъ.

Такимъ образомъ, часто чувствованія задерживаются въ своемъ ростѣ и подавляются или же, наоборотъ, усиливаются и развиваются, въ зависимости отъ того, насколько бываетъ безпрепятственнымъ и свободнымъ ихъ внѣшнее выраженіе. Тѣмъ не менѣе ошибочно утверждать, что всякая эмоція въ своемъ происхожденіи необходимо обусловливается физіологическимъ возбужденіемъ организма, что мы, напр., опечалены, потому что плачемъ, пришли въ ярость, потому что бьемъ другого, боимся, потому что дрожимъ. Несостоятельность этой теоріи, впервые ясно высказанной Джэмсомъ и Ланге, видна изъ слѣдующаго: чувствованіе бываетъ очень сильнымъ и глубокимъ, хотя дѣйствіе его на организмъ очень слабо или незамѣтно, таковы чувства—эстетическія, интеллектуальныя, религіозныя и нравственныя. Нѣкоторые актеры съ удивительнымъ искусствомъ выка-

---

[1]) Джэмсъ. Психологія, 309—310 стр.—Чувствованія сопровождаются процессами не только физіологическими, но и еще болѣе глубокими химическими, происходящими въ тканяхъ и жидкостяхъ организма (Рибо). При нѣкоторыхъ аффектахъ потъ можетъ принимать различный оттѣнокъ запаха и цвѣта. Гнѣвъ, страхъ, утомленіе нерѣдко сопровождаются измѣненіями въ составѣ крови или, какъ выражается простой народъ, „портятъ кровь“.

зываютъ во время игры на сценѣ всѣ внѣшніе признаки какого-либо душевнаго волненія, не испытывая его на самомъ дѣлѣ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ, потерявшій способность плакать, не потеряетъ способности горевать, и что параличъ личного нерва, благодаря которому человѣкъ становится неспособнымъ выражать насмѣшку, гнѣвъ, радость, страданіе, не лишитъ человѣка возможности попрежнему презирать, гнѣваться, радоваться, сочувствовать.

Ощущенія производятъ на душу опредѣленное впечатлѣніе и вызываютъ въ ней пріятныя или непріятныя чувствованія. Послѣднія, будучи трудно отдѣлимы отъ ощущеній, называются ихъ тономъ. Не станемъ повторять о тонѣ того, что о немъ уже было говорено раньше (см. § 23). Здѣсь скажемъ только нѣсколько словъ о вліяніи ощущеній органическихъ или общей чувствительности на жизнь сердца.

Правильное и неправильное кровообращеніе, болѣе или менѣе обильныя отдѣленія железъ, напряженіе сосудовъ, быстрое или затруднительное дыханіе, такой или иной ходъ пищеваренія, ослабленіе или напряженіе мускуловъ — всѣ эти физіологическія явленія возбуждаютъ въ душѣ особыя ощущенія. Послѣднія обыкновенно отличаются столь темнымъ содержаніемъ и столь слабой интенсивностью, что нами не замѣчаются. Но дѣйствуя на душу всѣ одновременно, они производятъ на нее впечатлѣніе достаточно сильное для того, чтобы вызвать въ сознаніи одно сложное и вмѣстѣ цѣльное волненіе, называемое физическимъ самочувствіемъ, а еще чаще настроеніемъ. Хотя настроеніе, строго говоря, слагается изъ множества частичныхъ чувствованій, но одно изъ нихъ въ немъ преобладаетъ и сообщаетъ ему господствующій тонъ. Такое преобладаніе иногда бываетъ очень сильно, иногда же до того незначительно, что только сосредоточеніе вниманія на собственномъ субъективномъ состояніи открываетъ это господствующее частичное чувствованіе [1]).

[1]) Вундтъ. Очеркъ психологіи, 192 стр.

Раздѣленіе чувствованій.

По условіямъ своего образованія чувствованія дѣлятся на два класса. Одни чувствованія возникаютъ вслѣдствіе такого или иного соотношенія представленій и желаній, независимо отъ ихъ содержанія; другія въ своемъ происхожденіи обусловливаются самымъ содержаніемъ представленій и желаній. Первыя называются относительными или формальными: къ нимъ принадлежатъ: ожиданіе съ его различными видами, чувство перемѣны, неожиданности и т. д. Послѣднія называются предметными [1]).

А) Формальныя чувствованія.

Ожиданіе и его различные виды.

§ 76. Чувство ожиданія вызывается мыслью о событіи, имѣющемъ произойти въ недалекомъ будущемъ, пріятномъ или непріятномъ, но, во всякомъ случаѣ, насъ интересующемъ и потому останавливающемъ на себѣ наше вниманіе. Ближайшая причина ожиданія заключается въ томъ, что рядъ представленій проходитъ скорѣе, чѣмъ рядъ соотвѣтствующихъ имъ внѣшнихъ явленій; болѣе же внутренняя причина скрывается въ томъ стремленіи души, благодаря которому ходъ представленій совершается въ ней скорѣе естественнаго теченія явленій.

[1]) „Сравнимъ", пишетъ Рибо, „движеніе состояній сознанія съ рѣкой, воды которой бываютъ, смотря по роду почвы и по состоянію погоды, то прозрачными, то грязными, то голубыми, то зелеными, то сѣроватыми. Кромѣ этихъ различій въ рѣкѣ наблюдаются и другого рода различія, зависящія отъ движенія воды, отъ теченія то медленнаго, то быстраго, то останавливающагося, то разбивающагося о крутой поворотъ береговъ. Первыя соотвѣтствуютъ содержанію, вторыя ходу (соотношенію) представленій (и желаній), служащихъ основою для аффективныхъ состояній". Рибо. Психологія чувствъ. 1898 г., 150 стр.

Иногда ожиданіе вовсе не осуществляется, а иногда осуществляется позже предположеннаго для того времени. Въ этихъ случаяхъ оно переходитъ въ другія, сродныя ему, душевныя волненія, именно: въ чувство надежды, опасенія, безпокойства и нетерпѣнія, если ожидаемое явленіе имѣетъ благотворно повліять на жизнедѣятельность человѣка, или въ чувство озабоченности, страха, рѣдко нетерпѣнія и обманутаго страха, если ожидаемое явленіе имѣетъ отразиться на жизнедѣятельности человѣка зловредно. Каждое изъ тѣхъ и другихъ чувствованій, кромѣ послѣдняго, способно возникнуть и сразу безъ предшествовавшаго ему ожиданія.

Когда желательное для насъ событіе, предположенное въ близкомъ будущемъ, отодвигается значительно далѣе, то образовавшееся первоначально чувство ожиданія смѣняется надеждой. Надежда можетъ также зародиться самостоятельно, будучи вызвана, наприм., мыслью о событіи, которое предвидится въ нескоромъ времени. Такъ, воспитывая своихъ дѣтей, родители живутъ надеждой, что будутъ имѣть въ нихъ украшеніе и опору своей старости. Тогда какъ ожиданіе сопровождается внутреннимъ убѣжденіемъ въ его исполнимости, надежда не исключаетъ предположенія о томъ, что она можетъ и не осуществиться. Чувство надежды обыкновенно отличается большей интенсивностью и большей пріятностью, чѣмъ ожиданіе. Надежда — одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ чувствованій. Она предваряетъ, сопровождаетъ и поддерживаетъ всѣ стремленія человѣка, почему-либо не находящія удовлетворенія тотчасъ по своемъ пробужденіи.

Опасеніе, или практическое сомнѣніе, возникаетъ въ томъ случаѣ, когда ожидаемое пріятное событіе, имѣющее основанія за свое исполненіе, получило или сразу имѣетъ основанія противоположныя. Представленія различныхъ исходовъ, находящія для себя опору въ тѣхъ и другихъ основаніяхъ, возбуждаютъ душу, но ни одно изъ этихъ представленій не пріобрѣтаетъ перевѣса надъ остальными. Отсюда является состояніе опасенія или практи-

ческаго сомнѣнія. Опасеніе въ своемъ происхожденіи обусловливается жизненнымъ опытомъ, а особенно прежними ошибками и неудачами. Кто никогда еще не обманывался въ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, тотъ и сомнѣваться ни въ чемъ не можетъ.

Чѣмъ больше нашихъ попытокъ къ осуществленію того или иного желанія оказались неудачными, тѣмъ меньше у насъ остается возможности дѣлать новыя попытки. Истощаются мысли о средствахъ къ исполненію желаній; ослабѣваетъ энергія воли. Поэтому для каждой новой попытки требуется болѣе продолжительное обдумываніе и болѣе значительное душевное напряженіе. Старыя мысли, уже прежде на дѣлѣ доказавшія свою безплодность, при недостаткѣ свѣжихъ снова появляются въ сознаніи, но онѣ тотчасъ же отстраняются, потому что вмѣстѣ съ ними пробуждается воспоминаніе объ ихъ безполезности. Однѣ и тѣ же мысли и связанныя съ ними чувства по нѣскольку разъ появляются въ сознаніи, быстро смѣняя другъ друга и ни разу не останавливая на себѣ продолжительнаго вниманія. Повидимому, неудача несомнѣнная. Однако, хоть слабая надежда на успѣхъ все еще побуждаетъ къ новымъ попыткамъ. Такъ зарождается и развивается чувство безпокойства.

Нетерпѣніемъ называется чувство пріятнаго ожиданія, достигшее высшей степени силы. Нетерпѣніе испытываетъ всякій, если ожидаемое событіе очень интересуетъ и долго не наступаетъ. Но люди твердаго характера способны остановить внутренній ростъ нетерпѣнія, перенося свое вниманіе съ предмета ожиданія на другой предметъ. А человѣкъ слабохарактерный поддается этому чувству особенно часто, и оно проявляется у него съ особой силой. Слабохарактерный не можетъ оторвать своего вниманія отъ ожидаемаго событія, не можетъ заняться какимъ-либо дѣломъ, время для него идетъ невыносимо медленно. При нетерпѣніи часто бываетъ лихорадочное состояніе тѣла, учащенное сердцебіеніе, ускоренный пульсъ и неправильное дыханіе.

Человѣкъ, который долгое время претерпѣваетъ постоянныя неудачи, всѣ надежды котораго одна за другой разрушаются, можетъ, наконецъ, предаться отчаянію. Отчаяніе довольно сложное душевное состояніе. Сюда входитъ чувство тщетности желаній и безполезности усилій, чувство личной слабости или жестокости и безсердечія людей. Кто впалъ въ отчаяніе, тотъ мучится сознаніемъ, что какъ въ прошедшемъ не было, такъ въ будущемъ не будетъ цѣли, къ которой можно было бы стремиться съ надеждой. Отсюда происходитъ равнодушіе къ жизни и даже тягота ею. Скептикъ не заглядываетъ въ будущее, да и не хочетъ заглядывать: оно не обѣщаетъ ему ничего хорошаго и отраднаго, его ожидаютъ, какъ онъ думаетъ, однѣ неудачи, лишенія и скорби. И если разочарованный во всемъ земномъ не находитъ успокоенія и облегченія въ твердомъ упованіи на Бога, то нерѣдко прекращаетъ свою жизнь самоубійствомъ.

Озабоченность есть ожиданіе непріятнаго событія въ недалекомъ будущемъ. Въ это чувство входитъ и боязнь, но настолько, насколько ей остается мѣста при другомъ главномъ элементѣ, волненіи, производимомъ быстрой смѣной представленій о средствахъ къ удаленію непріятнаго событія.

Нетерпѣніе соединяется съ ожиданіемъ непріятнаго событія въ томъ случаѣ, когда медленное приближеніе этого событія тяготитъ человѣка, а быстрое наступленіе болѣе желательно.

Страхъ вызывается мыслью о близкой и великой опасности [1]). Если вдругъ открывается, что страхъ былъ напраснымъ (потому, напр., что опасность оказалась мнимой или преувеличенной), то наступаетъ пріятное чувство обманутаго страха.

Чувства перемѣны, неожиданности и изумленія, чувство труда и скуки.

§ 77. Чувство новизны или перемѣны возбуждается въ душѣ явленіями дотолѣ еще неизвѣстными, отличающимися отъ явленій обычныхъ, но не стоящими въ прямомъ противорѣчіи съ ними. Чувство новизны—само по

[1]) О страхѣ говорится подробно въ § 88.

себѣ пріятное. Оно выражаетъ удовлетвореніе естественной душевной потребности въ свѣжихъ впечатлѣніяхъ для поднятія энергіи психической дѣятельности (natura hominum novitatis avida est). Потребность новизны порождаетъ любовь къ путешествіямъ, способствуетъ образованію и распространенію слуховъ и сплетенъ и т. д.

Если въ наше сознаніе неожиданно входитъ представленіе такого событія или предмета, котораго мы могли или даже должны были ожидать, но котораго тѣмъ не менѣе не ожидали, то возникаетъ чувство неожиданности. Это чувствованіе какого-то толчка въ ходѣ нашей внутренней жизни, остановки или перерыва послѣдовательнаго теченія элементовъ ея содержанія. Оно отличается своей мимолетностью. Его тонъ бываетъ и пріятнымъ и непріятнымъ въ зависимости отъ того, пользу или вредъ, удовольствіе или неудовольствіе доставило намъ событіе, вызвавшее чувство неожиданности.

Когда вдругъ намъ открывается фактъ, который не только не былъ, но и не могъ быть предметомъ нашего ожиданія, то нами овладѣваетъ чувство изумленія или удивленія. Отъ волненія неожиданности оно отличается тѣмъ, что въ него, кромѣ сознанія новизны, входитъ еще сознаніе трудности примирить новое явленіе съ представленіями и вообще состояніями, въ данное время находящимися въ сознаніи. Мы удивляемся внезапной встрѣчѣ съ другомъ, котораго видѣли тысячу разъ, но не надѣялись встрѣтить именно теперь. На чувство изумленія разсчитано показываніе уродовъ, карликовъ, великановъ, сросшихся близнецовъ, продѣлываніе разныхъ фокусовъ и т. д.

Человѣкъ, раньше чѣмъ изберетъ для себя опредѣленную задачу, инстинктивно стремится къ дѣятельности, отвѣчающей его потребности развивать свои силы. Поэтому дѣятельность, удовлетворяющая этому стремленію, всегда сопровождается особымъ чувствованіемъ. Послѣднее опредѣляется характеромъ не какого-либо одного душевнаго акта, но общаго хода и всего строя психической

жизни. Такъ какъ во время работы вниманіе почти исключительно бываетъ сосредоточено на ея процессѣ, то связанное съ ней волненіе обыкновенно не сознается. Оно становится замѣтнымъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, достигнувъ высокой степени силы, перейдетъ въ наслажденіе трудомъ.

Чувству дѣятельности противоположна скука. Возникаетъ ли она отъ однообразія впечатлѣній или отъ слишкомъ большого разнообразія, въ сущности ея причина всегда одна—недостатокъ душевной дѣятельности. Мы скучаемъ, слушая въ десятый разъ одинъ и тотъ же разсказъ, точно также какъ и тогда, когда разсматриваемъ быстро смѣняющіеся ландшафты во время поѣздки по желѣзной дорогѣ. Чувство скуки гнететъ человѣка въ каждый незанятый моментъ и отрицательнымъ путемъ побуждаетъ его къ энергичной дѣятельности. На высшей степени своей силы скука называется сплиномъ. Это до того мучительное состояніе, что человѣкъ, чтобы избавиться отъ него, готовъ наложить на себя руки.

Б) Предметныя чувствованія.

Предметныя чувствованія дѣлятся на интеллектуальныя, эстетическія и нравственныя.

1) Интеллектуальныя чувствованія.

§ 78. Подъ интеллектуальными чувствованіями разумѣются душевныя волненія, которыми сопровождаются разсудочные процессы. Часто умственная работа производится не ради нахожденія истины или устраненія лжи, а для достиженія практическихъ цѣлей. Отсюда интеллектуальныя волненія нерѣдко бываютъ смѣшаны съ другими. Они отличаются слабой силой и почти не замѣчаются нами. Только въ особенныхъ случаяхъ, важныхъ для развитія познанія, преимущественно у людей страстно

полюбившихъ науку, разсудочная дѣятельность возбуждаетъ энергическія эмоціи, выражающіяся въ четырехъ главныхъ формахъ—въ формѣ чувства истины и лжи, теоретическаго сомнѣнія и недоумѣнія.

Понятія, сужденія, умозаключенія, согласныя съ логическими законами и приводящія къ познанію дѣйствительности, вызываютъ пріятное чувство услажденія истиною, наоборотъ, несогласныя производятъ непріятное чувство лжи. Это удовольствіе отъ истины и неудовольствіе отъ лжи возникаютъ въ насъ не только вслѣдствіе соотвѣтствія или несоотвѣтствія разсудочныхъ процессовъ, напр., нашимъ временнымъ чисто-практическимъ интересамъ, но и потому, что всякая гармонія и дисгармонія становится въ то или иное отношеніе къ прирожденной всѣмъ людямъ идеѣ истины. Переходную ступень между чувствами истины и лжи занимаетъ чувство теоретическаго сомнѣнія.

Иногда мы не знаемъ, вѣрною или ошибочною слѣдуетъ считать извѣстную мысль. Въ пользу ея истинности и ея ложности у насъ имѣются основанія одинаковой важности. Какъ только мы склоняемся на сторону однихъ основаній, тотчасъ въ сознаніи выступаютъ другія, имъ противоположныя. Такое колебаніе въ умственной сферѣ сказывается въ области сердечной жизни болѣе или менѣе непріятнымъ волненіемъ теоретическаго сомнѣнія.

Чувство недоумѣнія возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда разсудокъ не можетъ понять, уяснить мысль, иначе—не можетъ поставить ее во внутреннюю связь съ наличными познаніями. При этомъ бываетъ, что самая мысль находитъ для себя подтвержденіе въ дѣйствительности. Многія положенія физики и химіи можно наглядно доказать посредствомъ опыта; несмотря на это, человѣкъ необразованный все-таки будетъ чувствовать недоумѣніе, потому что эти положенія несогласны съ его раньше сложившимися понятіями.

Къ интеллектуальнымъ чувствованіямъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ, относится еще одно чувство, такъ сказать, „чутье истины“. Въ извѣстный моментъ разсудочной дѣятельно-

сти, когда мы еще не въ состояніи выяснить результатъ умственной работы, этотъ результатъ нерѣдко предвосхищается, угадывается чувствомъ, которое такимъ образомъ играетъ роль піонера познанія. Чувство истины составляетъ основу того здраваго смысла, который граничитъ съ инстинктомъ и тѣмъ не менѣе имѣетъ большое значеніе не только въ практической жизни, но даже и въ научномъ мышленіи [1]).

2) Эстетическія чувствованія.

§ 79. Эстетическія чувствованія отличаются слѣдующими особенностями. 1) Они возбуждаются въ душѣ прямо, непосредственно, независимо отъ всякихъ соображеній и разсчетовъ. Удовольствіе, получаемое при созерцаніи величественной картины движущагося поѣзда, нисколько не зависитъ отъ пользы, приносимой желѣзной дорогой. Очень часто предметъ, вызывающій эстетическое волненіе, стоитъ внѣ всякой связи съ потребностями жизни, съ интересами личности, рода. 2) Это чувствованія соціальныя по преимуществу. Прекрасной картиной или статуей, великой поэмой или музыкальной пьесой могутъ наслаждаться милліоны людей,—всѣ въ одинаковой степени, или какъ кто можетъ, смотря по природнымъ дарованіямъ и по степени развитія.

Въ основѣ эстетическихъ чувствованій лежитъ прирожденная человѣку идея красоты. Поэтому они свойственны всѣмъ людямъ на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія, во всѣ возрасты. Но какъ идея красоты, такъ и эстетическое чувство раскрывается постепенно, получая свои особенности въ каждомъ индивидуумѣ, сообразно его природнымъ свойствамъ, воспитанію и образованію.

Имѣя въ своей основѣ идею красоты, эстетическія чувствованія, кромѣ этой идеи, въ своемъ происхожденіи

---

[1]) Вундтъ. Физіологич. психологія, II т., 896 стр.

обусловливаются ощущеніями зрѣнія и слуха и дѣятельностью способности представленія и мышленія.

При помощи зрѣнія воспринимается гармоническое сочетаніе цвѣтовъ, свѣта, красокъ и тѣни, симметрія тѣлесной формы. Посредствомъ слуха воспринимаются—консонансъ отдѣльныхъ звуковъ, ритмъ, или правильное слѣдованіе и чередованіе отдѣльныхъ консонансовъ и ихъ группъ, мелодія или чередованіе высокихъ и низкихъ тоновъ, и устная рѣчь.

Чтобы художественное произведеніе вызвало полную эстетическую эмоцію, мало воспринять его форму при помощи зрѣнія или слуха. Необходимо еще постигнуть идею произведенія; необходимо, чтобы полученныя отъ него ощущенія пробудили въ сознаніи множество болѣе или менѣе ясныхъ представленій. Это условіе имѣетъ неодинаковое значеніе въ отношеніи къ различнымъ родамъ прекраснаго. Прекрасныя музыкальныя произведенія, возбуждая эстетическія чувствованія, не сопровождаются непремѣнно опредѣленными представленіями. Поэтому-то одну и ту же музыкальную пьесу можно толковать на разные лады. Для художественнаго пониманія образовательныхъ искусствъ необходимо, чтобы отдѣльные предметы и явленія имѣли свои особые образы, значитъ, необходимо сочетаніе съ воспріятіями только извѣстныхъ представленій и историческія воспоминанія. Наконецъ, поэзія дѣйствуетъ на насъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вызываетъ представленія; слуховыя или зрительныя ощущенія здѣсь только средство [1]). Когда мы читаемъ какую-нибудь драму или романъ, то здѣсь, конечно, не цвѣтъ или форма шрифта возбуждаетъ въ насъ эстетическое чувство, а внутреннее содержаніе, съ которымъ мы знакомимся чрезъ слово.

Участіе разсудка въ образованіи эстетическихъ волненій выражается въ томъ, что при помощи его мы постигаемъ соотношеніе элементовъ формы прекраснаго произведенія, а особенно соотношеніе формы и содержанія.

---

[1]) Fechner. Vorschule der Ästhetik. 1876 г., гл. 6—13.

Два главныхъ и наиболѣе элементарныхъ эстетическихъ чувствованія—красоты и безобразія. Первое возбуждается такими предметами и явленіями, которые обнаруживаютъ единство въ разнообразіи, симметрію и пропорцію въ частяхъ, ритмъ въ послѣдовательности. Чувство безобразнаго, наоборотъ, возбуждается всѣмъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ дисгармонію, обнаруживаетъ разладъ между идеей и формой или между частями формы. Отъ соединенія чувствъ красоты и безобразнаго съ чувствованіями другихъ видовъ получаются болѣе сложныя эстетическія волненія: высокаго и низкаго, трагическаго и комическаго.

3) Нравственныя чувства и ихъ виды.

§ 80. Человѣкъ существо личное и дѣятельное. Въ своей дѣятельности онъ становится въ извѣстное отношеніе къ самому себѣ, къ другимъ людямъ и къ Богу. Эти отношенія, съ одной стороны, обусловливаются особыми чувствованіями, а съ другой—сами ихъ вызываютъ. Тѣ и другія чувствованія называются нравственными.

Они, составляя одинъ классъ высшихъ предметныхъ чувствованій вмѣстѣ съ интеллектуальными и эстетическими, отличаются слѣдующими, свойственными только имъ, особенностями: 1) Интеллектуальныя и эстетическія эмоціи возбуждаются внѣшними по отношенію къ намъ предметами—тѣмъ, что существуетъ или мыслится существующимъ внѣ нашего „я“. Не тѣмъ вызываются нравственныя чувствованія. Чтобы удовлетворить потребностямъ своей душевно-нравственной природы, я самъ долженъ дѣйствовать. Эта дѣятельность, поскольку сознается исходящей отъ меня самого, и сопровождается нравственнымъ чувствомъ.

2) Интеллектуальныя и эстетическія волненія хотя иногда и соединяются съ сознаніемъ нашего достоинства или недостоинства, но не находятся въ необходимой отъ этого сознанія зависимости. Между тѣмъ, существенный

элементъ всякаго нравственнаго чувства составляетъ представленіе цѣны нашихъ намѣреній и дѣйствій.

3) Интеллектуальныя и эстетическія эмоціи имѣютъ меньшее значеніе и, говоря вообще, меньше волнуютъ душу, чѣмъ нравственныя. Напр., чувство, вызванное невозможностью рѣшить трудную научную задачу, бываетъ очень сильно, но едва-ли оно способно подняться до той степени силы, до которой иногда доходитъ мучительное чувство угрызенія совѣсти или любовь къ Богу.

Въ своей дѣятельности мы ставимъ себя въ извѣстное отношеніе къ своему „я", къ другимъ людямъ и къ Богу; отсюда и нравственныя волненія, то обусловливающія, то сопровождающія эти отношенія, дѣлятся на волненія: а) въ отношеніи къ самому себѣ (эгоистическія въ общемъ смыслѣ), б) въ отношеніи къ другимъ людямъ (альтруистическія) и в) въ отношеніи къ Богу (религіозно-нравственныя).

а) Нравственныя чувствованія по отношенію къ собственному душевному состоянію (самочувство).

Изъ нравственныхъ чувствованій въ отношеніи къ самому себѣ разсмотримъ: чувство долга и совѣсти, чувство собственнаго достоинства, гордости и смиренія, чувство чести и славы, униженія и безславія.

Чувство нравственнаго долга и совѣсти.

§ 81. Чувство нравственнаго долга служитъ выраженіемъ присущей человѣческому духу идеи добра или блага. Первоначально и у людей, стоящихъ на низшей ступени психическаго развитія, оно не сознается ясно, хотя и вліяетъ на дѣятельность, сообщая тѣмъ или инымъ намѣреніямъ характеръ „должнаго". Такое чувство должнаго становится чувствомъ „долга", въ строгомъ смыслѣ, когда оно само и съ нимъ соотвѣтствующій ему актъ воли входятъ въ сознаніе. Сознанное чувство долга побуждаетъ человѣка уклоняться отъ зла, предмета недостойнаго, дѣйствующаго разрушительно на тѣло и душу, и дѣлать добро, какъ имѣющее самобытное достоинство, независимо отъ пріятности его или пользы.

Чувство долга въ своей развитой формѣ есть сложное психическое состояніе. Сюда входитъ чувство стѣсненія свободы воли. Долгъ требуетъ, чтобы человѣкъ, проявляя свои силы въ дѣятельности, слѣдовалъ извѣстнымъ правиламъ, хотя бы имѣлись средства и было желаніе дѣйствовать инымъ образомъ. Не менѣе существенный элементъ долга—чувство уваженія къ нравственному долгу или закону. Одно чувство стѣсненія свободы, какъ простого принужденія, бываетъ и тогда, когда, напр., страхъ наказанія принуждаетъ къ такому или иному поступку. Но подобный поступокъ, очевидно, лишенъ нравственнаго характера. Самопринужденіе получаетъ нравственное значеніе, когда къ нему присоединяется уваженіе къ требованіямъ долга, и когда они понимаются, какъ велѣнія закона, за которыми мы сами признаемъ обязательную для насъ силу. Въ сознаніи людей, нравственное развитіе которыхъ идетъ по вѣрному пути, чувству долга всегда присущъ религіозный элементъ. Безусловное уваженіе требованій долга, добровольное подчиненіе имъ своей свободы послѣднюю основу имѣютъ въ живомъ отношеніи человѣка къ Богу, необходимо предполагаютъ вѣру въ нравственный міропорядокъ, вѣру въ Бога Творца, промыслителя, установившаго и поддерживающаго этотъ міропорядокъ и пекущагося о томъ, чтобы нашъ трудъ на служеніе долгу „не тщетенъ былъ“ (1 корино. XV, 52).

Чувство совѣсти въ своемъ происхожденіи и развитіи обусловливается предшествующей ему оцѣнкой дѣйствій на основаніи требованій долга. Оцѣнка эта производится постоянно, но только чрезвычайно быстро, а потому не замѣчается человѣкомъ, кромѣ исключительныхъ и важныхъ для него случаевъ жизни. Какъ ея результатъ, въ сознаніи всякій разъ возникаетъ или чувство спокойствія совѣсти, или чувство угрызенія совѣсти. Первое возбуждается поступками, согласными съ требованіями долга. Оно слагается изъ волненія удовольствія отъ воспріятія или представленія добраго дѣйствія, изъ чувства силы,

а иногда и побѣды, такъ какъ исполненіе долга часто требуетъ значительныхъ условій для борьбы съ препятствіями, и нерѣдко изъ пріятнаго предвкушенія будущихъ благъ, хотя бы настоящія обстоятельства были самыми печальными. Чувство угрызенія совѣсти слѣдуетъ за нарушеніемъ или несоблюденіемъ велѣній нравственнаго закона. Въ содержаніе его входитъ: неодобреніе или недовольство собою, стыдъ предъ другими и страхъ за будущее. Мы терзаемся сознаніемъ, что поступокъ нашъ нехорошъ; мы недовольны сами собою и не можемъ простить себѣ; мы мучимся мыслью, что другіе осудятъ насъ; наше сердце трепещетъ отъ предчувствія бѣдъ въ будущемъ, хотя бы теперь все обстояло благополучно. Угрызенія совѣсти иногда достигаютъ такой силы, что совершившій великое преступленіе, наприм., убійца, рѣшается отдать себя въ руки правосудія, лишь бы освободиться отъ кары этого суроваго внутренняго судьи.

Чувство долга, какъ непосредственное выраженіе общечеловѣческаго стремленія къ нравственному, къ добру, у всѣхъ и всегда приблизительно правильно показываетъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Совѣсть же, посредствуясь различающею дѣятельностью и обусловливаясь не только чувствомъ долга, но и воспитаніемъ, житейскими отношеніями, духовною опытностью и т. д., бываетъ неодинаковой у отдѣльныхъ людей. Одни люди имѣютъ весьма чуткую и тонкую совѣсть; самый незначительный проступокъ вызываетъ у нихъ сильныя внутреннія угрызенія. Такихъ людей называютъ совѣстливыми. Другіе люди, которыхъ называютъ безсовѣстными, обыкновенно не испытываютъ никакихъ внутреннихъ мукъ даже по совершеніи великихъ преступленій. Однако, ошибочно думать, что у нихъ вовсе нѣтъ совѣсти, что они вовсе не получили ея отъ природы или лишились ея въ жизни. И эти люди имѣютъ совѣсть, только они сами усыпили ее въ себѣ или она заглушена у нихъ неблагопріятными внѣшними условіями. Бываютъ минуты, когда она пробуждается у самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ (помилованный раз-

бойникъ); особенно же часто она вторгается въ сновидѣніе.

Чувство собственнаго достоинства, гордость и смиреніе. Чувство чести и славы.

§ 82. Чувство собственнаго достоинства — сложное душевное состояніе. Въ основѣ его лежитъ любовь человѣка къ самому себѣ, побуждающая его не только заботиться о своемъ внѣшнемъ благосостояніи и духовномъ развитіи, но и обращать вниманіе на свою личность, какъ виновника достигнутаго блага. Кромѣ любви къ себѣ, въ содержаніе разсматриваемаго волненія входитъ еще самоуваженіе. Если достиженіе намѣченной нами цѣли требуетъ большихъ усилій, если на пути къ ней встрѣчается много препятствій, то достигши цѣли при подобныхъ условіяхъ, достигши не одинъ разъ и безъ посторонней помощи, мы не можемъ не сознавать, что своимъ успѣхомъ обязаны себѣ, что мы сами создали свое положеніе. Тогда мы не просто находимъ въ себѣ присутствіе той или другой силы, способной преодолѣвать трудность, но и уважаемъ себя, признавая эту силу своею. Отсюда нерѣдко возникаетъ довольство собою, составляющее третій существенный элементъ чувства собственнаго достоинства.

Чувство собственнаго достоинства иногда соединяется съ сознаніемъ личнаго превосходства надъ другими людьми. Если это сознаніе выражается въ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ поступкахъ, то осложненное имъ чувство собственнаго достоинства называютъ гордостью. Гордость, возбуждаемая представленіемъ маловажныхъ и случайныхъ преимуществъ, называется тщеславіемъ.

Смиреніе — чувство, противоположное гордости. Смиренный человѣкъ не предполагаетъ за собою никакихъ особенныхъ достоинствъ, на свои добрыя дѣла смотритъ, какъ на исполненіе долга, а потому воздерживается отъ самоуваженія и отъ погони за извѣстностью. Онъ чувствуетъ себя нехорошо, когда его хвалятъ даже по заслугамъ, а тѣмъ болѣе, когда его хвалятъ неосновательно. Иныя личности удерживаются отъ самовосхваленія и не стремятся къ извѣстности между людьми потому, что дорожатъ только

своею душевною чистотой предъ Богомъ. Это высшая форма смиренія, которая можетъ уживаться одновременно съ внѣшней славой, примѣровъ чего не мало находимъ въ жизнеописаніяхъ святыхъ.

Въ чувствѣ собственнаго достоинства и гордости мы сами сознаемъ значеніе своей личности. Когда же наши личныя качества подвергаютъ оцѣнкѣ другіе, то возникаетъ чувство чести. Оно есть отзывъ нашего сердца на чужое мнѣніе о нашей личности. Каждый можетъ представить свою личность различно, т.-е. видѣть ея преимущественное выраженіе въ такихъ качествахъ и дѣйствіяхъ, которымъ другіе не придаютъ никакого значенія. Поэтому, чувство чести у различныхъ людей возбуждается по разнымъ поводамъ. Но хотя понятію о чести слишкомъ присущъ субъективный характеръ, тѣмъ не менѣе истинная честь всегда одна — это честь моральная, всецѣло связанная съ нравственною личностью. Чувство чести проявляется двояко, какъ пріятное волненіе удовлетворенія чести, если за нами признаютъ извѣстныя достоинства, и какъ непріятное волненіе поруганія чести, если нашу личность подвергаютъ порицанію и осужденію.

Пріятное чувство удовлетворенія чести становится чувствомъ славы, когда расширяется кругъ лицъ, признающихъ наше достоинство. Признаніе достоинства нашей личности въ кругу знакомыхъ вызываетъ въ насъ чувство чести. Сознаніе же того, что мы извѣстны на большомъ пространствѣ, какъ люди достойные, вызываетъ чувство славы.

б) Нравственныя чувствованія по отношенію къ другимъ.

Изъ чувствованій, развивающихся на почвѣ отношеній нашихъ къ другимъ людямъ, разсмотримъ симпатическія. Симпатическія чувствованія выражаются въ формѣ сочувствія, привязанности, дружбы, любви и др.

Сочувствіе. § 83. Сочувствіе есть болѣе простое душевное состояніе, сравнительно съ другими симпатическими чувствованіями — привязанностью, дружбою и любовью. Мы

сочувствуемъ, когда чужія чувствованія „de facto“ усвояемъ себѣ, усвояемъ не столько умомъ, сколько сердцемъ, дѣлая ихъ своими, сами волнуясь ими. Каждый отъ природы расположенъ къ тому, чтобы питать сочувствіе къ другимъ. Даже ребенокъ при видѣ омраченнаго горемъ лица матери становится печальнымъ, хотя еще и неспособенъ ясно понимать ея горе. Нерѣдко человѣкъ внезапно обнаруживаетъ чуждые всякаго размышленія порывы жалости къ несчастнымъ, будь они совершенно чужіе для него,— даже враги или преступники.

Сочувствіе проявляется двояко — какъ состраданіе, возбуждаясь горемъ или несчастіемъ другихъ, и какъ сорадованіе, возбуждаясь чужою радостью или счастіемъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что люди болѣе расположены проявлять состраданіе, чѣмъ сорадованіе. Радоваться съ радующимися иногда мѣшаетъ зависть и зложелательство. А можетъ быть мы потому болѣе возбуждаемся страданіемъ и печалью другихъ, чѣмъ ихъ удовольствіемъ и радостью, что въ первомъ случаѣ нужно что-нибудь сдѣлать, нужна помощь, тогда какъ чужое чувство удовольствія именно показываетъ, что все обстоитъ благополучно.

Отзывчивость сердца на явленія сердечной жизни другихъ въ скорости своего возбужденія и силѣ обнаруженія зависитъ отъ многихъ причинъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ природная чувствительность. Бываютъ натуры съ черствымъ сердцемъ: только потрясающая душу картина способна пробудить ихъ отъ равнодушія. Наоборотъ, другіе люди, имѣя нѣжное сердце, легко и скоро отзываются на чужія горести и радости. Затѣмъ немаловажно значеніе и личнаго опыта. Мы можемъ сочувствовать только въ томъ, что сами испытали. Чтобы съ участіемъ отнестись къ человѣку, который понесъ утрату дорогихъ для него лицъ (напр., отца или сестры), нужно прежде самому пережить подобную утрату. Кромѣ личнаго опыта, требуется живое воображеніе, чтобы ясно представить себѣ положеніе другого и чтобы мы-

сленно поставить себя на его мѣсто. Иногда недостатокъ сочувствія объясняется слабостью и вялостью воображенія, а не сердечной холодностью и грубостью. „И формальная логическая послѣдовательность можетъ быть тутъ моментомъ особой важности. Безпристрастное познаніе расчищаетъ путь самой широкой симпатіи“ [1]). Наконецъ, мы скорѣе готовы отозваться на добрыя чувства другихъ, чѣмъ на чувства, не согласныя съ нашими нравственными правилами. Проявленія зависти, злобы, запосчивости рѣдко возбуждаютъ въ насъ участіе, тогда какъ истинное горе, тяжелая болѣзнь и т. п. вызываютъ у насъ сочувствіе чаще.

Привязанность и дружба.

§ 84. Чувства привязанности и дружбы возникаютъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ (они зарождаются на почвѣ уваженія, благодарности, сочувствія, преобразуются изъ любви и т. д.), но всегда и необходимо въ нихъ присутствуютъ два элемента: сочувствіе и стремленіе всегда быть вмѣстѣ съ предметомъ, возбудившимъ эти волненія. Нельзя не отнестись съ участіемъ къ горю или радости того лица, съ которымъ мы дружны или къ которому привязаны; разлука съ нимъ для насъ тяжела, равно какъ присутствіе его намъ пріятно. Отсюда видно, что между разсматриваемыми чувствованіями, съ одной стороны, и сочувствіемъ и любовію, съ другой, есть близкое сходство; но такъ какъ тѣ и другія чувствованія воспринимаются нашимъ сознаніемъ, какъ различныя состоянія въ области сердечной жизни, то необходимо знать, въ чемъ заключается это различіе [2]).

Сравнивая привязанность и дружбу съ сочувствіемъ, замѣчаемъ: 1) тогда какъ послѣднее есть болѣе простое явленіе, первыя болѣе сложны — онѣ включаютъ его, какъ одинъ изъ своихъ элементовъ. 2) Сочувствовать можно и многимъ одновременно: чѣмъ на большее число

---

[1]) Гефдингъ. Психологія, 295, 296 стр.

[2]) О различіи дружбы и привязанности отъ любви умѣстнѣе сказать послѣ, при анализѣ волненія любви.

предметовъ это волненіе простирается, тѣмъ даже болѣе чистоты и цѣнности оно получаетъ. Сочувствіе, не выходящее за предѣлы семьи, стоитъ, конечно, ниже сочувствія, ограниченнаго предѣлами націи. Истинная же привязанность и дружба можетъ имѣть своимъ объектомъ только нѣсколькихъ лицъ или одно лицо. 3) Сочувствіе является въ нашей душѣ сразу, какъ только узнаемъ, что извѣстный человѣкъ находится въ положеніи, достойномъ состраданія или заслуживаетъ сорадованія. Притомъ, нерѣдко мы сочувствуемъ людямъ, которыхъ никогда не видѣли. Но нельзя почувствовать дружбу или привязаться къ тому, съ кѣмъ мы вовсе не встрѣчались, или кого видимъ первый разъ, или кто и не подозрѣваетъ о нашей дружбѣ.

При всемъ своемъ сходствѣ въ чертахъ отличія отъ сочувствія, привязанность и дружба сами между собою имѣютъ значительное различіе. Привязанность не требуетъ необходимо взаимности, дружба же безъ взаимности немыслима. Привязаться можно и къ людямъ неравнаго съ нами общественнаго положенія, стоящимъ выше или ниже насъ по своему духовному развитію и т. д. Дружба же соединяетъ лицъ болѣе или менѣе одинаковыхъ характеровъ, взглядовъ, положенія и т. д. Чувство привязанности возникаетъ безъ всякихъ разсчетовъ; побуждаемый имъ человѣкъ заботится только о томъ, чтобы принести пользу предмету своей привязанности, хотя бы это соединялось съ существеннымъ для него ущербомъ. Дружба основывается на сознательныхъ разсчетахъ обѣихъ сторонъ, друзья оказываютъ взаимныя услуги.

§ 85. Любовь весьма сложное чувствованіе. Въ основѣ ея лежитъ трудно опредѣлимое волненіе, названное Бэномъ „нѣжностью“. Это какое-то восхищеніе душевной и тѣлесной красотою подобнаго намъ существа, чаще всего помимо всякихъ соображеній, быстро, внезапно и съ великою силою охватывающее и, такъ сказать, порабощающее человѣка. Восхищеніе любимымъ предметомъ вмѣстѣ съ его идеализаціей составляетъ отличительную

Любовь и ея формы.

особенность любви, при сравненіи ея съ привязанностью и дружбою. Любовь склонна идеализировать свой объектъ: она не замѣчаетъ его недостатковъ, преувеличиваетъ достоинства; этотъ объектъ кажется въ высшей степени цѣннымъ. Чувству любви всегда присуще влеченіе къ любимому лицу, возбуждающему восхищеніе и имѣющему въ глазахъ любящаго великую цѣну. Любимое лицо притягиваетъ насъ къ себѣ, — хочется постоянно быть съ нимъ, разлука съ нимъ невыносимо тяжела. Въ содержаніе разсматриваемаго волненія входитъ еще стремленіе къ обладанію предметомъ любви, какъ своего рода собственностью, и потребность такъ называемой взаимности. Здѣсь источникъ ревности. Любовь, если не всегда, то очень часто заключаетъ въ себѣ горячее сочувствіе къ увлекшему субъекту. Чувство любви, говоря вообще, сильнѣе привязанности и дружбы: нерѣдко ради любви разрываются узы послѣднихъ.

Различаютъ слѣдующіе главные виды любви (къ другимъ): любовь родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, дѣтей другъ къ другу и любовь лица одного пола къ лицу другого пола (половая).

Любовь материнская обыкновенно сильнѣе отцовской. Она обусловливается физіологическою связью матери съ ребенкомъ и жалостью къ слабому существу. Впослѣдствіи, когда начинаетъ выясняться нравственный образъ дитяти и проявляться его благодарная привязанность къ матери, къ этому основанію присоединяются еще моральныя узы. Часто любовь женщины къ своему ребенку подчиняетъ себѣ всю ея личность. Тогда для женщины никакая работа не кажется чрезмѣрно тяжелой, никакое напряженіе чрезмѣрно сильнымъ, никакая боль слишкомъ острой, никакая жертва слишкомъ великой.

Между матерью и ребенкомъ существуетъ такая видимая, тѣлесная связь, что потомство кажется отдѣлившеюся частью родителя. Между ребенкомъ и отцомъ физіологическая связь слабѣе, а потому и отцовская любовь почти всегда уступаетъ по силѣ материнской. Она воз-

никаетъ преимущественно психическимъ путемъ. Важное значеніе здѣсь имѣютъ—любовь къ матери, симпатія къ безпомощному, заботы о воспитаніи и надежда свои нравственныя убѣжденія и качества передать дитяти.

Любовь дѣтей къ родителямъ, главнымъ образомъ, утверждается на внутреннихъ побужденіяхъ, хотя нельзя совершенно отвергать вліянія тѣлеснаго родства между тѣми и другими. Въ чувствѣ дѣтской любви есть волненіе благодарности къ родителямъ за ихъ заботы и попеченіе и возникающія отсюда привязанность и влеченіе къ нимъ. Къ этому присоединяется чувство авторитета, т.-е. высокой цѣны и значенія родителей и сочувствіе къ нимъ. Очень часто дѣти даже въ малыхъ лѣтахъ чутко распознаютъ горе или радость отца и матери и проявляютъ свое участіе.

Преобладающимъ элементомъ любви дѣтей другъ къ другу является сочувствіе, развитію котораго благопріятствуетъ совмѣстная жизнь дѣтей, нерѣдко сходство природныхъ дарованій и склонностей, одинаковое воспитаніе и образованіе.

Половая любовь въ своемъ происхожденіи обусловливается какъ физіологическими, такъ и психическими потребностями. Въ основаніи этого чувства лежитъ, съ одной стороны, инстинктъ продолженія рода, а съ другой — стремленіе восполнить свою личность личностью противоположнаго пола, да будутъ два—мужчина и женщина — въ плоть едину или организмъ единый. Въ супружескомъ союзѣ, получившемъ религіозную санкцію, половая любовь находитъ свое наивысшее выраженіе, а обусловливающія ее потребности—свое наилучшее удовлетвореніе. Ни въ одномъ видѣ любви къ другому состоянія сознанія, изъ которыхъ слагается это чувство, не выступаютъ такъ рѣзко и сильно, какъ въ любви половой.

в) Чувствованія по отношенію къ Богу.

§ 86. Религіозныя чувствованія имѣютъ своимъ источникомъ присущую человѣческому духу идею Божества

или прирожденное стремленіе къ Безконечному Существу. Къ религіознымъ чувствованіямъ относятся: любовь къ Богу, благоговѣніе, страхъ Божій, преданность волѣ Божіей и т. п.

Представленіе безконечной полноты Божескихъ совершенствъ, особенно благости, наполняетъ наше сердце неизъяснимымъ восторгомъ, благодаря которому мы влечемся къ Богу и „прилѣпляемся" къ Нему. Если съ представленіемъ безконечныхъ совершенствъ Божіихъ соединяется мысль о ничтожествѣ всего конечнаго, о нашей собственной слабости и нравственномъ непостоянствѣ, то въ душѣ возбуждается чувство благоговѣнія къ Богу. При мысли о Богѣ, какъ любящемъ Отцѣ, постоянно пекущемся о нашемъ благѣ, возникаетъ въ насъ чувство надежды и преданности волѣ Божіей. Одушевленный этимъ чувствомъ, человѣкъ терпѣливо и безропотно переноситъ всякія неудачи и несчастія, имѣя увѣренность, что все, что ни случается съ нимъ, происходитъ по волѣ Божіей, и что добро въ концѣ концовъ несомнѣнно восторжествуетъ надъ зломъ. Страхъ Божій проникаетъ въ наше сердце при мысли о Богѣ, какъ Существѣ всевѣдущемъ, вездѣсущемъ и всеправедномъ, котораго мы прогнѣвляемъ своими грѣхами.

„Религіозное чувство имѣетъ свое особое внѣшнее выраженіе, притомъ выраженіе, отличающееся чрезвычайною сложностью, а въ высшихъ своихъ формахъ, кромѣ того, преднамѣренностью, сознательностью, систематичностью и стройностью. Таково выраженіе его вообще въ извѣстномъ культѣ, а частное — въ молитвѣ и жертвоприношеніяхъ" [1]).

Благодаря многимъ причинамъ, особенно же одностороннему направленію ума и сердца, религіозное чувство, само по себѣ чистое и высокое, можетъ проявляться въ превратныхъ формахъ, въ формѣ, напр., изступленія, фанатизма, религіозной меланхоліи. Въ со-

---

[1]) Снегиревъ. Психологія, стр. 611.

стояніи изступленія человѣкъ, чрезмѣрно увлекаясь воображеніемъ, его образы принимаетъ за видѣнія; онъ слышитъ, осязаетъ, чувствуетъ запахъ злыхъ духовъ или ангеловъ внѣ или внутри себя самого, онъ приписываетъ себѣ непосредственное общеніе съ Богомъ; считаетъ себя избранниковъ Божества, говорящимъ и дѣйствующимъ отъ Его имени (Магометъ). Фанатизмомъ называется такое религіозное настроеніе, при которомъ человѣкъ старается насильственными мѣрами принудить другихъ къ принятію исповѣдуемой имъ вѣры, преслѣдуетъ, мучитъ и даже умерщвляетъ иновѣрцевъ и это поставляетъ себѣ въ особую заслугу предъ Богомъ.

АФФЕКТЫ.

Понятіе объ аффектахъ: ихъ происхожденіе и вліяніе на человѣка. Различіе ихъ отъ страстей.

§ 87. Душевное волненіе, достигшее необычайной степени интенсивности, превышающей нормальную силу чувствительности извѣстнаго лица, называется аффектомъ.

Ближайшей причиной аффекта является воспріятіе или представленіе, относящееся къ предмету, имѣющему для нашей личности особенную важность или поразившее насъ своею внезапностью. Извѣстіе о смерти единственнаго любимаго сына глубоко потрясаетъ отца. Оскорбленіе, нанесенное тому, кто очень дорожитъ своею честью, вызываетъ въ его душѣ гнѣвъ. Ружейный выстрѣлъ, котораго мы ожидали, насъ не испугаетъ; но далеко не такой сильный звукъ, неожиданно нарушившій полную тишину, заставляетъ насъ вздрогнуть.

Происхожденіе аффектовъ находится въ большой зависимости отъ половыхъ отличій и темперамента. Женщины скорѣе и легче подвергаются аффектамъ, чѣмъ мужчины. Событіе, глубоко потрясающее меланхолика, можетъ не произвести никакого волненія у флегматика. Иногда аффектъ возникаетъ постепенно. Но чаще онъ овладѣваетъ человѣкомъ мгновенно и сразу. Въ послѣднемъ случаѣ ему большею частью предшествуетъ изумленіе. Такъ, радостная вѣсть сперва изумляетъ насъ, а потомъ приводитъ въ восторгъ.

Аффекты слѣдуетъ относить къ патологическимъ душевнымъ состояніямъ. Они нарушаютъ правильный ходъ психической и тѣлесной жизни. При аффектѣ сознаніе и самосознаніе темнѣютъ. Человѣкъ перестаетъ ясно сознавать свою личность и ясно понимать свое положеніе въ ряду другихъ окружающихъ предметовъ. Разгнѣванный выходитъ изъ себя. Испуганный, когда пройдетъ моментъ самаго сильнаго волненія, спрашиваетъ: „гдѣ я?“ Дѣятельность разсудка и воли подавляется или принимаетъ крайне одностороннее направленіе. Теряется способность правильной оцѣнки явленій, способность разумно и свободно располагать своими дѣйствіями. Поэтому проступки, совершенные въ состояніи аффекта, обыкновенно правосудіе не вмѣняетъ въ вину. Ощущенія и образы, стоящіе въ близкомъ отношеніи къ внѣшней причинѣ сердечнаго потрясенія, легко входятъ въ сознаніе и завладѣваютъ вниманіемъ. Разгнѣванный не слышитъ обращенныхъ къ нему словъ вразумленія, но самый отдаленный намекъ на понесенную имъ обиду или оскорбленіе еще болѣе усиливаетъ его гнѣвъ.

Аффекты оказываютъ большое вліяніе на отправленія внутреннихъ органовъ, на произвольныя движенія и на непроизвольныя. Дыханіе и сердцебіеніе чрезвычайно ускоряются или замедляются, волосные сосуды расширяются или съуживаются, становится неправильнымъ ходъ процесса уподобленія и измѣненія крови. Сильныя сердечныя потрясенія иногда причиняютъ моментальную смерть, вѣроятно, путемъ дѣйствія на сердце (параличъ сердца при страхѣ). Иногда человѣкъ теряетъ власть надъ органами произвольнаго движенія: языкъ, ноги, руки отказываются ему служить. Иногда же къ человѣку возвращается давно утраченная способность къ дѣятельности тѣхъ или другихъ органовъ. Нѣмой сынъ Креза, потрясенный ужасомъ, заговорилъ. Люди, давно лишившіеся употребленія ногъ, подъ вліяніемъ страха или гнѣва вскакиваютъ и начинаютъ ходить.

Только со временъ Канта психологія стала отличать

аффекты отъ страстей. Въ обыденномъ же разговорѣ и по настоящее время тѣ и другія состоянія смѣшиваются. Необходимо сдѣлать строгое разграниченіе между ними.

Аффектъ происходитъ отъ другого источника и относится къ иной области душевной жизни, чѣмъ страсть. Тогда какъ послѣдняя составляетъ проявленіе желательной способности, первый есть только очень сильное чувствованіе и принадлежитъ къ состояніямъ жизни сердца.

Возникая изъ различныхъ источниковъ, аффекты и страсти носятъ неодинаковый характеръ. Сердечное потрясеніе всего чаще внезапно и быстро овладѣваетъ душою, не можетъ быть продолжительнымъ, частое повтореніе ослабляетъ его силу. Страсть же образуется медленнѣе, развиваясь по мѣрѣ своего удовлетворенія; благодаря повторенію, она не только не слабѣетъ, но еще болѣе укрѣпляется; нерѣдко она сохраняетъ свою силу даже тогда, когда сердце не находитъ въ ней никакого удовольствія.

Мгновенно и сразу увлекая человѣка, аффекты не даютъ мѣста спокойному размышленію и соображенію, не предполагаютъ никакихъ скрытыхъ цѣлей, обнаруживаются, такъ сказать, честно и открыто. Страсти преслѣдуютъ сознательно поставленныя цѣли, избираютъ нерѣдко очень сложныя средства, если нѣтъ простыхъ, и дѣйствуютъ по преимуществу скрытно, что̀ объясняется частью ихъ несостоятельностью предъ нравственнымъ судомъ, частью разсчетами расположить обстоятельства въ свою пользу и обмануть другихъ.

Наконецъ, тогда какъ аффектъ сразу потрясаетъ тѣлесный и душевный организмъ человѣка, страсть, подобно хронической болѣзни, постепенно истощаетъ его силы. По мѣткому выраженію Канта, первый дѣйствуетъ какъ параличъ, послѣдняя какъ чахотка.

Аффекты и страсти, при всемъ ихъ различіи, часто въ своемъ происхожденіи зависятъ другъ отъ друга. Страсть нерѣдко является повтореніемъ или продолженіемъ того, что неожиданно и съ особой силою наполняло

душу въ моментъ сердечнаго потрясенія. Но если аффектъ, такимъ образомъ, можетъ проложить дорогу страсти, то и страсть можетъ прорываться наружу въ формѣ аффекта.

Виды аффектовъ. Аффекты гнѣва, радости, страха, печали и стыда.

§ 88. Аффекты принято дѣлить на активные и пассивные. Первые приводятъ душевную (а равно и тѣлесную) жизнь въ чрезмѣрное напряженіе; разрѣшаются они быстрою безсвязною рѣчью, порывистыми движеніями и т. п. Послѣдніе, наоборотъ, стѣсняютъ и даже какъ бы задерживаютъ, пріостанавливаютъ ходъ жизни; разрѣшаются они тѣмъ, что сознаніе мало-по-малу наполняется душевными явленіями. Къ активнымъ аффектамъ относятся: нетерпѣніе, гнѣвъ, радость; къ пассивнымъ относятся: стыдъ, печаль, тоска, страхъ, отчаяніе и др. [1]).

Гнѣвъ принадлежитъ къ числу самыхъ бурныхъ аффектовъ. Причиной его является встрѣча человѣка съ препятствіями къ удовлетворенію стремленія, предъ которыми человѣкъ не считаетъ себя совершенно безсильнымъ. Съ этимъ аффектомъ въ его примитивной, элементарной формѣ связывается одно невольное влеченіе— удалить виновника несчастія, неудачи, ошибки, или самому отъ него удалиться; потомъ сюда можетъ присоединиться желаніе причинить ему вредъ или внушить страхъ. У разгнѣваннаго психическіе процессы совершаются съ чрезвычайною силою и скоростью. Способность произвольнаго вниманія теряется. Сознаніе крайне помрачается. Образы, мысли, желанія, имѣющіе близкое отношеніе къ причинѣ аффекта, легко возникаютъ и быстро смѣняютъ одни другихъ. Въ состояніи организма замѣчаются слѣдующія особенности: жилы на рукахъ, шеѣ, лицѣ раздуваются, глаза нерѣдко наливаются кровью, на лбу появляются характерныя морщины, возникаетъ непреодолимая потребность въ энергичныхъ, быстрыхъ и вмѣстѣ порывистыхъ безпорядочныхъ движеніяхъ. Въ гнѣвѣ че-

---

[1]) Въ отдѣлѣ о формальныхъ чувствованіяхъ уже разсмотрѣны кратко нетерпѣніе и отчаяніе (см. § 76).

ловѣкъ вскакиваетъ, топаетъ ногами, неистово кричитъ, наноситъ удары куда попало и т. д.

Радость возбуждается подъ вліяніемъ пріобрѣтенія или ожиданія блага. Она есть удовольствіе по поводу удовольствія, иначе—какъ бы двойное удовольствіе. Это волненіе поднимается до степени аффекта не всегда, а въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда вызвавшій его предметъ неожиданно вошелъ въ наше сознаніе и притомъ имѣетъ для насъ большую цѣну. При аффектѣ радости увеличивается сила и ускоряется ходъ душевной и физической дѣятельности субъекта, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ при гнѣвѣ. Ассоціація идей и теченіе мыслей необыкновенно облегчаются, чувствуется невыразимое внутреннее удовольствіе, является стремленіе доставить пріятность другимъ, затрудняется доступъ въ сознаніе всего непріятнаго. Кровообращеніе и дыханіе ускоряется,—но рѣдко до такой степени, чтобы нарушилась ихъ правильность, глаза получаютъ особый блескъ, лицо краснѣетъ, на немъ играетъ улыбка, голосъ повышается, не лишаясь своей мягкости, возникаетъ стремленіе къ смѣху, пѣнію, танцамъ и другимъ быстрымъ и вмѣстѣ ритмическимъ движеніямъ.

Аффектъ страха вызывается представленіемъ великой или неопредѣленной опасности, трудно или вовсе неустранимой, угрожающей намъ или дорогому намъ лицу въ данное время или въ недалекомъ будущемъ. Высшая степень страха называется ужасомъ. Страхъ какъ бы пріостанавливаетъ теченіе душевной и тѣлесной жизни, не прекращая ея. Власть надъ произвольными мускулами и вообще самообладаніе уничтожается, голосъ разсудка умолкаетъ, всякая надежда покидаетъ, вниманіе всецѣло приковывается къ предмету страха; одно воображеніе часто обнаруживаетъ живую дѣятельность, создавая самые ужасные образы. Тѣлесныя силы парализуются. Человѣкъ въ ужасѣ дрожитъ, не можетъ защищаться, ни бѣжать, ни даже вскрикнуть; глаза сильно раскрываются; дыханіе

становится тяжелымъ, кровообращеніе замедляется, сердце замираетъ, лицо блѣднѣетъ, ощущается ослабленіе въ желудкѣ, выступаетъ холодный потъ, иногда сѣдѣютъ волосы.

Печаль возникаетъ подъ вліяніемъ потери какого-либо блага, также подъ вліяніемъ наличнаго или ожидаемаго зла. Она, слѣдов., можетъ быть опредѣлена, какъ страданіе по поводу страданія или какъ двойное страданіе. Въ состояніи печали теряется интересъ къ внѣшнимъ явленіямъ, ни къ какой работѣ не тянетъ, стремленія, желанія ослабѣваютъ въ своей интенсивности. Получается чрезвычайно мучительное сознаніе какой-то душевной пустоты. Внѣшнимъ выраженіемъ печали служитъ подавленность всѣхъ органическихъ отправленій, имѣющая не острый, а пассивный характеръ,—представляющая не остановку ихъ, а пониженіе. Глаза тускнѣютъ и вваливаются въ орбиты, лицо блѣднѣетъ, всѣ мускулы ослабѣваютъ, голова поникаетъ, руки кажутся тяжелыми, аппетитъ пропадаетъ, въ груди ощущается сжатіе и сосаніе, на глаза навертываются слезы.

Аффектъ стыда возникаетъ при мысли, что люди могутъ дурно отозваться о нашей личности или даже подумать. Это волненіе играетъ важную роль въ общественной жизни. Но такъ какъ людское мнѣніе часто исходитъ изъ оцѣнки однихъ внѣшнихъ достоинствъ человѣка или изъ неправильной оцѣнки внутреннихъ, то стыдъ нерѣдко вмѣсто того, чтобы удерживатъ отъ зла, даже наталкиваетъ на зло (ложный стыдъ). При аффектѣ стыда мысль о мнѣніи другихъ какъ бы клиномъ врѣзывается въ душу, выводя ее тѣмъ изъ обычнаго равновѣсія, отчего это волненіе сопровождается внутреннимъ замѣшательствомъ. Стыдъ обнаруживается во внѣ внезапной краской лица, вызываемой минутнымъ параличемъ сосудо-съуживающихъ нервовъ и въ концентрическихъ оборонительныхъ движеніяхъ, въ безотчетномъ стремленіи закрыть или скрыть нѣкоторыя части тѣла.

Значеніе чувствованій для душевной жизни.

§ 89. Значеніе чувствованій весьма велико. Ни слова, ни мысли, ни даже поступки не выражаютъ такъ вѣрно нашей личности и нашихъ отношеній къ міру, какъ сердечныя волненія. Въ нихъ слышится характеръ не отдѣльной только мысли или рѣшенія, но всего содержанія души. Въ мысляхъ можно обманывать самого себя, но чувствованія каждому говорятъ, что̀ онъ такое на дѣлѣ. Иногда человѣку кажется, что онъ, напр., безкорыстно и искренно любитъ своихъ друзей, но если извѣстіе о неожиданномъ обогащеніи или возвышеніи его друга возбудитъ въ немъ не радость, а печаль, то мнѣніе этого человѣка объ отношеніяхъ его къ друзьямъ ошибочно.

Чувствованія оказываютъ большое вліяніе и на способность познанія и на способность желаній.

Чувствованія содѣйствуютъ доступу въ сознаніе ощущеній, представленій и мыслей, гармонирующихъ съ ними и, наоборотъ, затрудняютъ доступъ съ ними не гармонирующихъ. Поклонникъ фетиша видитъ и тѣ немногіе случаи, которые, повидимому, подтверждаютъ его вѣру, что будто онъ получаетъ помощь отъ своего священнаго камня, но не замѣчаетъ многочисленныхъ случаевъ, подрывающихъ эту вѣру. Людямъ, интересы которыхъ приходятъ въ столкновеніе, что вслѣдствіе себялюбія чрезвычайно трудно бываетъ понимать чужіе доводы и довѣрять правдивости другихъ. Нерѣдко можно видѣть, говоритъ Минто, совѣщанія капиталистовъ съ рабочими, на которыхъ каждая изъ сторонъ совершенно неспособна оцѣнить значеніе доводовъ другой стороны и удивляется ея ослѣпленію [1]). Многія иллюзіи и галлюцинаціи въ своемъ происхожденіи обусловливаются вліяніемъ на воображеніе сердечныхъ волненій (§ 42 и 43). Разъ то или иное явленіе сознанія находится въ тѣсной связи съ чувствованіемъ, оно тверже запоминается и легче воспроизводится, чѣмъ явленія, не имѣющія подобной связи. „Среди идей, возникающихъ въ сознаніи, происходитъ безсозна-

---

[1]) Минто. Индукт. и дедукт. логика, 32—33 стр.

тельный подборъ", смотря по тому, веселъ ли человѣкъ или грустенъ, преобладаетъ ли въ немъ тщеславіе или смиреніе.

Велико также вліяніе сердца на волю и практическую дѣятельность человѣка. Сильныя душевныя волненія порабощаютъ волю точно такъ же, какъ и ослѣпляютъ умъ. Умѣренныя по силѣ волненія укрѣпляютъ волю. Удовольствіемъ и неудовольствіемъ природа подталкиваетъ и заманиваетъ насъ къ выполненію тѣхъ стремленій, которыя вложены въ нашу душу и тѣло. Если бы ощущенія голода не сопровождались страданіями, то ребенокъ могъ бы умереть отъ голода вскорѣ послѣ рожденія. Скука побуждаетъ къ постоянной дѣятельности.

Въ случаѣ ослабленія сердечной чувствительности понижается и разстраивается ходъ психической жизни. Весьма часто, напр., случается ослабленіе способности волноваться по поводу внѣшнихъ поступковъ. Человѣкъ съ большимъ стараніемъ обдумываетъ разные планы, избираетъ цѣли, подыскиваетъ средства, но осуществленіе плановъ, примѣненіе средствъ къ дѣлу не можетъ его интересовать, а потому онъ о томъ и не заботится. Полная потеря способности чувствованія наблюдается крайне рѣдко, при нѣкоторыхъ видахъ душевныхъ болѣзней (напр., при идіотизмѣ).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Способность желаній.

Психическая жизнь человѣка не ограничивается ощущеніями, представленіями, понятіями, идеями, сердечными волненіями, словомъ, отправленіями способностей познанія и чувствованія. Самонаблюденіе открываетъ существованіе въ душѣ еще инстинктовъ, влеченій, желаній, хотѣній, склонностей, привычекъ и страстей. Эти явленія имѣютъ то общее, что они выражаютъ внутреннюю энергію человѣка, управляютъ психическою и физическою его дѣятельностью и заключаютъ въ себѣ стремленіе къ чему-либо. Душевная способность, производящая этотъ классъ явленій, называется способностью желаній или воли въ обширномъ смыслѣ [1]).

[1]) Чтобы изслѣдованіе способности желаній, въ обширномъ смыслѣ (которую, кажется, лучше называть способностью стремленій), было успѣшнымъ, необходимо имѣть въ виду: а) что инстинкты, влеченія, желанія, хотѣнія, склонности, привычки и страсти суть различные психическіе факты; б) что, поэтому, вѣрное и точное понятіе о нихъ можно составить не иначе, какъ изучивъ отношеніе каждаго изъ нихъ къ остальнымъ; в) что влеченія, желанія и хотѣнія составляютъ форму, которую принимаютъ инстинкты, склонности, привычки и страсти, входя въ сознаніе и г) что только инстинкты и нѣкоторыя склонности прирождены, привычки же и страсти образуются въ жизни, хотя склонности, лежащія въ ихъ основѣ, конечно, могутъ быть и врождены.

Формы проявленія способности желаній.

Способность желаній обнаруживается въ формѣ или инстинктивныхъ стремленій, или желаній въ строгомъ смыслѣ и хотѣній. Подобно всѣмъ живымъ существамъ, человѣкъ, сообразно съ организаціей своей природы, имѣетъ опредѣленныя потребности. Неудовлетворенная потребность возбуждаетъ въ сознаніи непріятное чувство безпокойства. Такое состояніе замѣченной потребности, соединенное съ безотчетнымъ влеченіемъ къ тому или иному роду дѣятельности, и есть инстинктъ. Какъ только мы нѣсколько разъ удовлетворимъ инстинктивное стремленіе и узнаемъ, чѣмъ и какъ удовлетворили, то это стремленіе, пробуждаясь въ душѣ, будетъ уже сопровождаться представленіемъ цѣли и средствъ, т.-е. получитъ форму желанія или хотѣнія.

А) Инстинктивныя стремленія.

Общій характеръ инстинктивныхъ стремленій; ихъ раздѣленіе.

§ 90. Инстинктивными стремленіями называются прирожденныя, безотчетныя и непроизвольныя влеченія, побуждающія людей къ цѣлесообразнымъ движеніямъ, выполняемымъ одинаково каждымъ человѣкомъ при соотвѣтственныхъ условіяхъ. Инстинктъ имѣетъ пассивную и активную стороны; онъ проявляется не только, какъ чувство недостатка, страданія, но вмѣстѣ и какъ внутренняя энергія, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ устранить недостатокъ, страданіе [1]).

Характеристическими особенностями инстинктивныхъ стремленій служитъ ихъ прирожденность, безотчетность, непроизвольность, цѣлесообразность и видовой характеръ.

Инстинкты прирождены. Составляя прямое и непосредственное выраженіе нашей физической и психической

---

[1]) Ульрици Тѣло и душа, 592, 593 стр.

организаціи, они не обусловливаются въ своемъ происхожденіи предварительнымъ опытомъ, не пріобрѣтаются въ жизни, но возникаютъ сразу и цѣликомъ, какъ только даны для того необходимыя условія. Хотя инстинкты вложены въ самую природу человѣка, не всѣ они проявляются въ моментъ его рожденія. Многіе изъ нихъ пробуждаются только въ извѣстномъ возрастѣ. Отсюда, сталкиваясь съ соотвѣтствующими данному инстинкту предметами въ періодъ наибольшей способности его къ развитію, мы привыкаемъ воздѣйствовать на нихъ всегда опредѣленнымъ образомъ. Если же намъ не пришлось въ свое время встрѣтиться съ предметами, соотвѣтствующими данному инстинкту, то у насъ не можетъ образоваться этой привычки, и при встрѣчѣ съ ними въ послѣдующей жизни мы не реагируемъ на нихъ такъ, какъ инстинктивно реагировали бы въ болѣе раннемъ возрастѣ. Весьма возможно, напр., что дитя, которое растетъ одинокимъ въ тѣ годы, когда потребность къ играмъ бываетъ очень велика и которое не учится играть въ мячъ, грести, кататься на конькахъ, ловить рыбу и т. д.,—весьма возможно, что такое дитя и во всю свою остальную жизнь не почувствуетъ желанія приняться за эти развлеченія, хотя бы ему и представлялось потомъ не мало удобныхъ для того случаевъ.

Безотчетность инстинктовъ состоитъ въ томъ, что они первоначально отличаются неопредѣленнымъ характеромъ. Инстинктивное стремленіе доходитъ до сознанія въ видѣ непріятнаго чувства безпокойства (недостатка) и смутнаго влеченія, не сопровождаясь представленіемъ о средствахъ къ удовлетворенію стремленія и о цѣли, къ которой приводитъ употребленіе этихъ средствъ. Безъ сомнѣнія, новорожденный младенецъ не имѣетъ никакого понятія ни о пищѣ вообще, ни, тѣмъ болѣе, о ея необходимости, а между тѣмъ, побуждаемый чувствомъ голода, онъ надлежащимъ образомъ выполняетъ сложный и нелегкій процессъ сосанія.

Инстинктивныя стремленія въ своемъ происхожденіи

нисколько не зависятъ отъ воли въ строгомъ смыслѣ. Они пробуждаются въ душѣ вслѣдствіе естественныхъ потребностей, возникаютъ сами собою, нерѣдко даже вопреки нашему желанію или хотѣнію. Правда, можно противиться пробудившемуся инстинкту, но совершенно подавить его однимъ усиліемъ воли нельзя; онъ будетъ заявлять о себѣ, пока не произведемъ соотвѣтствующей ему дѣятельности.

„Инстинкты всегда бываютъ общи для цѣлаго вида, за исключеніемъ нѣсколькихъ индивидовъ, которые вслѣдствіе этого и въ этомъ именно отношеніи являются ненормальными. Напр., нѣкоторые инстинкты отсутствуютъ у идіотовъ“. Видовой характеръ инстинктовъ служитъ отличіемъ для нихъ при сравненіи ихъ съ тѣми склонностями, которыя переходятъ наслѣдственно.

Инстинктъ прирожденъ. Онъ не пріобрѣтается въ жизни. Человѣкъ никогда съ нимъ не разстается. Но до сознанія онъ доходитъ не постоянно, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обусловливающая его потребность поднимется до извѣстной степени силы и не заслоняется другою болѣе сильною потребностью. Тогда инстинктъ обыкновенно обнаруживается въ формѣ безотчетнаго и непроизвольнаго стремленія или влеченія. Влеченіе есть спеціальная форма, которую принимаетъ инстинктъ, пробуждаясь въ душѣ [1]).

---

[1]) На извѣстной ступени психическаго развитія человѣкъ получаетъ точное и ясное представленіе о цѣли и средствахъ инстинкта. Но и теперь инстинктъ не перестаетъ быть инстинктомъ. Заявляя о себѣ въ сознаніи, онъ всегда сразу пробуждается въ формѣ безотчетнаго влеченія, хотя бы не медля затѣмъ и принялъ форму опредѣленнаго желанія или хотѣнія, если у субъекта возникаетъ мысль о цѣли инстинкта и рѣшеніе не отказать ему въ удовлетвореніи. Вообще, только тогда можно получить правильное, несбивчивое понятіе объ инстинктѣ, когда будетъ принято во вниманіе, что инстинктъ есть явленіе не прерывающееся, такъ сказать, хроническое, тогда какъ влеченія, желанія, хотѣнія возникаютъ по временамъ, суть явленія момента или спорадическія.

Инстинктивныя стремленія удобно дѣлятся на три группы. Одни изъ нихъ своимъ источникомъ имѣютъ тѣло, т.-е. организмъ съ его потребностями. Они могутъ быть названы тѣлесными или органическими. Источникомъ другихъ инстинктовъ служитъ главнымъ образомъ душа съ ея потребностью въ жизни, въ дѣятельности [1]). Ихъ можно назвать душевными. Неоднородность душевныхъ инстинктовъ съ органическими видна изъ того, что они часто идутъ съ ними въ разрѣзъ и что удовлетвореніе ихъ сопровождается тратой физическихъ силъ, которыя пріобрѣтаются растительными процессами тѣла. Кромѣ тѣхъ и другихъ инстинктивныхъ стремленій, въ душѣ человѣка существуютъ еще особыя стремленія. Они необъяснимы ни изъ органическихъ потребностей тѣла, ни изъ стремленія къ жизни; они свойственны одному только человѣку, какъ существу, стоящему выше всѣхъ земныхъ тварей и носящему въ себѣ образъ Божій. Ихъ можно назвать духовными. Если стремленія душевныя въ своемъ происхожденіи отчасти обусловливаются и органическими потребностями тѣла, то духовныя всегда и исключительно исходятъ изъ чисто духовныхъ потребностей. Тѣлесныя стремленія, въ противоположность стремленіямъ душевнымъ и духовнымъ, назовемъ низшими.

а) Низшія или органическія инстинктивныя стремленія.

Низшія или органическія инстинктивныя стремленія.

§ 91. Къ низшимъ инстинктивнымъ стремленіямъ относится инстинктъ самосохраненія съ его различными видами и инстинктъ пріобрѣтенія.

Признавая, что въ основѣ низшихъ инстинктовъ лежатъ органическія потребности тѣла, мы въ то же время нисколько не думаемъ отрицать участіе въ ихъ образо-

---

[1]) Быть или существовать (цѣль тѣлесныхъ инстинктовъ) не то же, что жить. Мы существуемъ для того, чтобы жить, а не наоборотъ. Вотъ почему человѣкъ, потерявъ возможность жить, часто прекращаетъ свое существованіе. Ушинскій. Опытъ педаг. антропологіи, 385—388 стр.

ваніи души. Непріятное чувство недостатка, которымъ они заявляютъ о себѣ въ сознаніи, несомнѣнно, является въ нихъ элементомъ психическимъ, точно такъ же, какъ и влеченіе къ тѣмъ или инымъ движеніямъ. Притомъ, жизнь и развитіе организма только на первыхъ порахъ служитъ самостоятельною цѣлью инстинктивныхъ дѣйствій, съ развитіемъ же жизни сознанія прежняя цѣль становится простымъ средствомъ для дѣятельности душевной.

Инстинктъ самосохраненія побуждаетъ человѣка къ употребленію средствъ, необходимыхъ для поддержанія его тѣлеснаго существованія, и къ избѣжанію, устраненію и преодолѣнію внѣшнихъ вліяній, причиняющихъ вредъ органической жизни, разстраивающихъ ея ходъ или даже могущихъ совсѣмъ ее прекратить. Этотъ инстинктъ обнаруживается въ формѣ стремленія къ пищѣ и питью, необходимымъ для нашего питанія; отвращенія къ нѣкоторымъ твердымъ и жидкимъ питательнымъ веществамъ, въ большинствѣ случаевъ вреднымъ для организма (къ горькимъ вкусамъ, гнилымъ запахамъ, къ паразитамъ и ядовитымъ животнымъ); въ стремленіяхъ ко сну и отдыху, къ тѣлеснымъ движеніямъ и, наконецъ, въ стремленіи къ самозащитѣ, типичнымъ выраженіемъ котораго является инстинктивный страхъ и гнѣвъ. Даже взрослый человѣкъ, находясь одинъ въ лѣсу ночью, нерѣдко испытываетъ чувство робости, хотя бы онъ былъ увѣренъ, что кругомъ нѣтъ никакой опасности.

Инстинктъ пріобрѣтенія можетъ быть разсматриваемъ, какъ особый видъ инстинкта самосохраненія [1]). Люди заботятся о матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, чтобы обезпечить средства къ своему существованію. Этотъ инстинктъ, какъ и всякій другой, долженъ быть руководимъ разумомъ

---

[1]) Инстинктъ пріобрѣтенія ошибочно причисляютъ къ инстинктамъ духовнымъ. Онъ исходитъ только изъ органическихъ потребностей и присущъ не одному человѣку, но и многимъ животнымъ. Такъ,—муравьи, пчелы, лисицы, бѣлки дѣлаютъ себѣ запасы питательныхъ веществъ.

и сдерживаемъ волей; иначе онъ легко можетъ привести къ скупости.

б) Душевныя инстинктивныя стремленія.

Органическіе инстинкты присущи всѣмъ животнымъ. Какъ у животныхъ, такъ и у человѣка они обусловливаются однѣми потребностями тѣла или организма. Душевными инстинктами надѣлены только высшіе классы животныхъ. У человѣка въ основѣ ихъ лежатъ не только тѣлесныя потребности, но еще болѣе душевныя. Къ нимъ относятся—инстинктъ подражанія, семейные инстинкты и общественные.

Инстинктъ подражанія (игры). Семейные инстинкты.

§ 92. Стремленіе къ подражанію исходитъ изъ потребности къ дѣятельности или, иначе, изъ потребности вообще развивать свои физическія и психическія силы. Дитя, располагая слишкомъ скуднымъ личнымъ опытомъ, а потому не зная, какими дѣйствіями лучше всего удовлетворять пробудившейся въ немъ потребности тѣлесныхъ движеній, дѣятельности психической, обращается къ опыту окружающихъ лицъ и подражаетъ имъ. Подражательность бываетъ велика и у людей зрѣлаго возраста, душевное содержаніе которыхъ такъ бѣдно, что не можетъ удовлетворять ихъ собственной потребности къ дѣятельности.

Стремленіе къ подражанію всего яснѣе обнаруживается въ дѣтскихъ играхъ. Во время игры дѣти копируютъ отношенія и поступки взрослыхъ людей. Но игры дѣтей, служа выраженіемъ инстинкта подражанія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ и ихъ стремленія къ самодѣятельности. Величайшее удовольствіе доставляетъ ребенку не та игрушка, которая даетъ ему только повтореніе однихъ и тѣхъ же образовъ, а часто самая простая и неказистая, побуждающая его строить и осуществлять (реализировать) собственныя комбинаціи представленій, напр., куча песку, палка, замѣняющая коня, кукла.

Основнымъ семейнымъ инстинктомъ должно признать половое влеченіе. Хотя онъ, между прочимъ, вытекаетъ

изъ потребности продолженія рода и это нерѣдко сообщаетъ ему слишкомъ чувственный характеръ, тѣмъ не менѣе и его психическая сторона, а именно потребность любви и духовнаго общенія, составляетъ столь же первоначальный, непроизводный и существенный элементъ. Это подтверждается тѣмъ, что человѣкъ даже въ самомъ грубомъ состояніи пробудившееся половое влеченіе не удовлетворяетъ совмѣстною жизнью съ первой попавшейся ему женщиной, но избираетъ подругу по своему индивидуальному вкусу. Вкусъ же не есть произведеніе тѣлеснаго организма, а есть выраженіе психической своеобразности, слѣдствіе внутренняго стремленія этого именно мужчины къ этой именно женщинѣ.

Такъ какъ стремленіе къ продолжительной совмѣстной жизни мужчины и женщины служитъ необходимымъ условіемъ семейнаго (брачнаго) союза, то половая любовь, очевидно, является только обнаруженіемъ потребности въ семейномъ союзѣ. А такъ какъ семейный союзъ составляетъ основную форму общественныхъ отношеній, то инстинктъ, на которомъ основывается связь членовъ семьи, можно разсматривать, какъ основной соціальный инстинктъ.

Общественные инстинкты въ тѣсномъ смыслѣ.

§ 93. Общественные инстинкты свойственны не только человѣку, но и многимъ животнымъ. Но у животныхъ конечною цѣлью ихъ служитъ удовлетвореніе потребностей тѣлесныхъ. Присутствіе же этихъ инстинктовъ въ человѣкѣ находитъ для себя объясненіе не только въ тѣлесныхъ, но и въ душевныхъ потребностяхъ. Органическая жизнь человѣка зависитъ отъ общенія съ другими людьми и ихъ помощи. Самымъ нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что новорожденное дитя безъ надлежащаго ухода родителей погибаетъ. Не въ меньшей зависимости отъ жизни въ обществѣ другихъ находится и удовлетвореніе нашихъ потребностей психическихъ, развитіе нашихъ душевныхъ способностей. Безъ изученія языка, безъ руководства и примѣра не достигаютъ правильнаго и надлежащаго раз-

витія ни сознаніе, ни самосознаніе, а вслѣдствіе этого и вмѣстѣ съ этимъ ни разсудокъ, ни разумъ, ни воля, ни чувство. Лишенный почему-либо общенія съ себѣ подобными, человѣкъ испытываетъ скуку, а если это продолжится долго, то онъ можетъ дойти до отчаянія или даже одичать.

Общественные инстинкты представляютъ собой великій голосъ природы, говорящій всякому живому существу, что онъ — только часть міра. Но люди, понявъ этотъ голосъ природы, не слѣпо и безотчетно повинуются ему, а сознательно и разумно: они создаютъ различныя общества съ цѣлью все выше и выше развивать и совершенствовать свои разнообразныя духовныя силы. Отсюда, общества ученыя, преслѣдующія идею истины, отсюда государство, стремящееся установить правду практическую, отсюда различныя ассоціаціи и товарищества. Конечно, своеобразное развитіе соціальныхъ формъ человѣческой жизни составляетъ продуктъ культуры, но то, что они вообще существуютъ, или ихъ первоначальный источникъ, зависитъ отъ особаго инстинкта [1]).

в) Духовныя инстинктивныя стремленія.

§ 94. Къ духовнымъ инстинктивнымъ стремленіямъ относятся стремленія къ знанію, добру и красотѣ.

Инстинктивное стремленіе къ знанію проявляется, какъ стремленіе къ умноженію и пріобрѣтенію интеллектуальнаго богатства и какъ стремленіе къ приведенію его въ порядокъ. Стремленіе къ пріобрѣтенію знаній проявляется въ любопытствѣ и въ жаждѣ знаній. Любопытный старается образовать и сохранить все больше и больше новыхъ представленій, каково бы ни было ихъ научное достоинство. При благопріятныхъ условіяхъ (природныя дарованія и образованіе) любопытство можетъ привести къ жаждѣ знаній, побуждающей къ пріобрѣ-

---

[1]) Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, 2 изд. 432, 433 стр.

тѣнію только такихъ представленій, которыя имѣютъ объективное значеніе. Стремленіе къ приведенію въ порядокъ представленій къ самостоятельной ихъ переработкѣ выражается въ разсмотрѣнныхъ выше играхъ дѣтей, въ созданіи ими сказокъ и вообще въ творчествѣ.

Инстинктивное стремленіе къ добру обнаруживается въ природномъ расположеніи человѣка къ честному и правдивому, въ сознаніи имъ того, что дѣйствительность часто не такова, какою она должна быть, въ недовольствѣ при видѣ несоотвѣтствія между нравственнымъ достоинствомъ личности и ея внѣшнимъ благополучіемъ. Это стремленіе къ добру пробуждается у дѣтей въ формѣ естественной совѣстливости; оно руководитъ жизнью дикарей, нерѣдко поражающихъ наблюдателя своей правдивостью, вѣрностью слову, гостепріимствомъ и т. д.

Инстинктивное стремленіе къ прекрасному проявляется въ природномъ влеченіи къ украшенію своего тѣла и жилища, въ эстетическомъ наслажденіи прекрасными явленіями природы, и искусства, въ художественномъ творчествѣ. Даже дикарь, побуждаемый этимъ стремленіемъ, заботится объ украшеніи своего тѣла перьями, татуировкой, раковинами еще раньше, чѣмъ научится прикрывать его отъ вредныхъ вліяній температуры.

Б) Воля.

На основаніи опытовъ удовлетворенія инстинктивныхъ влеченій образуются желанія и хотѣнія. Хотѣніе есть актъ, въ строгомъ смыслѣ волевой.

Желаніе и хотѣніе.

§ 95. Желаніе—сложное душевное состояніе. Въ составъ его входятъ: стремленіе къ чему-либо, представленіе предмета, къ которому стремленіе направлено, и воспоминаніе чувствованія, испытаннаго раньше при тѣхъ или иныхъ опытахъ осуществленія стремленія.

Что желаніе должно заключать въ себѣ стремленіе, это понятно само собою. Стремленіе составляетъ суще-

ственную отличительную черту всякой психической активности: гдѣ его нѣтъ, тамъ скорѣе возможенъ (по крайней мѣрѣ въ абстракціи, если не на дѣлѣ) познавательный процессъ или сердечное волненіе, но ни въ какомъ случаѣ не проявленіе воли въ широкомъ смыслѣ. Только стремленіе выступаетъ въ желаніи не особенно явственно; часто при самомъ сильномъ желаніи оно бываетъ очень слабымъ.

Чувствованіе является элементомъ второстепеннымъ. Въ моментъ пробужденія желанія сознанію присуще не само сердечное волненіе, а лишь воспоминаніе о немъ, т.-е. представленіе вызывающаго его предмета. Потомъ уже это представленіе можетъ возбудить связанное съ нимъ реальное чувство, которое способно подняться до высокой степени интенсивности и содѣйствовать развитію желанія. Во всякомъ случаѣ, во время зарожденія послѣдняго чувствованіе не играетъ главной роли, почему ошибочно утверждать, что основою желанія всегда служитъ наслажденіе или страданіе [1]).

Въ составъ желанія всегда входитъ идея его предмета. Инстинктивное безотчетное влеченіе направляется къ тому, чего мы не знаемъ или чего, по крайней мѣрѣ, не представляемъ въ данный моментъ, когда невольно слѣдуемъ влеченію. Но желать человѣкъ можетъ только того, что представляетъ себѣ болѣе или менѣе ясно. „Ignoti nulla cupido". Идея объекта желанія, притомъ идея живая и ясная, является преобладающимъ его элементомъ. „Желаніе", говоритъ одинъ психологъ, „отличается созерцательнымъ характеромъ". Поэтому-то всѣ обстоятельства, способствующія слишкомъ живому представленію объекта какого-либо стремленія, сосредоточенію на немъ вниманія, различенію его содержанія въ подробностяхъ и съ прикрасами,—всѣ такія обстоятельства

---

[1]) На чувствованія, какъ на основу желанія, смотрятъ Бэнъ и Вундтъ, но Гефдингъ, Джэмсъ, Рибо, Снегиревъ не раздѣляютъ такого взгляда.

благопріятствуютъ усиленію желанія до крайней степени напряженія.

Такъ какъ при желаніи стремленіе выступаетъ въ сознаніи очень слабо, будучи оттѣснено воображаемымъ образомъ его объекта, то въ немъ мало импульсивной къ дѣйствію силы. Само по себѣ желаніе не требуетъ увѣренности къ достижимости цѣли, ни знанія нужныхъ для того средствъ. Часто предметомъ его служитъ недостижимое или несуществующее. Даже при полной возможности и легкости исполненія желанія, оно можетъ не переходить въ дѣятельность, оставаться простымъ желаніемъ.

Въ хотѣніи, подобно тому какъ и въ желаніи, съ стремленіемъ соединяется ясное представленіе его предмета или цѣли. Однако желать еще не значитъ хотѣть. Хотѣніе, кромѣ знанія цѣли, всегда необходимо предполагаетъ знаніе ведущихъ къ ней средствъ и убѣжденіе въ ея достижимости. „Кто говоритъ: я хочу—тотъ уже въ своихъ мысляхъ овладѣлъ будущимъ. Онъ уже видитъ себя выполняющимъ... Покажите ему, что онъ не можетъ, и онъ уже не хочетъ болѣе, если васъ понимаетъ. Желаніе, можетъ быть, останется“ (Гербартъ). Желаніе своимъ предметомъ обыкновенно имѣетъ неосуществимое, даже не существующее. Хотѣніе же направляется къ достижимому или тому, что̀, по крайней мѣрѣ, кажется достижимымъ, скрытая энергія души при немъ находитъ себѣ выходъ во внѣ, выражается рѣшимостью совершить дѣйствіе. Въ желаніи преобладаетъ дѣятельность воображенія, при немъ въ сознаніи господствующее мѣсто занимаетъ живое представленіе того или другого предмета. Хотѣніе предполагаетъ участіе разсудочной работы; разсудокъ производитъ оцѣнку цѣли и изысканіе средствъ для ея осуществленія. Различіе между желаніемъ и хотѣніемъ иногда доходитъ до полнаго взаимнаго ихъ противорѣчія. Мы можемъ желать того, чего не позволяемъ себѣ хотѣть и, наоборотъ, по рѣшенію своей воли можемъ поступить въ разрѣзъ съ своими желаніями.

Понятіе о волѣ. Процессъ ея дѣятельности. Рѣшимость. Воля слабая и энергическая.

§ 96. Подъ волей, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣется способность души сознательно, обдуманно и свободно—по собственному выбору и рѣшимости—опредѣлять себя къ дѣятельности.

Всякій актъ воли, при помощи котораго образуется хотѣніе, есть сложный процессъ. Въ немъ различаются слѣдующіе моменты: борьба мотивовъ, обсужденіе ихъ и выборъ, нерѣдко обсужденіе и выборъ средствъ, рѣшимость [1]) и, наконецъ, совершеніе дѣйствія.

Воля всегда нуждается въ побужденіи къ дѣятельности или въ мотивѣ. Мотивъ имѣетъ отрицательную сторону и положительную. Отрицательную сторону его составляетъ чувство настоящаго недостатка—тѣлесной или душевной потребности. Положительную сторону его составляетъ мысль о болѣе совершенномъ состояніи, какъ цѣли будущаго дѣйствія. Мотивы, значитъ, могутъ быть кратко опредѣлены, какъ потребности и идеалы.

Человѣкъ имѣетъ самыя разнообразныя потребности—естественныя и природныя, физіологическія и психическія, умственныя и сердечныя, нравственныя и эстетическія и т. д. Иногда онѣ противорѣчатъ одна другой. Порывъ къ чувственнымъ наслажденіямъ сталкивается съ внушеніями благоразумія, состраданіе—съ требованіями долга, привязанность къ родителямъ—съ инстинктомъ самосохраненія и т. д. Поэтому мы не можемъ одновременно удовлетворить всѣмъ потребностямъ, сознаваемымъ въ данную минуту, иногда даже двѣ потребности и въ различное время не могутъ быть удовлетворены. Возникаетъ чувство внутренняго безпокойства, извѣстное подъ именемъ нерѣшительности. Пока оно продолжается, мы обдумываемъ, подвергаемъ обсужденію различные мотивы и избираемъ одинъ изъ нихъ. Если къ удовлетворенію потребности, къ достиженію цѣли ведетъ одинъ путь, одни средства, то выборъ тотчасъ приводитъ къ рѣшимости воспользоваться средствами, т.-е. совершить

---

[1]) Состояніе души въ моментъ рѣшимости и называется хотѣніемъ.

извѣстное дѣйствіе. Чаще же одна и та же цѣль можетъ быть достигнута при помощи различныхъ средствъ. Въ такомъ случаѣ воля приводитъ въ исполненіе принятое рѣшеніе послѣ того лишь, какъ произведена оцѣнка возможныхъ средствъ, и избрано лучшее изъ нихъ.

Обсужденіе мотивовъ (а равно и средствъ) иногда продолжается очень долго, тянется цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы. „Что-то подсказываетъ намъ, что мотивы, казавшіеся неважными, усилятся, а мнимо сильные потеряютъ всякое значеніе; что мы еще должны ихъ взвѣшивать, не отдавая предпочтенія которому либо изъ нихъ, и терпѣливо ждать, пока не созрѣетъ у насъ окончательное рѣшеніе". Иногда же обсужденіе бываетъ очень коротко: мы вынуждены дѣйствовать поскорѣе. Хотѣніе въ этихъ случаяхъ почти внезапно, но и тогда оно возникаетъ, благодаря тому, что мы однимъ взглядомъ сравнили и взвѣсили все „за" и „противъ".

Рѣшимость есть не что иное, какъ усиліе воли, благодаря которому въ душѣ одно стремленіе съ его мотивами получаетъ преобладаніе надъ другими стремленіями, нерѣдко направленными къ предметамъ болѣе привлекательнымъ и интереснымъ, чѣмъ предметъ перваго. Степень усилія обусловливается величиною сопротивленія. Если, напр., слабо чувственное побужденіе, то требуется и небольшое усиліе для того, чтобы подавить это побужденіе и сообщить преобладающее значеніе стремленію идеальному. Волевое усиліе необходимо отличать отъ ощущенія усилія, связаннаго съ особымъ состояніемъ мускуловъ (Бэнъ, Милль, Гефдингъ и нѣкоторые другіе психологи первое отождествляютъ съ послѣднимъ). Часто требуется большое усиліе воли при примѣненіи незначительной мышечной энергіи, напр., когда послѣ сна нужно встать съ постели или когда нужно мыться холодной водою. Въ рѣшимости, главнымъ образомъ, выражается воля. До извѣстнаго времени мы колеблемся между двумя противоположными сторонами. Но наступаетъ моментъ, который является какъ бы кризисомъ воли, когда мы

перестаемъ колебаться, когда мы безповоротно склоняемся на одну изъ сторонъ, когда, наконецъ, рѣшаемся.

Чтобы волевой актъ былъ дѣйствительно полнымъ, необходимо не только принять то или иное рѣшеніе, но и осуществить это рѣшеніе въ дѣятельности.

Средства для удовлетворенія потребностей человѣка находятся или внутри его самого, въ содержаніи его души, или во внѣшнемъ мірѣ. Отсюда дѣйствіе, являющееся заключительнымъ моментомъ волевого процесса, состоитъ то изъ внутреннихъ измѣненій сознанія, операцій души, то изъ движеній тѣла и его органовъ. Когда мы хотимъ вспомнить забытую мысль, то совершаемъ рядъ чисто-психическихъ дѣйствій. Стремленіе же къ пищѣ или питью удовлетворяется при помощи внѣшнихъ физическихъ движеній [1]).

Въ самомъ дѣйствіи можетъ встрѣтиться либо успѣхъ, либо неудача. Неудача, встрѣча препятствій вызываетъ борьбу, которая опять требуетъ напряженія воли. Слабая воля въ такомъ случаѣ часто изнемогаетъ, именно она или сразу отказывается отъ преслѣдованія избранной цѣли,

---

[1]) Отъ произвольныхъ, а также и инстинктивныхъ, движеній тѣла необходимо отличать рефлекторныя движенія, рефлексы. Если пощекотать подошву ноги спящаго, то не медля послѣдуетъ движеніе ногой. Какъ полагаетъ большинство физіологовъ, механизмъ рефлекса состоитъ въ слѣдующемъ: внѣшнее впечатлѣніе раздражаетъ периферическія окончанія чувствительнаго нерва. Послѣдній передаетъ раздраженіе спинному или продолговатому мозгу, возбуждая здѣсь опредѣленное мѣсто. Центральныя окончанія двигательнаго нерва, лежащія въ этомъ мѣстѣ, воспринимаютъ раздраженіе и проводятъ его наружу; слѣдуетъ сокращеніе мускуловъ, которые пронизываютъ волокна даннаго нерва или правильное, координированное движеніе. Рефлексы происходятъ отъ чисто физіологическихъ причинъ, не обусловливаются дѣятельностью большого мозга, совершаются во время сна точно такъ же, какъ и во время бодрствованія, независимо отъ того, сознаемъ ли мы ихъ или нѣтъ, являются ограниченнымъ и мѣстнымъ отвѣтомъ, въ которомъ участвуетъ только извѣстный органъ или опредѣленная группа мышцъ. Къ рефлексамъ обыкновенно относятся движенія легкихъ, сердца, кровеносныхъ сосудовъ и т. д.

считая препятствія непреодолимыми или обнаруживаетъ энергію при первой встрѣчѣ съ ними и оставляетъ свое рѣшеніе, коль скоро они окажутся значительными. Напротивъ, энергичная воля напрягается тѣмъ болѣе, чѣмъ труднѣе препятствія.

Свобода воли и ея границы. Отличіе свободы отъ произвола.

§ 97. Подъ свободой воли съ отрицательной стороны разумѣется независимость рѣшеній воли отъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, отъ отдѣльныхъ ощущеній, представленій, волненій и т. д. [1]). Съ положительной стороны свобода воли можетъ быть опредѣлена, какъ способность внутренняго самоопредѣленія, которая проявляется въ самостоятельномъ выборѣ между исполненіемъ извѣстнаго дѣйствія и его неисполненіемъ, въ оцѣнкѣ мотивовъ того или другого рѣшенія и средствъ къ его осуществленію. Свобода составляетъ существенное свойство воли: воля безъ свободы не была бы волей, а только инстинктомъ или желаніемъ.

Свобода воли — фактъ, не подлежащій сомнѣнію. „Пусть каждый изъ насъ, говоритъ Боссюэтъ, прислушается къ самому себѣ и онъ почувствуетъ свою свободу“. Дѣйствительно, чувство свободы присуще всѣмъ моментамъ волевого процесса. При обсужденіи какого-либо намѣренія мы сознаемъ, что отъ насъ зависитъ принять его или отвергнуть. Когда обсужденіе кончено, и явилась рѣшимость дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, мы сознаемъ, что никакія побужденія сами по себѣ не вынудили у насъ рѣшимости. Приводя въ исполненіе свое рѣшеніе, т.-е. совершая дѣйствіе, мы ясно сознаемъ,

---

[1]) У животныхъ нѣтъ свободы. Ихъ движенія всецѣло обусловливаются или внѣшними вліяніями, или внутренними инстинктивными влеченіями, вытекающими изъ физіологической потребности сохранять и поддерживать свою индивидуальную и родовую жизнь. Животное слѣпо подчиняется этимъ побужденіямъ и безотчетно слѣдуетъ сильнѣйшему изъ нихъ. Оно никогда не проявляетъ ни пониманія смысла и цѣли своихъ дѣйствій, ни свободы выбора, ни самоограниченія. У нихъ потому нѣтъ и чувства отвѣтственности за свои дѣйствія.

что оно находится въ нашей власти: можно его продолжать, но можно пріостановить или совершенно прекратить. Чувство свободы сохраняется даже по совершеніи дѣйствія: насъ мучитъ раскаяніе, если допущенный нами поступокъ нехорошъ; мы одобряемъ себя за хорошее дѣло; значитъ, убѣждены, что намъ было возможно поступить и такъ и иначе [1]. Итакъ, по свидѣтельству внутренняго опыта, человѣкъ свободенъ, и когда что-либо дѣлаетъ, то дѣлаетъ, не будучи вынуждаемъ къ тому такими или иными вліяніями, а потому, что самъ даетъ такое направленіе своей волѣ. Конечно, ошибочно отрицать воздѣйствіе на волю различныхъ побужденій, но они никогда не имѣютъ для нея безусловно вынудительной силы. Они служатъ лишь поводами или импульсами, вызывающими самодѣятельность въ человѣкѣ. Будутъ ли они приняты или отвергнуты, — это зависитъ отъ внутренняго направленія воли и отъ того рѣшенія, къ какому придетъ человѣкъ.

Свобода воли не есть абсолютная независимость отъ чего бы то ни было (libertas indifferentiae). Руководительной нормой для нашей воли служитъ идея блага, которая при правильномъ духовномъ развитіи сознается въ видѣ требованій нравственнаго закона или долга. Требованія нравственнаго закона служатъ предѣломъ свободѣ воли, существующимъ въ самой природѣ души. Разъ составивши взглядъ на высочайшее благо, мы стремимся къ достиженію этого блага въ своей жизни, будь нашъ взглядъ и ложенъ.

Другой предѣлъ своей свободѣ человѣкъ встрѣчаетъ во внѣ, прежде всего въ природѣ подобныхъ ему существъ, въ свободѣ людей, въ сознаніи неумѣстности поступковъ, нарушающихъ права и счастье другихъ лицъ. Чѣмъ многочисленнѣе общество, къ которому мы принадлежимъ,

[1]) Въ пользу свободы воли, кромѣ психологическихъ, существуютъ еще моральныя доказательства. Если свободы нѣтъ, то нравственныя понятія: долгъ, обязанность, отвѣтственность, заслуга—теряютъ всякій смыслъ.

тѣмъ многочисленнѣе и сложнѣе ограниченія нашей свободы, т.-е. взаимныя обязанности и права, опредѣляемыя обычаемъ и гражданскимъ закономъ.

Иного рода внѣшній предѣлъ полагаетъ свободѣ воли тѣло и вообще физическій міръ. Моя парализованная рука отказываетъ въ повиновеніи, когда я хочу писать. Мои мускулы, слишкомъ слабые, не подчиняются принятому мною рѣшенію нести очень большую тяжесть. Мать, разлученная съ своимъ сыномъ сотнями верстъ, въ одну минуту желала бы пройти это разстояніе, что физически невозможно для нея.

Указанныя ограниченія не уничтожаютъ свободы людей: они служатъ для нея только границами, внутри которыхъ воля все-таки можетъ проявлять себя въ свободной дѣятельности. Отъ насъ самихъ, отъ нашей воли зависитъ все болѣе и болѣе отрѣшаться отъ чувственныхъ влеченій и побужденій эгоизма и становиться все болѣе способными владѣть собой и управлять своими поступками. Указанныя ограниченія, говоря вообще, сохраняютъ свою силу всегда и въ отношеніи къ каждому человѣку.

Бываютъ и такія ограниченія свободы воли, которыя имѣютъ значеніе въ особыхъ случаяхъ по отношенію къ извѣстнымъ только лицамъ и которыя при этомъ совсѣмъ подавляютъ на время свободныя проявленія воли. Сюда относятся кратковременныя ненормальныя психическія состоянія, напр., аффекты и страсти, экстазъ и гипнозъ; эти состоянія овладѣваютъ человѣкомъ всецѣло; сознаніе и самосознаніе ослабѣваютъ, теряется способность активнаго вниманія и дѣятельности по внутреннему самоопредѣленію. Сюда принадлежатъ душевныя болѣзни и тѣлесныя, сопровождающіяся потерею или ослабленіемъ нѣкоторыхъ психическихъ силъ, особенно разсудка, а также неразвитость высшихъ или духовныхъ способностей, какъ это всегда бываетъ въ раннемъ періодѣ жизни человѣка... Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, строго говоря, свобода не прекращаетъ своего существованія въ человѣкѣ; если она въ данное время таится внутри души, не обнаруживая

себя въ соотвѣтствующей дѣятельности, то она можетъ обнаружиться послѣ при измѣнившихся условіяхъ.

Произволъ не то же, что свобода воли. Для него не существуетъ тѣхъ ограниченій, которыя полагаются свободѣ нравственнымъ долгомъ и волею другихъ людей; по крайней мѣрѣ онъ не хочетъ признавать ихъ обязательности. Управляемая произволомъ дѣятельность основывается на инстинктахъ, склонностяхъ, привычкахъ и страстяхъ, причемъ нравственное значеніе этихъ побужденій не принимается во вниманіе. Произволъ—извращеніе стремленія человѣческаго духа къ свободѣ, которое имѣетъ нравственный характеръ.

Практическіе принципы дѣятельности воли; удовольствіе, польза, долгъ.

§ 98. Каждый человѣкъ въ своей свободной дѣятельности руководится идеей блага или добра. Но взгляды на добро чрезвычайно различны у людей. Какъ они однако ни разнообразны, ихъ можно свести только къ тремъ. По одному взгляду благо заключается въ удовольствіи, по другому—въ пользѣ, по третьему—въ исполненіи нравственнаго долга. Отсюда три главные практическіе принципа дѣятельности воли: удовольствіе, польза и долгъ. Какому же изъ этихъ принциповъ съ психологической точки зрѣнія должно быть оказано предпочтеніе?

Принципъ удовольствія несостоятеленъ. Нельзя найти единое, общее для всѣхъ удовольствіе, а существуетъ безконечное множество разнообразныхъ удовольствій. Что для одного пріятно, то для другого можетъ быть непріятнымъ и наоборотъ. Сообразно съ этимъ принципомъ каждый самъ себѣ судья и можетъ поступать, какъ ему угодно. Удовольствіе само нуждается въ руководствѣ и не должно служить нормой для оцѣнки поступковъ. Проведеніе въ жизнь принципа удовольствія гибельно на ней отражается. Погоня за наслажденіями истощаетъ тѣло и ослабляетъ духъ. Она сопряжена съ постоянной тревогою и безпокойствомъ и, въ концѣ концовъ, приводитъ къ пресыщенію всѣмъ и даже къ отвращенію къ жизни [1]).

---

[1]) Одинъ древній философъ (Игезій Киренскій) сказалъ, что съ

Принципъ пользы переноситъ мотивы дѣятельности изъ области сердца въ область разсудка. Онъ также не долженъ служить основою практической дѣятельности. Понятіе пользы (не только личной, но и общественной) слишкомъ условно. Индивидуальныя отличія тѣлесной и душевной природы каждаго довольно разнообразны, поэтому разнообразны потребности и выгоды различныхъ лицъ. Даже потребности и выгоды одного и того же человѣка часто мѣняются. Поступокъ, который сегодня приноситъ мнѣ пользу, завтра можетъ причинить вредъ, значитъ представляется то хорошимъ, то нехорошимъ, съ точки зрѣнія пользы. Исходя изъ понятія о пользѣ, очевидно, нельзя разъ навсегда установить точныя и для всѣхъ обязательныя практическія правила. Притомъ, кто въ своей дѣятельности руководится только однимъ холоднымъ разсчетомъ, того поступки носятъ своекорыстный, эгоистическій характеръ.

Одинъ лишь принципъ долга можетъ быть нормой человѣческихъ дѣйствій. Онъ не заключаетъ въ себѣ тѣхъ недостатковъ, какими страдаютъ принципы удовольствія и пользы, и въ то же время имѣетъ всѣ свойства основного начала практической жизни. Принципъ долга переноситъ мотивы дѣятельности изъ области измѣнчивыхъ чувствованій и эгоистическаго разсудочнаго разсчета въ область несравненно высшую, разумную, идеальную. Только онъ придаетъ единство и гармонію самымъ разнообразнымъ поступкамъ, поддерживаетъ солидарность и общеніе между людьми самыхъ различныхъ положеній и характеровъ; въ силу его человѣкъ жертвуетъ и своими удовольствіями и своими выгодами.

Что одинъ лишь нравственный долгъ можетъ и долженъ быть принципомъ свободной дѣятельности, это до-

---

точки зрѣнія идонизма, жить не стоитъ потому, что стремленіе къ наслажденію или безуспѣшно и, значитъ, мучительно, или же, достигая цѣли, оказывается обманчивымъ, такъ какъ за мгновеннымъ чувствомъ удовлетворенія неизбѣжно слѣдуетъ скука и новая мучительная погоня за обманчивымъ призракомъ.

казывается отрицательнымъ и положительнымъ образомъ. Воля всегда нуждается въ руководительной нормѣ: безъ нея, не имѣя для себя твердой опоры, она постоянно находилась бы въ состояніи нерѣшительности и колебанія. Такой нормой не можетъ быть, какъ мы видѣли, ни принципъ удовольствія, ни принципъ пользы. Остается предположить, что не разсмотрѣнный еще принципъ долга есть основное начало практической дѣятельности. Въ истинности этого предположенія мы положительно убѣждаемся чрезъ разсмотрѣніе нравственнаго закона или долга, именно чрезъ изученіе его первоисточника и происхожденія, его развитія и постепеннаго раскрытія его сущности и главныхъ отличительныхъ особенностей.

Первоисточникъ нравственнаго закона; постепенное раскрытіе этого закона.

§ 99. Нравственный законъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ вытекать изъ низшихъ натуральныхъ влеченій. Они направлены къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей. Между тѣмъ, нравственный законъ побуждаетъ человѣка къ тому, чтобы онъ не допускалъ господствовать надъ собой низшимъ натуральнымъ влеченіямъ и даже боролся съ ними, когда они становятся въ противорѣчіе съ требованіями долга. Нравственный законъ не есть измышленіе одного человѣка или цѣлаго общества. Онъ не представляетъ собою явленія случайнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не находится во власти человѣка. Свободная воля и разсудокъ часто видятъ въ немъ сдерживающую границу, которую имъ хотѣлось бы даже нарушить.

Слѣдуетъ признать, что нравственный законъ или долгъ прирожденъ человѣку въ видѣ самостоятельнаго разумнаго стремленія къ абсолютному совершенству. Вѣдь, если животное имѣетъ инстинктивное влеченіе къ тому, что необходимо для его тѣла, то тѣмъ болѣе душѣ человѣка должно быть прирождено стремленіе къ нравственному добру, необходимому для жизни души. Основа нравственнаго закона глубоко заложена въ природѣ человѣческаго духа Создателемъ Богомъ, и люди повинуются этому за-

кону во имя высшаго авторитета или воли Бога, голосъ котораго слышатъ въ своей совѣсти.

Нравственный законъ по своемъ пробужденіи въ душѣ первоначально обнаруживается въ формѣ неяснаго и неопредѣленнаго чувства должнаго, вызываемаго аффектаціей души, производимой идеей ея назначенія. Какъ скоро лежащая въ основѣ этого чувства потребность соблюденія велѣній долга соединится съ яснымъ сознаніемъ, она становится чувствомъ долга. По мѣрѣ духовнаго развитія человѣка нравственный законъ получаетъ все бо̀льшую и бо̀льшую опредѣленность, принимаетъ форму ясныхъ и точныхъ правилъ въ жизнедѣятельности. Проведеніе этихъ правилъ въ жизнь обусловливается укрѣпленіемъ навыка къ наблюденію надъ собою. Чѣмъ чаще кто наблюдаетъ надъ собою, внимательнѣе присматривается къ требованіямъ, исходящимъ изъ глубины его духа, тѣмъ больше силы получаетъ идея долга. Тогда малѣйшее нарушеніе нравственнаго закона возбуждаетъ недовольство собою, раскаяніе и рѣшимость на будущее время поступать лучше.

Сущность нравственнаго закона. Его всеобщность и необходимость.

§ 100. Наша практическая дѣятельность выражаетъ наши отношенія къ внѣшнимъ предметамъ. Ея характеръ опредѣляется тѣмъ достоинствомъ, какое имѣютъ предметы, на которые направлена дѣятельность. Оцѣнка же самаго достоинства ихъ производится (или во всякомъ случаѣ должна производиться) не соотвѣтственно ихъ случайнымъ качествамъ, но сообразно съ ихъ согласіемъ или несогласіемъ съ своею идеею, т.-е. съ своею сущностью и цѣлью, а также съ природою вообще, какъ міровымъ цѣлымъ. Коль скоро предметъ согласенъ съ своею сущностью и съ міровымъ цѣлымъ, то онъ долженъ быть согласенъ и съ нашимъ собственнымъ существомъ, какъ частью мірового цѣлаго, а потому и съ нашимъ благомъ. Отсюда общее содержаніе нравственнаго закона можно формулировать такъ: „въ отношеніи къ каждой вещи поступай сообразно ея истинному достоинству, которое она обнаружила при естественномъ дѣйствіи на тебя“.

Всеобщность и необходимость составляютъ главную отличительную особенность нравственнаго закона, какъ принципа практической дѣятельности. Эти свойства сами собою вытекаютъ изъ прирожденности нравственнаго закона.

Нравственный законъ не есть что-либо извнѣ приходящее въ нашу природу, но прирожденъ нашей душѣ. А такъ какъ у людей душа по своему существу и главнымъ способностямъ одна и та же, то каждый, при надлежащемъ развитіи, долженъ одинаковымъ образомъ и воспринимать естественное дѣйствіе внѣшняго предмета и отвѣчать реакціей на это дѣйствіе. Если одному извѣстный предметъ представляется съ такимъ именно достоинствомъ, то другой человѣкъ, имѣя такую же природу, тѣ же душевныя силы и условія образованія, не можетъ цѣнить ее иначе. Всеобщій нравственный законъ оказываетъ громадное вліяніе на всѣ соціальныя отношенія, обезпечивая имъ признаніе и уваженіе или наоборотъ. Какъ ни различны эти отношенія въ разные вѣка и у разныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе никогда не прерывается та связь ихъ съ нравственнымъ закономъ, которая придаетъ имъ большее значеніе, чѣмъ просто временное, опредѣляемое пріятнымъ или полезнымъ результатомъ.

Нравственный законъ необходимъ: его требованія всегда и для всѣхъ сохраняютъ свою обязательную силу. Поэтому онъ такъ же независимъ отъ насъ, какъ законы, управляющіе теченіемъ звѣздъ, жизнью растеній и животныхъ; его требованія для нашей души осязательны не менѣе, чѣмъ законъ тяготѣнія для нашихъ тѣлъ. Однако, онъ совершенно различенъ отъ законовъ природы. Послѣдніе осуществляются безъ какого бы то ни было вмѣшательства и посредства. Нравственный законъ заключаетъ въ себѣ требованіе („ты долженъ") и въ то же время внушаетъ къ себѣ уваженіе, какъ къ авторитету; онъ предъявляетъ права на добровольное признаніе его людьми и на ихъ послушаніе ему; нравственный за-

конъ существуетъ только для тѣхъ существъ, которыя имѣютъ свободную волю [1]).

Причины уклоненія воли отъ нравственнаго закона.

§ 101. Нравственный законъ прирожденъ, всеобщъ и необходимъ. Между тѣмъ никто не слѣдуетъ ему вполнѣ, но каждый въ большей или меньшей мѣрѣ отступаетъ отъ его велѣній. Причинами уклоненія воли отъ нравственнаго закона служатъ: а) духовная неразвитость, вслѣдствіе которой отсутствуетъ ясное и точное различеніе добраго отъ дурного; б) слабость воли, когда человѣкъ, понимая правила долга, нарушаетъ ихъ, будучи не въ силахъ бороться съ чувственными влеченіями и побужденіями эгоизма; в) нечистота сердца, если человѣкъ слѣдуетъ требованіямъ нравственности не чисто, а съ примѣсью побужденій себялюбія; г) наконецъ, злобность и испорченность человѣка, если онъ намѣренно и сознательно усвояетъ правила, противныя нравственности и слѣдуетъ имъ въ своей жизни. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Дикарь, съѣдающій тѣло убитаго врага, въ надеждѣ, что физическая сила послѣдняго перейдетъ къ нему, поступаетъ дурно, какъ человѣкъ духовно-неразвитый. Кто сознаетъ вредъ пьянства, хочетъ отъ него удержаться, но не можетъ, тотъ предается пороку по слабости своей воли. Человѣкъ, жертвующій громадныя суммы на храмы и богоугодныя заведенія или строго соблюдающій посты и другія установленія Церкви, съ цѣлью показать себя предъ другими, пріобрѣсть доброе имя, нарушаетъ нравственный законъ потому, что въ своихъ повидимому добрыхъ дѣлахъ руководится нечистыми побужденіями честолюбія. Убійца, который лишаетъ ближняго жизни, съ яснымъ сознаніемъ своего преступленія, нарушаетъ нравственный законъ по своей испорченности.

Всѣ причины уклоненія воли отъ нравственнаго закона легко могутъ быть сведены къ одной — къ природному расположенію человѣка ко злу. Нравственное зло не извнѣ, не случайно сообщается людямъ. Люди внутри

---

[1]) Мартенсенъ. Христ. ученіе о нравственности. I т., 863 стр.

себя самихъ, въ своей природѣ носятъ корень зла. Поэтому-то наклонность ко злу заявляетъ о себѣ даже въ раннемъ возрастѣ, обнаруживается въ каждомъ человѣкѣ при внѣшнихъ условіяхъ, самыхъ благопріятныхъ для нравственности.

В) Вліяніе способности желаній на общій строй психической жизни.

Вліяніе способности желаній на общій строй психической жизни обнаруживается въ образованіи склонностей, привычекъ и страстей.

Склонности. § 102. Склонностью называется ясно опредѣлившееся и прочно установившееся влеченіе души, сообщающее особое направленіе внѣшней или внутренней жизнедѣятельности. Въ основаніи ея лежитъ какое-либо инстинктивное стремленіе, которое подверглось видоизмѣненію, получило спеціализацію, благодаря наслѣдственной передачѣ или личному опыту. Такъ, стремленіе къ пищѣ можетъ выражаться въ постоянномъ желаніи пищи извѣстнаго рода (постной или мясной, жирной или нежирной и т. д.), и это будетъ уже склонность. Переходъ видоизмѣненнаго инстинкта въ склонность обусловливается неоднократнымъ его удовлетвореніемъ. Допустимъ, человѣкъ имѣетъ наслѣдственное расположеніе къ спиртнымъ напиткамъ. Трудно, чтобы въ немъ установилась склонность къ нимъ, если бы онъ въ младенчествѣ былъ удаленъ отъ дурного примѣра и никогда не имѣлъ случая попробовать вина. Склонность всякій разъ, какъ обнаруживается въ субъектѣ, соединяется съ представленіемъ ея предмета. Легко и скоро можно увлечься склонностью, но кто созналъ ея вредъ, тому бороться съ нею не такъ трудно, пока она, конечно, не перешла еще въ привычку или страсть. Вліяніе склонности обыкновенно ограничивается только отдѣльной областью жизни даннаго лица, а потому одна склонность легко уживается въ душѣ

со многими другими. Поступая согласно своей склонности, мы испытываемъ удовольствіе, а отказывая ей въ удовлетвореніи, чувствуемъ неудовольствіе, но въ томъ и другомъ случаѣ сердечное волненіе не поднимается до степени аффекта.

Привычка. Понятіе о привычкѣ, ея происхожденіе и значеніе для душевной жизни.

§ 103. Чтобы лучше уяснить характеръ привычки, сравнимъ ее со склонностью, съ которой она и въ разговорѣ, и въ наукѣ часто смѣшивается. Отличительную черту склонности составляетъ внутреннее расположеніе къ извѣстной дѣятельности или дѣйствіямъ. Существенная особенность привычки состоитъ не только въ томъ или иномъ расположеніи души, сколько въ постоянствѣ и однообразіи способа его выраженія. Отнимите у привычки эту особенность и останется простая склонность. Склонность, пробуждаясь въ человѣкѣ, сознается имъ; для его удовлетворенія требуется согласіе воли. Привычныя же дѣйствія выполняются безсознательно, безотчетно, механически и непроизвольно. Слѣдуемъ ли мы склонности или подавляемъ ее въ себѣ, въ томъ и другомъ случаѣ возникаетъ довольно замѣтное чувствованіе; а съ привычкою тогда только соединяется ясно сознаваемое сердечное волненіе, когда ей противиться. Чтобы избавиться отъ привычки, требуется напряженная и продолжительная борьба съ ней, но кто поборолъ ее, тотъ, значитъ, совершенно покончилъ съ ней всякіе счеты. Не поддаваться склонности легче, но совсѣмъ избавиться отъ нея никогда нельзя. Пусть мы всегда отказываемъ склонности въ удовлетвореніи, но разъ она образовалась, она все-таки будетъ жить въ нашей душѣ, хотя и въ сокрытомъ видѣ, до самой нашей смерти [1]).

---

[1]) Привычки пріобрѣтаются человѣкомъ въ теченіе жизни, а не передаются наслѣдственно. Въ то же время онѣ имѣютъ индивидуальный характеръ. Этимъ онѣ отличаются отъ инстинктовъ, стремленій врожденныхъ и одинаково свойственныхъ всѣмъ людямъ. Правда, нѣкоторые ученые допускаютъ и наслѣдственную передачу привычекъ, но такое мнѣніе ошибочно и является слѣдствіемъ смѣшенія прирожденныхъ склонностей съ выростающими изъ нихъ при-

Привычка пріобрѣтается путемъ частаго, продолжительнаго и однообразнаго повторенія одного и того же акта, благодаря вліянію внѣшней среды (родителей, воспитателей, товарищей), подражанію другимъ или собственному рѣшенію человѣка. Чѣмъ болѣе будетъ повторяться извѣстное дѣйствіе, тѣмъ болѣе будетъ развиваться и укрѣпляться привычка къ нему. Образованіе, вслѣдствіе повторенія, привычки зависитъ отъ двухъ условій—физіологическаго и психическаго [1]). Физіологическое условіе заключается въ способности нервовъ и мускуловъ, участвующихъ въ извѣстномъ дѣйствіи, при неоднократномъ его совершеніи подвергаться измѣненію, все болѣе приспособляясь къ этому дѣйствію. Психическимъ условіемъ является свойство души, по которому она, требуя постоянной дѣятельности, предпочитаетъ дѣятельность легкую, какою обыкновенно и бываетъ часто производимая. Привычки скорѣе пріобрѣтаются въ дѣтскомъ возрастѣ. Потомъ, чѣмъ болѣе накопляется привычекъ, тѣмъ труднѣе усвояются новыя, особенно если онѣ противоположны старымъ.

Область привычки обширна. Лейбницъ приписываетъ ей три четверти всего, что человѣкъ думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ. Дѣйствительно, мы ходимъ, пишемъ, говоримъ, выполняемъ большую часть дѣйствій, не размышляя,—не при помощи сознательнаго усилія, но подъ

вычками. Существуетъ и сходство между привычкой и инстинктомъ; они обыкновенно обнаруживаются въ формѣ безотчетнаго и непроизвольнаго влеченія.

[1]) Чисто-духовныя привычки въ своемъ происхожденіи зависятъ только отъ психическаго условія; физіологическія же зависятъ отъ обоихъ условій. Ошибочно думать, что привычныя тѣлесныя движенія имѣютъ простой рефлекторный характеръ. Иногда, напр., человѣкъ хочетъ пройти мимо своего дома, въ которомъ живетъ, и вдругъ замѣчаетъ, что онъ безотчетно и намѣренно вошелъ въ этотъ домъ. Внѣшнія впечатлѣнія здѣсь несомнѣнно не играютъ исключительно роли физіологическихъ раздраженій; они возбуждаютъ вмѣстѣ несознаваемыя ощущенія, незамѣтно дѣйствующія на волю, какъ психическіе мотивы. Вундтъ. Лекціи о душѣ, 413 стр.

вліяніемъ привычки. Законъ привычки господствуетъ не только въ области внѣшнихъ движеній, но и въ области внутренней жизни, въ дѣятельности ума, сердца и воли.

Привычки приносятъ пользу, но онѣ причиняютъ и вредъ. Наше развитіе чрезвычайно медленно подвигалось бы впередъ, если бы всякій разъ, какъ дѣйствовать, мы были вынуждены обсуждать дѣйствіе и напрягать свою волю. Тогда ходьба, которая кажется легкимъ и простымъ процессомъ, составляла бы для человѣка предметъ заботы и мученія во всю жизнь. Мы говорили бы на родномъ языкѣ съ тѣми же усиліями, какихъ требуетъ языкъ иностранный, недавно и въ несовершенствѣ изученный. Привычка же обусловливаетъ возможность для людей все плодотворнѣе употреблять свои высшія способности — умъ и волю, и возводить зданіе своей духовной жизни выше и выше, не начиная всякій разъ съ основанія. Нѣтъ существа болѣе жалкаго, чѣмъ человѣкъ, которому привычна лишь нерѣшительность, говоритъ Джэмсъ, и для котораго необходимо особое рѣшеніе воли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда ему надо выпить стаканъ чаю, лечь спать, подняться съ постели или приняться за новую часть работы. У такого человѣка болѣе половины времени уходитъ на обдумываніе дѣйствій, которыя должны бы до такой степени „войти ему въ плоть и кровь“, что стали бы безсознательными актами. Мы должны сдѣлать привычными для себя какъ можно болѣе мелкихъ, обыденныхъ полезныхъ дѣйствій. Чѣмъ больше мы въ этомъ успѣемъ, тѣмъ болѣе наши высшія силы будутъ имѣть свободы для дѣятельности. Хорошая привычка есть, такимъ образомъ, какъ бы нравственный капиталъ, постепенно увеличивающійся. Зато дурная привычка есть, въ той же мѣрѣ, нравственный не выплаченный заемъ, который процентами, постоянно нарастающими, въ состояніи парализовать самыя лучшія начинанія человѣка и довести его до нравственнаго банкротства. Сколько превосходныхъ начинаній и даже сколько отличныхъ людей пало подъ бременемъ дурныхъ привычекъ.

Страсть. Понятіе о страсти. Виды страстей. Вліяніе ихъ на душевную жизнь. Средство къ борьбѣ съ ними.

§ 104. Тогда какъ однѣ склонности, мало возбуждающія сердечную жизнь, переходятъ въ привычки, другія изъ нихъ, связанныя съ сильными чувствованіями, при частомъ своемъ удовлетвореніи обращаются въ страсти. Въ склонности главное значеніе имѣетъ внутреннее стремленіе въ извѣстномъ направленіи, въ привычкѣ— удовлетворяющія стремленіе дѣйствія, въ страсти то и другое и, сверхъ того, элементъ волненія. Здѣсь стремленіе отличается не только опредѣленнымъ направленіемъ—качествомъ, но и чрезвычайной силой. Склонность, по словамъ Бенеке, возникаетъ въ сознаніи, когда ее затронутъ извнѣ, а страсть сама собою [1]).

Страсть можно опредѣлить, какъ стремленіе къ опредѣленной цѣли, прочно укоренившееся въ душѣ, благодаря частому и продолжительному его удовлетворенію, предваряемому и сопровождаемому интенсивными чувствованіями. Страсть овладѣваетъ всей энергіею, какою располагаетъ душа. Отсюда ея исключительность. Правда, одна страсть можетъ мириться съ другой — однородной съ нею, но не уживается съ противоположной. Такъ, скупость можетъ существовать вмѣстѣ съ корыстолюбіемъ, но рѣдко встрѣчается вмѣстѣ съ пьянствомъ. Страсть всегда эгоистична: преданный пьянству разоряетъ свою семью. Иногда честолюбецъ приноситъ въ жертву своей страсти не только дружбу, любовь къ другимъ лицамъ, но даже интересы страны, народа, государства, въ которомъ онъ живетъ (Алкивіадъ).

Образованію и развитію страстей, кромѣ наслѣдственной къ нимъ склонности, болѣе всего способствуетъ недостаточное или неправильное воспитаніе и дурной примѣръ. При отсутствіи правильнаго воспитанія не можетъ выработаться навыкъ къ разумному подчиненію своихъ чувственныхъ и эгоистическихъ стремленій всеобщему нравственному закону и—вообще къ самообладанію. Какъ

---

[1]) Lehr. der Psych. § 175.

сильно содѣйствуетъ развитію страстей дурной примѣръ, это наглядно показываютъ исторія и ежедневный опытъ.

Два главные вида страстей — чувственныя и духовныя. Въ основаніи первыхъ лежатъ тѣлесные инстинкты; онѣ возникаютъ и развиваются, благодаря чрезмѣрному удовлетворенію стремленій къ пищѣ, питію и т. д.; таковы—обжорство, пьянство, сладострастіе. Послѣднія образуются изъ склонностей, имѣющихъ въ своей основѣ потребности души; сюда относятся: честолюбіе, властолюбіе и др.

Страсти нарушаютъ гармонію или равновѣсіе психическихъ отправленій, вносятъ разстройства въ душевную жизнь. Онѣ порабощаютъ всѣ душевныя силы: умъ, сердце, волю. Разсудокъ теряетъ способность правильной оцѣнки явленій и становится послушнымъ помощникомъ и орудіемъ страсти подыскиваетъ для нея средства, сообщаетъ видимую законность ея требованіямъ. Встрѣчая въ своей совѣсти протестъ, предающійся страсти человѣкъ, по выраженію Сёлли, самъ предъ собою выступаетъ адвокатомъ съ софистическими доводами. Кто преданъ страсти, того интересуетъ только то, что̀ имѣетъ близкое отношеніе къ ея предмету. Высшія, чисто-духовныя чувствованія и стремленія для него мало доступны. Страсть порабощаетъ волю, подавляетъ свободу; подъ вліяніемъ страсти люди заботятся только о томъ, чтобы ей служить, велѣнія нравственнаго долга теряютъ всякую силу. Поэтому страсти нерѣдко ведутъ къ тяжелымъ преступленіямъ. Характеръ страстей и ихъ вліяніе на душевную жизнь достаточно показываютъ, что ихъ слѣдуетъ считать патологическими состояніями въ области воли, подобно тому, какъ иллюзіи и галлюцинаціи признаются не нормальными явленіями въ области интеллектуальной, а аффекты въ сферѣ сердечной.

Страсти являются состояніями духовной слабости и рабства; онѣ ослѣпляютъ разсудокъ, извращаютъ сердце, порабощаютъ волю. Очевидно, мы должны предохранять

себя отъ нихъ, а если какая-нибудь страсть успѣла укорениться, то должны съ нею бороться.

Для предохраненія себя отъ страстей слѣдуетъ отказывать въ чрезмѣрномъ удовлетвореніи тѣмъ склонностямъ, къ которымъ мы имѣемъ большое расположеніе, особенно если онѣ чувственнаго или эгоистическаго характера, не давать большого простора воображенію, когда оно обладаніе предметомъ сильнаго желанія представляетъ источникомъ великихъ наслажденій и, наконецъ, укрѣпить въ себѣ уваженіе къ нравственному долгу, стараться исполнять его требованія, несмотря на всевозможныя искушенія и препятствія.

Въ борьбѣ съ возникшими уже страстями полезны слѣдующія средства. Нужно отвлекать вниманіе отъ предмета страсти, избѣгать обстоятельствъ (обстановки, среды), при которыхъ она легко пробуждается, пріискать для себя интересное и въ то же время нравственно-дозволенное занятіе. Въ минуты, свободныя отъ напора страсти, слѣдуетъ со всею ясностью и живостью представлять себѣ всѣ ея вредныя послѣдствія, уничтожить софизмы, разсѣять иллюзіи, какими она старается себя узаконить и такимъ путемъ породить въ себѣ сердечное отвращеніе къ ней. Такъ какъ иныя страсти образуются изъ склонностей, имѣющихъ свой корень въ органическихъ предрасположеніяхъ, то борьба съ ними можетъ облегчаться употребленіемъ подходящихъ лекарствъ и соотвѣтствующей діэтой. Слова одного древняго врача, что „страсти людскія надлежитъ лечить не въ философской аудиторіи, а въ больницѣ“, имѣютъ свою долю истины [1]). Не всякая страсть и не во всякомъ субъектѣ одинаковымъ образомъ излечивается. Притомъ, нерѣдко на мѣстѣ одной страсти вырастаетъ другая, болѣе грубая, чѣмъ прежняя. Иногда, „изгнавъ изъ души одного бѣса, легко поселить вмѣсто него цѣлый легіонъ“.

---

[1]) И. Юркевичъ. Пневматологія, 172 стр.

Характеръ. Понятіе о характерѣ, его элементы. Виды характера.

§ 105. У всѣхъ людей есть умъ, сердце и воля. Но въ жизни каждаго индивидуума эти способности проявляются съ различной энергіей и не въ одинаковомъ сочетаніи. Совокупность установившихся особенностей въ способѣ обнаруженія душевныхъ способностей даннаго лица и составляетъ его характеръ [1]).

На образованіе характера оказываютъ большое вліяніе—наслѣдственность, темпераментъ, воспитаніе, религія, профессія и среда. Главная же его основа заключается въ свободѣ воли, а главный его факторъ—личный опытъ.

Существенными признаками истиннаго характера служатъ единство и устойчивость. Единство состоитъ въ постоянномъ, всегда одинаковомъ способѣ дѣйствія и воздѣйствія. У человѣка съ характеромъ всѣ стремленія ведутъ къ одной сознательно поставленной цѣли или, по крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ подчиняетъ себѣ всѣ другія. Устойчивость есть не что иное, какъ единство, продолжаемое во времени. Если лицо, обладающее характеромъ, поступило однажды извѣстнымъ образомъ, то можно съ увѣренностью сказать, что оно такъ же поступитъ и въ будущемъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ.

Простое наблюденіе показываетъ, что настоящему характеру принадлежитъ единство и устойчивость. Болѣе глубокій психологическій анализъ открываетъ, что эти свойства характера служатъ обнаруженіемъ внутреннихъ убѣжденій и силы воли.

Убѣжденія, прежде всего, вырабатываются посредствомъ размышленія, сообщающаго имъ основательность, ясность и точность. Но одно теоретическое признаніе истинности тѣхъ или иныхъ положеній, опредѣляющихъ наши обя-

[1]) Весьма часто говорятъ, что характеръ есть сумма привычекъ. Такое опредѣленіе выдвигаетъ на видъ существенное свойство характера—твердость наклонностей въ извѣстномъ направленіи. Но не слѣдуетъ, однако, думать, что совершенный характеръ проявляется въ привычныхъ, полумеханическихъ дѣйствіяхъ. Онъ всегда предполагаетъ сознательное обсужденіе и свободное рѣшеніе тамъ, гдѣ этого требуютъ обстоятельства, напр., гдѣ происходитъ кажущееся столкновеніе различныхъ требованій долга.

занности, еще не составляетъ убѣжденія. Вѣдь можно прекрасно понимать справедливость того или иного требованія и, однако, не стараться о проведеніи его въ жизнь, если оно, напр., стоитъ въ антагонизмѣ (противорѣчіи) съ господствующими въ душѣ склонностями и чувствованіями. Теоретическая истина тогда только становится практическимъ принципомъ, когда ей въ области воли соотвѣтствуютъ энергичныя желанія, а въ области сердца—сильныя эмоціи.

Настоящій цѣльный характеръ образуется тогда, когда къ внутреннимъ убѣжденіямъ присоединяется сила воли. Кто имѣетъ силу воли, тотъ, избравъ извѣстныя практическія правила, въ состояніи постоянно руководиться ими въ своихъ поступкахъ, несмотря на всякія препятствія къ тому; его жизнь получаетъ особый отпечатокъ, спеціальную форму. А кто лишенъ силы воли, тотъ не можетъ всегда одинаково дѣйствовать; если даже у него и есть убѣжденія, онъ часто имъ измѣняетъ, увлекаясь разнообразными внѣшними вліяніями (примѣръ, совѣтъ, внушеніе и т. д.) и внутренними побужденіями—инстинктами, склонностями, привычками и страстями.

Степень напряженія воли и качество убѣжденій неодинаковы у людей. Поэтому людскіе характеры бываютъ разнообразны. Тѣмъ не менѣе всѣ они, разсматриваемые съ формальной стороны, могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ типамъ — характеры: а) рѣшительный, б) нерѣшительный, в) постоянный и г) измѣнчивый.

Люди рѣшительнаго характера легко возбуждаются къ дѣятельности, быстро осуществляютъ свои желанія, часто не считая нужнымъ хорошо обсудить средства къ осуществленію и оцѣнить препятствія, могущія встрѣтиться на пути къ цѣли. Люди нерѣшительные, наоборотъ, когда имъ приходится дѣйствовать, особенно при новыхъ непривычныхъ условіяхъ, больше, чѣмъ слѣдуетъ, останавливаются на размышленіи о препятствіяхъ, преувеличиваютъ ихъ значеніе и никакъ не могутъ придти къ какому-либо опредѣленному рѣшенію. Нерѣшительные

въ высшей степени называются робкими или трусливыми. Рѣшительные въ высшей степени называются храбрыми, смѣлыми.

Постояннымъ признается характеръ, проникнутый стремленіемъ всегда и неуклонно слѣдовать однимъ и тѣмъ же практическимъ принципамъ. Измѣнчивость характера выражается въ томъ, что человѣкъ часто мѣняетъ свои убѣжденія или не сообразуется съ ними въ своихъ дѣлахъ, такъ что даже при одинаковыхъ обстоятельствахъ, но въ разное время онъ способенъ поступить до противоположности различно.

Характеръ, лишенный единства и устойчивости, называютъ безхарактерностью. Чаще всего безхарактерность бываетъ слѣдствіемъ недостатка энергіи воли, при постоянныхъ убѣжденіяхъ. Нерѣдко человѣкъ, теоретически развитой, обладающій вполнѣ вѣрнымъ взглядомъ на жизнь, вѣчно колеблется, никакъ не можетъ самъ окончательно рѣшиться на что-либо. Отсюда разладъ между умомъ и сердцемъ, убѣжденіями и поступками. Въ другихъ случаяхъ безхарактерность происходитъ отъ недостатка не только воли, но и убѣжденій. Причиной ея въ этихъ случаяхъ является: природная слабость, неправильное воспитаніе, напр., направленное къ чрезмѣрному развитію одного воображенія или сердечной жизни и т. д.

Еще болѣе, чѣмъ въ формальномъ отношеніи, людскіе характеры различны въ качественномъ отношеніи, со стороны содержанія, внутреннихъ убѣжденій или практическихъ принциповъ. Психологія еще не установила общепринятой точной и вмѣстѣ сколько-нибудь подробной классификаціи характеровъ со стороны качества. Можно принять дѣленіе ихъ на характеры добрые, когда правила жизнедѣятельности человѣка гармонируютъ съ идеей добра, съ требованіями нравственнаго долга, и на характеры злые, принадлежащіе людямъ, которые руководятся въ своей жизнедѣятельности правилами, противорѣчащими требованіямъ нравственнаго долга.

108

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

О нормальныхъ и ненормальныхъ особенностяхъ психической жизни: полъ, темпераментъ, раса и народность, наслѣдственность, возрастъ, сонъ и душевныя болѣзни.

Связь души съ тѣломъ и вліяніе на человѣка окружающей природы, какъ главныя условія происхожденія особенностей психической жизни.

§ 106. Связь душевной и тѣлесной природы человѣка непостижима для ума; тѣмъ не менѣе она составляетъ реальный несомнѣнный фактъ.

Тайной для насъ является соединеніе физическихъ тѣлъ, будь это части машины, атомы, химическіе элементы, небесныя свѣтила и т. д. [1]). Однако соединеніе физическихъ тѣлъ принимается за дѣйствительный фактъ. Поэтому было бы несправедливо отрицать соединеніе душевной и тѣлесной природы въ человѣкѣ на томъ лишь основаніи, что оно въ своей сущности недоступно непосредственному опыту и что его нельзя себѣ наглядно представить.

Вліяніе тѣла на душу. Связь души съ тѣломъ обнаруживается въ ихъ вліяніи другъ на друга. Тѣло и особенно нервная система есть органъ или орудіе души.

---

[1]) См. разъясненіе этого положенія на примѣрѣ у Лотце. Психологія.

Въ немъ и чрезъ него душа проявляетъ свою жизнедѣятельность. При посредствѣ тѣла она пріобрѣтаетъ познанія о внѣшнемъ мірѣ, выражаетъ свои внутреннія состоянія, осуществляетъ желанія, вступаетъ въ общеніе съ другими душами и съ внѣшнимъ міромъ.

Почти всякая перемѣна въ организмѣ болѣе или менѣе замѣтно отражается и на психической жизни [1]). Такъ, сознаніе, повидимому, прерывается вслѣдствіе сильнаго удара по головѣ, быстраго кровотеченія, пріема большой дозы алкоголя, опіума, эфира или закиси азота. При лихорадочныхъ состояніяхъ обыкновенно усиливается дѣятельность воображенія и памяти. При катарральныхъ страданіяхъ органа пищеваренія ослабѣваетъ интересъ ко всему. У людей, страдающихъ разлитіемъ желчи, повышается чувствительность, особенно къ фактамъ, для нихъ непріятнымъ. Психическія болѣзни въ своемъ происхожденіи всегда обусловливаются, между прочимъ, значительными разстройствами организма, преимущественно головного мозга. Въ старости, когда тѣло ослабѣваетъ, и духъ проявляетъ себя во внѣ менѣе совершенно.

Вліяніе внѣшней природы на человѣка. Благодаря связи души съ тѣломъ внѣшняя природа, воздѣйствуя на тѣло, чрезъ его посредство оказываетъ вліяніе и на психическую жизнь. Холодный климатъ или теплый, жаркій или умѣренный дѣйствуетъ на физическія и духовныя силы разслабляющимъ или возбуждающимъ образомъ. Вѣчно ясное голубое небо способствуетъ свѣтлому настроенію, а сѣрое, закрытое облаками,—мрачному. Общій видъ мѣстности, качество пищи и способъ ея добыванія, характеръ и степень богатства растительнаго и животнаго царства, устройство поверхности, состояніе естественныхъ путей сообщенія и другія внѣшнія условія, въ различныхъ мѣстахъ различныя до противоположности, имѣютъ свое опредѣленное вліяніе на людей.

---

[1]) Вопросъ о воздѣйствіи души на тѣло не разъ затрогивался въ 1-й ч. опытн. психологіи (см. §§ 57, 86, 87, 103).

Раздѣленіе особенностей психической жизни.

§ 107. Оставаясь въ своемъ существѣ всегда одной и той же, душа у индивидуумовъ и ихъ группъ, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, связи ея съ тѣломъ и воздѣйствія на человѣка внѣшней природы, получаетъ неодинаковую организацію. Психическая организація то различается въ зависимости отъ пола, темперамента, наслѣдственнаго расположенія, расы и народности, то проявляетъ себя иначе въ состояніи бодрствованія и иначе въ состояніи сна, то развивается по возрастамъ, то, наконецъ, обнаруживаетъ разстройство или слабость.

Всѣ психическія особенности, обусловливаемыя связью души съ тѣломъ и вліяніемъ на душу внѣшняго міра, дѣлятся на нормальныя и ненормальныя. Первыя подраздѣляются на постоянныя и періодическія.

Къ постояннымъ нормальнымъ особенностямъ душевной жизни относятся особенности, связанныя съ поломъ, темпераментомъ, расой и національностью и природнымъ расположеніемъ. Къ періодическимъ нормальнымъ особенностямъ принадлежатъ зависящія отъ смѣны возрастовъ жизни и отъ смѣны сна и бодрствованія.

1. Постоянныя нормальныя особенности психической жизни.

Полъ.

Половое различіе обнимаетъ всего человѣка: какъ въ духовномъ, такъ и въ тѣлесномъ отношеніи, мужчина и женщина имѣютъ неодинаковую организацію. Но весьма возможно, что психическія особенности преимущественно обусловливаются особенностями физической природы.

Физическія особенности половъ.

§ 108. Обыкновенно по росту мужчина выше женщины. Кожа нѣжнѣе и свѣтлѣе у послѣдней, чѣмъ у перваго. Ноги, руки, кисть, ступня относительно меньше у женщины. Ея грудная клѣтка коротка и сравнительно широка. Женскій тазъ шире и ниже мужского. Особое

устройство груди и таза у женщины влечетъ нѣкоторыя особенности въ прикрѣпленіи къ нимъ рукъ и ногъ. Костная и мускульная система менѣе развиты у женщины и болѣе развиты у мужчины. Контуры тѣла у первой закругляются, тогда какъ у послѣдняго они отличаются угловатостью.

Болѣе важныя особенности анатомическаго строенія женщины, главнымъ образомъ, обусловливаются спеціальнымъ отправленіемъ организма женщины—зачинать, носить и рожать дѣтей. Это отправленіе составляетъ господствующее явленіе въ области тѣлесной жизни женщины, хотя бы она и не бывала дѣйствительно матерью. Приспособленный къ его выполненію, организмъ женщины мало приспособленъ къ тяжелому постоянному физическому труду. Но онъ располагаетъ другого рода преимуществомъ. Та жировая ткань, тѣ пластическія железы, которыя изобилуютъ у женщины, въ ущербъ мускульной ткани, представляютъ громадный запасъ матеріала для возмѣщенія выбывающихъ элементовъ тѣла. Поэтому женщина отличается физической выносливостью и терпѣливостью. Поэтому она меньше спитъ, ѣстъ и пьетъ, легче переноситъ лишенія пищи, питья и сна. Отсюда же ея тѣло быстрѣе оправляется послѣ болѣзней, кровотеченій и пораненій. Силы организма у мужчины расходуются на внѣшнія движенія и дѣятельность, чему, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ устройство его тѣла.

Психическія особенности половъ.

§ 109. Способность познанія. Разсмотримъ различіе между полами въ психическомъ отношеніи. Начнемъ съ интеллектуальной сферы. Внѣшнія чувства мужчины воспріимчивѣе къ медленнымъ и глубокимъ физическимъ раздраженіямъ, а женщины—къ тонкимъ и быстрымъ. У женщины воображеніе живѣе и богаче, чѣмъ у мужчины, теченіе представленій совершается легче и скорѣе, память конкретныхъ образовъ тверже и точнѣе. Все это служитъ одной изъ главныхъ причинъ болтливости, которой такъ отличается большинство женщинъ.

Разсудокъ въ жизни мужчины играетъ болѣе важную

роль и достигаетъ бо̀льшей степени развитія. Женщина мало расположена къ отвлеченному мышленію. Ее часто удовлетворяетъ непосредственная очевидность факта или свидѣтельство о немъ другихъ, логическія доказательства мало ее интересуютъ и имѣютъ предъ ней неважное значеніе. Мужчина, напротивъ, всякое явленіе старается уяснить въ его отношеніяхъ къ основанію и слѣдствію, къ причинѣ и дѣйствію. Если не всегда, то во многихъ случаяхъ у женщины логику замѣняетъ чувство истины. Поэтому женщина труднѣе мужчины поддается софистическимъ доводамъ и нерѣдко сразу постигаетъ ту истину, къ которой мужчину приводитъ длинный путь размышленія. Конечно, положенія, медленно вырабатываемыя разсудкомъ мужчины, бываютъ основательнѣе, богаче и цѣннѣе содержаніемъ. Умъ мужчины стремится къ измѣненіямъ. Женщина болѣе извлекаетъ пользу отъ существующихъ измѣненій, чѣмъ заботится о новыхъ. Оригинальность трудно встрѣтить въ ея произведеніяхъ научныхъ ли, или художественныхъ, а среди послѣднихъ даже въ музыкальныхъ, къ которымъ она болѣе всего имѣетъ призваніе. „Мы“, говоритъ Фуллье, „не можемъ себѣ представить женщины Шекспиромъ или В. Гюго, Аристотелемъ или Декартомъ, Бетховеномъ или Вагнеромъ“.

Чувствованія. Въ области сердечной жизни, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе бо̀льшая по объему, силѣ и скорости чувствительность женщины и меньшая въ этихъ отношеніяхъ чувствительность мужчины. Всякое впечатлѣніе въ душѣ женщины вызываетъ не столько мысли, сколько волненія. Пробудить сочувствіе, радость, надежду у женщины легче, чѣмъ у мужчины. Что̀ послѣдняго едва трогаетъ, то первую можетъ привести въ слезы. Легко и быстро возникая, чувствованія женщины также легко и быстро способны подняться до степени аффекта, но они и скоро проходятъ или смѣняются другими, часто даже противоположными. Чувствованія мужчины возбуждаются труднѣе и медленнѣе, зато они бываютъ болѣе глубокими и продолжительными. (Мы гово-

римъ здѣсь вообще). Въ душѣ женщины особенно важное мѣсто занимаютъ органическія чувствованія, образующія настроеніе, любовь, стыдъ и сочувствіе. У мужчины сильнѣе выступаютъ чувства: силы, чести, гордости, интеллектуальныя и друг.

3 Воля. Мужчина превосходитъ женщину твердостью и силой воли. Женщина превосходитъ мужчину разнообразіемъ своихъ желаній. Поэтому мужчинѣ болѣе свойственно быть главой и руководителемъ семьи, защищать жену, дѣтей, отечество, бороться за идеи, тогда какъ женщинѣ болѣе свойственно слѣдовать, подчиняться, быть помощницей. Правда, и она способна обнаруживать энергію и настойчивость, но лишь въ области домашней и вообще непосредственно практической жизни, гдѣ осуществленіе стремленія не отодвигается далеко и гдѣ требуется не продолжительное обдумываніе, а быстрая находчивость. А когда дѣйствіе разсчитано на обширныя и сложныя группы предметовъ (напр., разнородныхъ лицъ, цѣлаго общества, народа), когда оно можетъ быть совершено только при помощи длиннаго ряда съ трудомъ подобранныхъ и комбинированныхъ средствъ или когда самый результатъ дѣйствія имѣетъ сказаться нескоро, въ такихъ случаяхъ нужна воля мужчины; воля женщины оказывается здѣсь слабою и невыдержанною [1]). Такимъ образомъ, для женщины главной сферой дѣятельности является семья и хозяйство, для мужчины же—общество и государство.

Страсти, доведенныя до крайней степени, неукротимѣе у женщинъ, живущихъ болѣе сердцемъ, чѣмъ у мужчинъ, живущихъ болѣе подъ вліяніемъ ума. Твердые, стойкіе характеры по той же причинѣ рѣже встрѣчаются среди первыхъ и чаще среди послѣднихъ. Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть, что полагающійся на свои силы мужчина часто обнаруживаетъ не только неустрашимость, великодушіе, прямоту и откровенность, но также деспо-

---

[1]) Астафьевъ. Психическій міръ женщины. 1882 г.

тизмъ, буйство, жестокость и грубость. Женщина, наоборотъ, мало надѣясь на осуществленіе своихъ желаній одной силою (физическою или духовною), нерѣдко прибѣгаетъ къ просьбѣ, угожденію и даже къ кокетству, притворству, сплетнямъ, интригамъ и вообще хитрости.

Выводы. § 110. а) Различія между полами велики, но они не касаются самого существа ихъ природы. Тѣлесная жизнь мужчины и женщины обнаруживается одинаково, если не брать во вниманіе той разности въ органическихъ отправленіяхъ, какая является слѣдствіемъ различнаго участія того и другого пола въ дѣлѣ продолженія рода. Въ области душевной нельзя указать ни одной способности, которая была бы свойственна исключительно однѣмъ женщинамъ или однимъ мужчинамъ. Въ обоихъ полахъ выступаетъ одна и та же природа, хотя и неодинаковымъ образомъ. При всѣхъ своихъ различіяхъ мужчина и женщина составляютъ одинъ родъ людей, одно человѣчество.

б) Отличительныя особенности половъ таковы, что онѣ не даютъ права ни мужчинѣ ставить себя выше женщины, ни женщинѣ считать себя лучше мужчины. И тотъ и другой полъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Напр., женщина отличается физической выносливостью, мужчина—физической силой; у первой болѣе развита жизнь сердца, у послѣдняго — область жизни интеллектуальной.

в) Если, кромѣ сейчасъ высказанныхъ положеній, примемъ во вниманіе, что отъ продолженія тѣлеснаго различія обоихъ половъ зависитъ продолженіе нашего рода, а существованіе ихъ духовнаго различія служитъ опорою прочнаго соединенія половъ въ супружествѣ, составляющемъ опору общественности, то станетъ очевидной вся неразумность и даже преступность выражаемыхъ иными желаній полнаго уничтоженія соціальнаго и политическаго неравенства женщинъ съ мужчинами, — неравенства, обусловливающагося, болѣе всего, особенностями ихъ физической и психической организаціи.

Темнераментъ.

Понятіе о темпераментѣ и отличіе его отъ характера. Главные темпераменты.

§ 111. Подъ темпераментомъ разумѣется своеобразная природная настроенность или, иначе, первоначальная опредѣленность каждаго человѣка, насколько она основывается на особой природѣ его души и тѣла и на ихъ взаимодѣйствіи [1]). Темпераментъ обнаруживается, главнымъ образомъ, въ степени силы и скорости, съ которыми внѣшній міръ дѣйствуетъ на душу, равно и душа воздѣйствуетъ на міръ.

Темпераментъ должно отличать отъ характера. Первый — явленіе болѣе простое и входитъ въ составъ послѣдняго, какъ его элементъ. Характеръ пріобрѣтается въ жизни и можетъ силою ума и воли измѣняться. Темпераментъ же есть врожденное естественное расположеніе; онъ въ рѣдкихъ только случаяхъ терпитъ преобразованіе. Каждый человѣкъ имѣетъ такой или иной темпераментъ, а характеръ имѣютъ не всѣ.

Темпераменты людей чрезвычайно разнообразны. Тѣмъ не менѣе четыре изъ нихъ считаются наиболѣе опредѣленными и типичными, именно: сангвиническій, меланхолическій, холерическій и флегматическій [2]).

Сангвиническій и меланхолическій темпераменты.

§ 112. Особенность сангвиническаго темперамента состоитъ въ быстрой, легкой, но вмѣстѣ слабой и неглубокой возбудимости души различными внѣшними впечатлѣніями [3]).

---

[1]) Ульрици. Тѣло и душа. 240 стр.

[2]) Физическая сторона темпераментовъ, сравнительно съ ихъ духовной стороной, изслѣдована менѣе удовлетворительно. Выводы науки относительно тѣлесныхъ особенностей темпераментовъ болѣе шатки и неустойчивы, чѣмъ научные выводы о ихъ особенностяхъ психическихъ. Поэтому въ иныхъ сочиненіяхъ первыя вовсе не указываются. Но, чтобы разсмотрѣть данный вопросъ во всемъ его объемѣ, слѣдуетъ хоть въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ представить краткое описаніе и физическихъ отличій каждаго темперамента.

[3]) У сангвиника кровяные шарики многочисленны и ярко окрашены. Поэтому цвѣтъ лица въ среднемъ свѣтло-розовый и свѣжій.

Сангвиникъ отличается живостью и разнообразіемъ ощущеній и представленій, богатствомъ желаній, свѣжестью чувствованій. Но у него замѣчается недостатокъ ясныхъ понятій, основательныхъ сужденій, настойчивыхъ стремленій, глубокихъ волненій. Онъ быстро переходитъ отъ одного настроенія къ другому, отъ радости къ печали и наоборотъ. Въ общемъ пріятное расположеніе духа преобладаетъ надъ непріятнымъ. Всякое дѣло интересуетъ сангвиника, но ни одно не останавливаетъ на себѣ его продолжительнаго вниманія. По замѣчанію Канта, трудъ его утомляетъ: онъ всегда занятъ, но занятъ тѣмъ, что приноситъ ему развлеченіе. Часто увлекаясь различными планами, сангвиникъ рѣдко ихъ осуществляетъ и еще рѣже производитъ что-либо выдающееся. Для него важнѣе всего наслажденіе доступными внѣшними удовольствіями. Сангвиникъ легко входитъ въ положеніе другихъ, но, при своей измѣнчивости, не внушаетъ довѣрія къ прочности своего участія. Обѣщанія для него нетрудны и бываютъ искренними. Къ несчастью, онъ почти никогда не обдумаетъ, исполнимы ли они, а поэтому на дѣлѣ рѣдко оказывается имъ вѣренъ. Въ итогѣ у сангвиника добрыя намѣренія преобладаютъ надъ добрыми поступками.

Отличительную черту меланхолическаго темперамента составляетъ сильная и глубокая чувствительность къ своимъ внутреннимъ состояніямъ и предрасположеніе къ такому настроенію, содержаніе котораго обусловливается сознаніемъ контраста между идеаломъ и дѣйствительностью [1]).

Пигменты менѣе обильны и менѣе окрашены. Отсюда волосы чаще бываютъ свѣтлыми, а глаза имѣютъ голубой оттѣнокъ. Благодаря сильному питанію, обыкновенно шея короткая и толстая, голова круглая, носъ толстый. Голосъ живой, болѣе женскій, чѣмъ мужской. Рѣчь быстрая. Движенія легкія, проворныя и порывистыя.

[1]) Волосные сосуды у меланхолика, сравнительно съ сангвиникомъ, менѣе богаты кровяными шариками. Цвѣтъ лица блѣдный; кожа бѣлая; глаза и волосы чаще свѣтлые. Шея тонкая и длинная.

Сильно чувствуя несоотвѣтствіе идеалу окружающей дѣйствительности, меланхоликъ (т.-е. человѣкъ меланхолическаго темперамента) живетъ болѣе прошедшимъ и будущимъ, чѣмъ настоящимъ, болѣе жизнью внутренней, сердечной, чѣмъ внѣшней, практической. Онъ любитъ уединеніе и отвращается отъ удовольствій, интересовъ и занятій общества. Отсюда его неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, доходящая иногда до наивности, его подозрительность и недовѣрчивость къ людямъ, могущія привести его къ мизантропіи. При всемъ этомъ, благодаря своей тонкой чувствительности, меланхоликъ отличается особой искренностью и задушевностью въ отношеніи къ тому, кто съумѣетъ добиться его дружбы. Меланхоликъ дѣйствуетъ съ рѣшительностью, но ему часто недостаетъ твердости и настойчивости въ борьбѣ съ затрудненіями и препятствіями. Неудачи надолго отнимаютъ отъ него энергію и могутъ привести его въ отчаяніе. Его страданія всегда кажутся ему тяжелѣе тѣхъ, какія несутъ другіе люди. Относясь съ недовѣріемъ къ явленіямъ жизни практической, меланхоликъ обнаруживаетъ то же недовѣріе и къ теоретическимъ положеніямъ: все почти вызываетъ у него сомнѣніе, подвергается имъ анализу и обсужденію. Критическій умъ меланхолика, при живомъ воображеніи, дѣлаетъ его способнымъ къ научнымъ занятіямъ. Но здѣсь ему угрожаетъ опасность дойти до безусловнаго скептицизма или же до образованія только воззрѣній пессимистическаго характера. Къ искусству меланхоликъ не менѣе расположенъ, какъ къ наукѣ, но онъ часто обнаруживаетъ склонность къ изображенію отрицательныхъ типовъ или къ созданію слишкомъ фантастическихъ и страшныхъ образовъ.

Холерическій и флегматическій темпераменты.

§ ~~113.~~ Холерику свойственна относительно малая воспріимчивость къ случайнымъ впечатлѣніямъ, при на-

---

Носъ тонкій, съ подвижными ноздрями. Лицо нерѣдко утончается книзу, начинаясь широкимъ и высокимъ лбомъ. Плечи узкія; грудь слабая; дыханіе тяжелое; голосъ негромкій. Сонъ тревожный. Движенія медленныя, угловатыя.

пряженной и постоянной самодѣятельности. Этотъ темпераментъ можетъ быть названъ активнымъ и практическимъ по преимуществу [1]).

Душа холерика легко и быстро возбуждается ощущеніями и представленіями, но не всякими безразлично, а только стоящими въ близкомъ отношеніи къ его жизненной задачѣ и побуждающими его къ дѣятельности. Холерикъ отличается напряженностью и глубиною своихъ внутреннихъ состояній: ему не свойственны—быстрая измѣнчивость настроенія, чувствованій, желаній, ощущеній и представленій. Его умъ бываетъ острымъ, фантазія живой и подвижной, память, если не обширной, то вѣрной и легкой. Убѣжденія холерика отличаются твердостью и постоянствомъ, его воля сильна и рѣшительна. Затрудненія и препятствія вызываютъ у него настойчивыя попытки къ преодолѣнію ихъ, а въ случаѣ ихъ безуспѣшности бурные аффекты гнѣва и досады. Грубыя страсти рѣдко находятъ себѣ доступъ въ душѣ холерика, но, проникнувъ въ нее, легко и скоро укрѣпляются. Холерикъ мало способенъ ко лжи и притворству, но часто предается самолюбію и властолюбію.

Чувствительность людей флегматическаго темперамента возбуждается трудно и въ слабой степени. Это, какъ выражается Мартенсенъ, темпераментъ мира и покоя, обдуманности и внутренняго равновѣсія [2]).

Флегматикъ мало впечатлителенъ къ внѣшнимъ раздраженіямъ и мало чувствителенъ къ своимъ внутреннимъ

---

[1]) Холерикъ имѣетъ тонко организованную нервную и сильную мышечную систему. Его лицо обыкновенно блѣдноватое: кожа со смуглымъ оттѣнкомъ; глаза и волосы чаще черные и блестящіе. Тѣлосложеніе сжатое, сильное, но легкое. Пищевареніе дѣятельное. Дыханіе глубокое. Пульсъ скорый и полный. Сонъ крѣпкій и здоровый. Черты лица рѣзко обозначены. Движенія быстрыя и твердыя.

[2]) У флегматика процессъ питанія преобладаетъ надъ мышечною дѣятельностью. Отсюда склонность тѣла къ ожирѣнію. Носъ обыкновенно широкій. Шея короткая. Волосы тонкіе, бѣлокурые или свѣтлокаштановые. Глаза сѣрые или зеленые безъ блеска. Сонъ крѣпкій и продолжительный. Движенія медленныя и неповоротливыя.

состояніямъ. Его воображеніе вялое и слабое. Онъ неторопливъ въ сужденіяхъ и выводахъ, почти неспособенъ къ порывистымъ аффектамъ и сильнымъ страстямъ. Въ жизни флегматика замѣтна ровность, доходящая до монотонности; въ его обращеніи съ окружающими проглядываетъ холодность; въ его работѣ видна медлительность и вмѣстѣ выносливость. Вообще ему свойственны склонность къ порядку и аккуратности, осмотрительность и терпѣніе. Онъ трудно раздражается непріятностями и неудачами, рѣдко жалуется на свои страданія и мало трогается страданіями другихъ. Флегматикъ нескоръ на дружбу, но постояненъ въ ней. Онъ всегда знаетъ, чего хочетъ и неохотно вмѣшивается въ чужія дѣла. Во многихъ случаяхъ этотъ темпераментъ, по словамъ Фулье, замѣняетъ мудрость... Такъ, даже дѣлая видъ, что самъ исполняетъ волю другого, онъ другихъ заставляетъ соглашаться съ нимъ [1]).

Выводы, темпераментъ и полъ. Измѣняемость темперамента.

§ ~~114.~~ Ни одинъ изъ темпераментовъ несвободенъ отъ недостатковъ. Сангвиникъ, очевидно, склоненъ къ легкомыслію, суетности, непостоянству и чрезмѣрности въ удовольствіяхъ; меланхоликъ къ ложному пессимизму, мечтательности, излишней осторожности и подозрительности; холерикъ къ своенравію, упорству, высокомѣрію, властолюбію и гнѣву; наконецъ, флегматикъ—къ ложному квіетизму, лѣности, безчувственности и жестокости. Поэтому едва-ли мы въ правѣ одинъ изъ темпераментовъ считать безусловно выше другихъ,—тѣмъ болѣе, что различіе между ними не нравственнаго, а естественнаго характера.

Жизнь рѣдко представляетъ въ индивидуумѣ полное осуществленіе чистаго типа темперамента. Отдѣльныя личности только болѣе или менѣе приближаются къ одному изъ четырехъ типовъ. Иногда также природная настроенность состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ темпераментовъ не преобладаетъ такъ рѣшительно, чтобы могъ быть приписанъ человѣку съ достовѣрностью.

---

[1]) Фулье. Темпераментъ и характеръ, 68 стр.

Темпераментъ и полъ. У мужчинъ чаще встрѣчается холерическій и флегматическій темпераментъ, у женщинъ—чаще сангвиническій и меланхолическій; рѣже всего—у первыхъ чисто меланхолическій, а у послѣднихъ—чисто холерическій. У меланхолическихъ мужчинъ и холерическихъ женщинъ обыкновенно темпераментъ бываетъ выраженъ лишь настолько, что во всемъ, относящемся собственно къ полу, можно замѣтить проявленіе характеристическихъ признаковъ. Такъ мужчина самый, повидимому, кроткій и пассивный дѣлается предпріимчивымъ и дѣятельнымъ въ любви. Въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда является рѣзко выраженнымъ во всей своей полнотѣ меланхолическій темпераментъ у мужчины или холерическій у женщины, онъ становится въ прямое противорѣчіе съ природою того или другого пола. Чисто меланхолическій мужчина бываетъ женственнымъ, чисто холерическая женщина—мужественной. Но женщина-мужчина уже обезображенная женщина, а мужчина-женщина уже обезображенный мужчина.

Измѣняемость темперамента. Темпераментъ не есть нѣчто сразу и вполнѣ законченное. Онъ, подобно подлежащему отдѣлкѣ художественному наброску, можетъ быть развитъ какъ въ лучшую, такъ и въ худшую сторону. Прежде всего, часто темпераментъ различно видоизмѣняется подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Благодаря такому вліянію, природныя наклонности то усиливаются, то задерживаются, ослабляются и даже подавляются (въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ). Затѣмъ, и самъ человѣкъ послѣ того, какъ онъ постигъ своеобразіе своихъ природныхъ задатковъ (такъ сказать, естественную индивидуальность), способенъ силою ума и воли умѣрять, связывать дурные изъ нихъ и ускорять, облегчать развитіе хорошихъ. Этимъ путемъ, хотя и съ великимъ трудомъ, нѣкоторымъ людямъ удается значительно измѣнить свой темпераментъ [1]). Тѣмъ не менѣе у каждаго

---

[1]) Примѣры см. у Фуллье. Темпераментъ и характеръ, 90 стр.

человѣка всегда есть основной природный отпечатокъ, который отъ рожденія до смерти постоянно остается однимъ и тѣмъ же и съ которымъ такъ же мало можно разлучиться, какъ съ своимъ собственнымъ „я“ [1]).

Расы и народности.

Расовыя и народовыя отличія. Классификація человѣчества.

§ 115. Люди вмѣстѣ съ особенностями, обусловливающими ихъ раздѣленіе на два пола и различеніе по темпераментамъ, имѣютъ еще такія особенности, которыя служатъ основаніемъ для распредѣленія ихъ по расамъ и народностямъ.

Расовыя и народныя отличія касаются черепа, мозга, формы носа, скелета, цвѣта кожи, цвѣта и строенія волосъ, глазъ, рѣчи, темперамента и душевныхъ свойствъ. Такъ черепъ бываетъ и продолговатымъ и короткимъ, съ лицевымъ угломъ почти прямымъ и съ острымъ. Мозгъ у однѣхъ народностей, говоря вообще, больше вѣсомъ, у другихъ меньше. Въ строеніи скелета, напр., таза, ступни ноги, замѣчаются тоже значительныя разности. Кожа у однѣхъ націй бѣлая, у другихъ желтая, у третьихъ смуглая. Глаза представляютъ различіе какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ ширинѣ и направленіи глазной щели. Одни языки сродны по корнямъ своихъ словъ, другіе несродны. Темпераментъ у французовъ преимущественно сангвиническій, у англичанъ—холерическій, у нѣмцевъ—флегматическій. Существуютъ народы, находящіеся въ дикомъ состояніи, но существуютъ и народы, достигшіе высокой культуры. Иныя націи извѣстны своею религіозностью, а иныя—религіознымъ индифферентизмомъ.

Всѣ указанные и имъ подобные антропологическіе признаки встрѣчаются въ безчисленныхъ переходахъ и оттѣнкахъ. Чтобы создать классификацію человѣчества, болѣе или менѣе вѣрную дѣйствительности, слѣдуетъ принимать во вниманіе различіе людей не въ одномъ или

---

[1]) Мартенсенъ. Христ. уч. о нравственности. 1 т.

нѣсколькихъ отношеніяхъ, а во всѣхъ. Поэтому классификація Блюменбаха, все еще господствующая если не въ наукѣ, то въ нашихъ элементарныхъ учебникахъ географіи, не можетъ быть одобрена.

Блюменбахъ признаетъ пять человѣческихъ расъ, причемъ онъ руководствуется болѣе всего цвѣтомъ кожи, хотя не упускаетъ изъ виду и нѣкоторыхъ другихъ тѣлесныхъ признаковъ, напр., строенія черепа, цвѣта и формы волосъ. Такимъ образомъ онъ различаетъ: бѣлыхъ кавказцевъ, блѣдно-желтыхъ монголовъ, черноватыхъ эфіоповъ, мѣдно-красныхъ американцевъ и малайцевъ каштановаго цвѣта. Но негры отнюдь не всѣ черноватые, равно какъ и американцы не всѣ мѣдно-красны, а представляютъ безконечные переходы отъ виолнѣ темно-коричневаго цвѣта до слегка смуглой окраски южно-европейца.

Современному состоянію науки, повидимому, болѣе другихъ соотвѣтствуетъ та классификація, которая, принимая во вниманіе всѣ антропологическіе признаки, дѣлитъ народы на три группы или расы: негровидную (негрскую), монгольскую и европейскую.

Характеристика главныхъ расъ.

§ 116. Негрская раса. Представителями негрской расы являются народы Судана и Банту, образующіе какъ бы центральный типъ; этотъ типъ въ качествѣ типовъ периферическихъ окружаютъ негритосы, папуасы, австралійцы и др.

У негровидной расы черепъ продолговатый, лицевой уголъ острый, скелетъ показываетъ извѣстную удлиненность и съужимость частей. Цвѣтъ кожи крайне темный, причемъ онъ переходитъ отъ крайне темныхъ до желтыхъ тоновъ. Волосы темные, курчавые, въ разрѣзѣ нѣсколько сплющенные. Растительность на головѣ богатая; на бородѣ и тѣлѣ рѣже. Языки находятся на агглютинирующей степени развитія.

Негры беззаботны, любятъ удовольствія; легко переходятъ отъ одного настроенія къ другому. Они легкомысленны и непредусмотрительны, простодушны и добры, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивы и мстительны. У нихъ

замѣчается недостатокъ иниціативы, склонность къ подражанію, способность и выносливость въ работѣ на ряду съ лѣностью. У народовъ негрской расы самобытная культура стоитъ на низшей степени, чѣмъ у народовъ другихъ расъ. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ преобладаетъ фетишизмъ,—вѣрованіе, что всѣ предметы до горъ и рѣкъ включительно воодушевлены и могутъ оказывать доброе или злое вліяніе на судьбу человѣка.

Монгольская раса. Основной типъ—настоящіе монголы, буряты, калмыки. Периферическіе типы: китайцы, японцы, финны, американцы, малайцы, полинезійцы.

У народовъ этой расы черепъ короткій, прогнатизмъ весьма умѣренный. Тѣлосложеніе широкое и костистое. Скулы сильно выдаются. Кисть и ступня малы. Цвѣтъ кожи, въ основѣ блѣдно-желтый, доходитъ, однако, до крайнихъ темно-бурыхъ оттѣнковъ съ красновато-желтымъ отливомъ. Волосы гладкіе, прямые, жесткіе, черные, безъ блеска, въ поперечномъ разрѣзѣ круглые; растительность на бородѣ и тѣлѣ весьма значительна.

Въ характерѣ монгольскихъ народовъ въ общемъ болѣе сдержанности и зрѣлости, чѣмъ у негрскихъ. Въ типичномъ монголѣ дремлетъ много элементарной силы. Для этой расы характерны массовыя переселенія, страстные порывы къ наслажденію жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательная способность къ воздержанію и къ упорному труду. Здѣсь мы находимъ наибольшее развитіе деспотизма и жестокости и въ то же время безусловную дисциплину. Самобытная культура нѣкоторыхъ племенъ достигла высокаго развитія. Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ преобладаетъ шаманизмъ; имъ проникнуты даже возвышенныя ученія, заимствованныя у сосѣднихъ народовъ.

Индоевропейская раса. Основной типъ—европейцы. Периферическіе типы: индусы, пранцы, семиты и др.

Черепа встрѣчаются длинные и короткіе, но безъ крайностей вышеупомянутыхъ расъ. Скелетъ отличается пропорціональностью своего устройства. Цвѣтъ кожи—бѣловато-розовый—доходитъ въ периферическихъ груп-

пахъ до темныхъ оттѣнковъ—(хамиты). Волосы волнистые, мягкіе, по разрѣзу занимаютъ среднее мѣсто между типомъ монгольскимъ и негрскимъ; цвѣтъ волосъ свѣтлый и темный съ блескомъ. Растительность на головѣ, бородѣ и тѣлѣ весьма значительна. Языки флектирующіе.

Характеръ выраженно-индивидуальный и экспансивный. Духовныя силы чрезвычайно богаты. Культура достигла высокой степени совершенства. Центральный типъ (европейцы) является вожакомъ человѣчества на пути цивилизаціи. Религія отличается духовнымъ, возвышеннымъ характеромъ; у европейцевъ она почти исключительно состоитъ изъ христіанскаго монотеизма.

Вліяніе на человѣка внѣшней природы. Историческія условія.

§ 117. Расовыя и народовыя отличія людей образовались постепенно въ теченіе долгаго времени, благодаря, прежде всего, вліянію на человѣка внѣшней физической природы, т.-е. климата, пищи, устройства поверхности, фауны и флоры, общаго вида страны, а затѣмъ благодаря историческимъ и др. условіямъ.

Климатъ. Подъ климатомъ разумѣется средняя температура, сила свѣта, степень влажности, прозрачности воздуха и его составъ. Сильный зной разслабляетъ человѣка, дѣлаетъ его вялымъ, мало расположеннымъ какъ къ физическому, такъ и умственному труду. Суровость погоды въ холодномъ климатѣ часто мѣшаетъ людямъ продолжать свои обычныя занятія внѣ домовъ и поэтому благопріятствуетъ образованію привычки къ неправильной жизни, а также причудливости и своенравія. Свѣтъ вліяетъ на окраску кожи. На сѣверѣ Европы существуетъ область бѣлокурыхъ народовъ. Самые темные народы находятся подъ экваторомъ; даже европейцы теряютъ здѣсь свой розовый цвѣтъ. Сырой воздухъ увеличиваетъ разслабляющее вредное вліяніе жары, тогда какъ сухой значительно умѣряетъ такое вліяніе. Въ сильной степени насыщенная парами атмосфера, задерживая испаренія кожи, даже въ странахъ умѣреннаго климата способствуетъ тяжелому настроенію. Чистый воздухъ, какъ,

напр., въ горахъ, дѣйствуетъ оживляющимъ и укрѣпляющимъ образомъ.

Пища. При постоянно недостаточномъ питаніи человѣкъ бываетъ немощенъ тѣломъ и духомъ (австралійцы). Пища, пріисканіе которой въ потребномъ количествѣ возможно, но только съ очень большимъ трудомъ, содѣйствуя развитію тѣлесныхъ силъ и душевной энергіи, вмѣстѣ съ тѣмъ приковываетъ вниманіе людей къ низменнымъ интересамъ. Пища, которая достается, такъ сказать, отъ щедротъ природы, даромъ, располагаетъ къ лѣни.

Устройство поверхности. Горы препятствуютъ сплоченію раздѣленныхъ ими племенъ въ одно государство, благопріятствуютъ развитію исключительной привязанности къ своей родинѣ и отвращенія ко всему иноземному. Племена, обитающія на равнинѣ, всегда стремятся къ политическому объединенію; болѣе рѣзкія различія между ними значительно смягчаются. Такое вліяніе равнины уменьшается, когда она представляетъ большую степь, пустыню или сплошной лѣсъ. Море, богатое удобными гаванями, является средствомъ сообщенія, манящимъ къ пользованію имъ. Въ странахъ, прилегающихъ къ такимъ морямъ, вырабатываются подвижныя и предпріимчивыя націи, оказывающія на другихъ вредное или благотворное дѣйствіе, въ качествѣ пиратовъ, торговцевъ и колонизаторовъ.

Флора и фауна. Скудость растительнаго и животнаго царствъ, какою отличаются многія мѣстности, вынуждаетъ ихъ жителей вести бродячій образъ жизни. Богатыя дичью мѣста способствуютъ развитію охоты. Успѣшная охота, часто требуя хитрости, силы и отваги, содѣйствуетъ развитію ума и энергіи, а также воинственности и жестокости. Мирныя и правильныя занятія земледѣліемъ, возможныя тамъ, гдѣ почва плодородная, дѣлаютъ человѣка осторожнымъ, бережливымъ и скорѣе боязливымъ, чѣмъ храбрымъ.

Картины природы. Все, внушающее намъ чувство ужаса или изумленія, способно чрезмѣрно воспламенять

воображеніе и задерживать развитіе разсудка. Человѣкъ невольно сознаетъ свою слабость предъ силами природы и чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ. Его воля стѣснена множествомъ неустранимыхъ препятствій къ дѣятельности. Его умъ теряется предъ величіемъ природы и едва рѣшается изучать немногія частности, составляющія это величіе. Напротивъ, гдѣ внѣшнія явленія представляются въ меньшемъ размѣрѣ и съ меньшей силой, тамъ скорѣе люди пріобрѣтаютъ довѣріе къ самимъ себѣ. Менѣе запуганный умъ смѣлѣе берется за изученіе всего и старается познать не только доступное непосредственному опыту, но и сверхъопытное бытіе. Вліяніе природы слишкомъ величественной удобно прослѣдить въ исторіи древней Индіи или въ современной жизни аборигеновъ бассейна Амазонки.

Вліяніе внѣшней природы на человѣка, несомнѣнно, велико, но оно не безгранично. Природа имѣетъ дѣло съ существомъ разумнымъ, свободнымъ и дѣятельнымъ, а не съ какой-нибудь безличною и пассивною вещью. Какое воздѣйствіе окажетъ на человѣка сумма извѣстныхъ физическихъ условій, это зависитъ какъ отъ ихъ характера, такъ равно и отъ натуры человѣка, на котораго они воздѣйствуютъ. Притомъ люди, благодаря своему уму и волѣ, нерѣдко сильно измѣняютъ характеръ самой мѣстности, такъ что послѣдняя, значительно измѣнившись, не оказываетъ уже на людей своего первоначальнаго вліянія. Такимъ образомъ, хотя образованію расовыхъ и народовыхъ отличій много способствовали климатъ, пища и другія физическія условія, но въ то же время и природныя свойства племенъ, полученныя ими наслѣдственно отъ ихъ основателей, также имѣютъ здѣсь важное значеніе.

Вліяніе историческихъ условій чрезвычайно разнообразно и многосложно. Для примѣра укажемъ, что народъ, поставленный въ необходимость постоянно защищать свою политическую свободу отъ внѣшнихъ враговъ, естественно, вырабатываетъ соотвѣтственныя черты характера: смѣлость, энергію, предпріимчивость, воинственность и т. д.

Наслѣдственность.

§ 118. Наслѣдственностью называется тотъ законъ, въ силу котораго родители способны путемъ рожденія (а не вліянія или воспитанія) передавать свои качества дѣтямъ. Наслѣдственно могутъ переходить особенности физическія и психическія, нормальныя и ненормальныя.

Понятіе о наслѣдственности. Передача тѣлесныхъ отличій. Передача психическихъ отличій.

Тѣлесныя отличія. Наслѣдственная передача тѣлесныхъ отличій не подлежитъ сомнѣнію. Феллахи, евреи, негры на египетскихъ памятникахъ въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуютъ типамъ современныхъ представителей этихъ народностей [1]).

Закону наслѣдственности подчиняется внѣшнее строеніе тѣла: ростъ, цвѣтъ кожи, форма и объемъ тѣла и его частей, какъ-то — ногъ, рукъ, ушей, даже волосъ и ногтей, а болѣе всего очертанія физіономіи. Наравнѣ съ внѣшнимъ устройствомъ тѣла наслѣдуется обыкновенно и особенность его внутренней организаціи, т.-е. организаціи системъ: костной, нервной, пищеварительной, дыхательной, кровеносной. Плодовитость и продолжительность жизни могутъ также переходить отъ родителей къ дѣтямъ.

Замѣчательны случаи наслѣдственности уродствъ. Такъ, въ одной фамиліи у лицъ мужского пола пяти исходящихъ поколѣній наблюдалась на тѣлѣ „рыбья кожа“ (роговые наросты) [2]). Еще болѣе поразительна передача путемъ рожденія свойствъ, пріобрѣтенныхъ родителями во время ихъ жизни. Одинъ ученый (Орнштейнъ) приводитъ три случая передачи дѣтямъ измѣненій кожи, напр., въ видѣ красныхъ пятенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у родителей были раны [3]).

Невоспріимчивость въ отношеніи къ нѣкоторымъ бо-

---

[1]) Пэтри. Антропологія. II т., 335 стр.

[2]) Philosophical Transactions. II т., 251 стр.

[3]) Извѣстія Герм. общества антропологіи, этнографіи и др. ист. В. XXV, 1894.

лѣзнямъ, особенно оспѣ, какою отличаются иныя семьи, хорошо извѣстна. Наоборотъ, не менѣе извѣстно, какъ часто многія болѣзни (страданія легкихъ и печени, золотуха, подагра, сифилисъ, эпилепсія, неврастенія и др.) бываютъ слѣдствіемъ наслѣдственности.

Психическія отличія. Наслѣдственность имѣетъ важное значеніе и въ области жизни психической. Особенности того и другого внѣшняго чувства, достоинства и недостатки памяти, воображенія и разсудка, влеченія и склонности, инстинкты и нравственныя качества, наконецъ, душевныя болѣзни способны переходить отъ родителей къ дѣтямъ. Примѣры этого, приводимые въ литературѣ разсматриваемаго вопроса, можно сказать, безчисленны. Укажемъ нѣсколько изъ нихъ. Изъ фамиліи Баховъ вышло много людей, обладавшихъ музыкальнымъ талантомъ, который, между прочимъ, требуетъ особенно совершеннаго слуха. Семейство Дарвиновъ въ продолженіе четырехъ поколѣній даетъ даровитыхъ натуралистовъ [1]). Изъ рода римскаго императора Клавдія, славившагося своею жестокостью, вышли: низкій тиранъ Тиверій, кровожадный Каллигула, извѣстная своими злодѣяніями Агриппина и Неронъ.

Законы наслѣдственности.

§ 119. Главные выводы, къ какимъ пришла современная наука относительно наслѣдственности, слѣдующіе:

а) Наслѣдственность бываетъ или прямой, когда человѣкъ обнаруживаетъ свойства обоихъ родителей, или возвратной (атавизмъ), когда онъ имѣетъ сходство не съ отцомъ и матерью, а съ дѣдомъ, бабушкой и даже съ болѣе отдаленнымъ предкомъ. Въ каждомъ случаѣ, когда дитя заимствуетъ у родителей, обнаруживается преобладающее вліяніе одного изъ нихъ. Преобладаніе выражается въ переходѣ большаго числа особенностей отъ одноименнаго пола къ одноименному или къ противо-

---

[1]) Изъ русскихъ назовемъ Аксаковыхъ, Майковыхъ, Соловьевыхъ, у которыхъ также замѣчается наслѣдственная передача дарованій.

положиому. Но всегда ребенокъ наслѣдуетъ отъ обоихъ родителей.

Атавизмъ объясняется тѣмъ, что свойства предковъ у ихъ ближайшихъ потомковъ, напр., родителей, находились въ скрытомъ состояніи и обнаружились въ болѣе отдаленномъ поколѣніи, при благопріятныхъ для того условіяхъ.

Иногда наслѣдственность вступаетъ въ свои права въ опредѣленный періодъ жизни (гомохронность), напр., въ періодъ половой зрѣлости или въ старческомъ возрастѣ. Въ одной извѣстной намъ семьѣ, пишетъ проф. Пэтри, было трое сыновей, умиравшихъ послѣдовательно отъ чахотки около 30—32 лѣтъ. Сюда же должны быть отнесены характерные для многихъ семей примѣры долговѣчности или недолговѣчности.

б) Чѣмъ глубже что̀ засѣло въ природѣ человѣка, тѣмъ легче оно наслѣдуется. Особенности народовыя передаются вѣрнѣе, чѣмъ фамильныя, а фамильныя вѣрнѣе индивидуальныхъ. Увѣчья передаются въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, несмотря на то, что обрядъ обрѣзанія у евреевъ и магометанъ существуетъ много столѣтій, никто среди этихъ народностей не родился съ унаслѣдованнымъ поврежденіемъ.

в) Отличія тѣлесныя наслѣдуются легче душевныхъ, простые таланты легче такихъ, которые обусловлены взаимодѣйствіемъ нѣсколькихъ силъ души. Легче всего наслѣдуются инстинкты и качества внѣшнихъ чувствъ, а затѣмъ уже умственныя дарованія и черты характера.

г) Если къ дитяти переходятъ особенности, одинаково свойственныя обоимъ родителямъ, то онѣ нерѣдко получаютъ у него двойную силу. Это — одна изъ главныхъ причинъ, почему браки между близкими родственниками часто ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Когда отецъ и мать связаны между собою узами крови и такимъ образомъ подвержены однимъ и тѣмъ же недостаткамъ, то у дѣтей эти недостатки, суммируясь, могутъ проявиться съ удвоенной энергіею. Наоборотъ, неодинаковыя

свойства родителей (напр., расточительность отца и скупость матери) имѣютъ иногда взаимно умѣряющее дѣйствіе, такъ что у потомковъ получается средній результатъ.

д) Наслѣдуются только элементарныя формы и предрасположенія. Значитъ то, что прирождено, отличается большей или меньшей неопредѣленностью. Отъ физическихъ условій, воспитанія и личнаго опыта зависитъ степень и направленіе развитія природныхъ задатковъ. Часто дурная наслѣдственность не обнаруживается благодаря тому, что ея роковые задатки побѣждаются присущей организму регенеративной силой, способствующей возсозданію нормальнаго типа. Если бы организмы не обладали этой, въ полномъ смыслѣ слова, животворящей силой, если бы они не были способны бороться съ тѣми безчисленными врагами своей жизни, о которыхъ говоритъ намъ современная наука, то человѣчество, несомнѣнно, исчезло бы давно съ лица земли.

Такимъ образомъ, благодаря вліянію на человѣка физическихъ условій, воспитанія и личнаго опыта, благодаря присущей людямъ регенеративной силѣ, законъ унаслѣдованія въ своихъ дѣйствіяхъ ограничивается закономъ видоизмѣненія. Сынъ не представляетъ простого сочетанія качествъ отца и матери, какъ это было бы въ томъ случаѣ, если бы все здѣсь сводилось лишь на произведеніе подобныхъ подобными. Не только родные братья и сестры, но близнецы и даже сросшіяся двойни бываютъ непохожи другъ на друга.

2. Періодическія нормальныя особенности психической жизни.

Возрасты жизни.

Младенчество. Дѣтство.

§ 120. Жизнь человѣка дѣлятъ на періоды или возрасты. Главныхъ возрастовъ признается четыре: дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ и старость. Каждый изъ нихъ

имѣетъ свои физическія и психическія особенности. Для нашей науки особую важность представляетъ дѣтство— время пробужденія и необыкновенно быстраго развитія душевныхъ способностей. Этотъ періодъ заслуживаетъ поэтому болѣе подробнаго разсмотрѣнія, чѣмъ другіе.

Дѣтскій возрастъ длится отъ рожденія до 13—16 лѣтъ. Въ физіологическомъ отношеніи онъ характеризуется безпрерывнымъ и быстрымъ ростомъ тѣла.

Для бо́льшаго удобства прежде разсмотримъ жизнь дитяти въ первые два года, а затѣмъ въ остальные до наступленія юности.

Внѣшнія чувства. Въ первые дни жизни ребенка его ощущенія отличаются чисто субъективнымъ характеромъ. Лишь въ концѣ первой недѣли наблюдается отличеніе имъ свѣтлаго отъ темнаго. На четвертой недѣлѣ дитя уже слѣдитъ глазами за свѣчой, когда ее двигаютъ. На седьмой у него появляются рефлекторныя миганья. На 3—4 мѣсяцѣ глаза получаютъ блескъ и выраженіе. На шестомъ начинается различеніе цвѣтовъ (но не ихъ названій), которое становится правильнымъ къ концу года. Первоначально ребенокъ воспринимаетъ только чрезвычайно сильныя слуховыя раздраженія, но скоро онъ становится чувствительнымъ и къ болѣе слабымъ. Къ концу третьяго мѣсяца онъ поворачивается въ сторону звука; тихій мотивъ пѣсни его убаюкиваетъ. Осязаніе на первыхъ порахъ бываетъ весьма несовершеннымъ, такъ какъ органъ его (осязательные сосочки) вполнѣ развивается только къ концу перваго года. Тепловыя ощущенія, равно какъ и болевыя, доступны младенцу: онъ даже болѣе воспріимчивъ къ нимъ, чѣмъ взрослый. Чувство вкуса развито у новорожденнаго лучше высшихъ чувствъ. Онъ несомнѣнно различаетъ: сладкое, горькое, кислое и соленое. Обоняніе менѣе совершенно; сначала ощущаются только рѣзкіе запахи.

Воображеніе и память. Первые конкретные образы создаются на 4—5 мѣсяцѣ одновременно съ воспріятіями и въ зависимости отъ нихъ. Гораздо позже возникаютъ

общія представленія сперва о предметахъ, имѣющихъ большое поразительное сходство между собою, а затѣмъ приблизительно съ половины второго года, и о вещахъ, связанныхъ только однимъ сходнымъ признакомъ. Вмѣстѣ съ способностью воспріятія и представленія развивается память. Четырехмѣсячный ребенокъ нѣсколько недѣль помнитъ лицо своей матери. Пониманіе рѣчи окружающихъ, наступающее на 6—7 мѣсяцѣ, значительно расширяетъ объемъ памяти.

Чувствованія. Первоначально ребенку свойственны только два чувствованія — удовольствіе и неудовольствіе, связанныя съ ощущеніями. Отдѣльныя эмоціи появляются на шестомъ — девятомъ мѣсяцѣ; это бываетъ — страхъ, удивленіе, гнѣвъ и любовь. Говоря вообще, чувствованія ранняго возраста возбуждаются чаще воспріятіями, чѣмъ представленіями, и отличаются необузданностью, мимолетностью, измѣнчивостью и прихотливостью.

Страхъ пробуждается весьма рано и легко поднимается до степени аффекта, потрясающаго весь организмъ. Этотъ страхъ большинство психологовъ считаетъ явленіемъ инстинктивнымъ.

Въ дѣтствѣ наблюдается такой періодъ, когда изумленіе возникаетъ особенно часто и съ особой силой, когда все новое и неожиданное легко поражаетъ. Потомъ, съ трехлѣтняго возраста дитя удивляется уже рѣже и не въ такой степени.

Гнѣвъ раньше, чаще и сильнѣе обнаруживается у мальчиковъ, чѣмъ у дѣвочекъ. Дѣтская любовь первымъ своимъ предметомъ имѣетъ мать. Во второй четверти перваго года это волненіе обнаруживается въ формѣ радости въ присутствіи матери и печали въ ея отсутствіи. Нѣсколько позже, чѣмъ въ половинѣ года, оно осложняется состраданіемъ и наконецъ соединяется съ сознательнымъ стремленіемъ доставить любимому существу удовольствіе.

Способность желаній. Въ началѣ ребенокъ ничего не знаетъ ни о своихъ тѣлесныхъ органахъ, ни о воз-

можности управлять движеніями нѣкоторыхъ изъ нихъ, ни объ отношеніи такихъ движеній къ удовлетворенію своихъ потребностей. Поэтому способность желанія на первыхъ порахъ можетъ проявляться лишь въ формѣ инстинктивныхъ стремленій къ питанію, подражанію, дѣятельности, играмъ и т. д. Послѣ того, какъ эти стремленія были удовлетворены нѣсколько разъ и одинаковымъ образомъ, они, пробуждаясь въ душѣ, соединяются съ представленіемъ ихъ цѣли и средствъ ея достиженія, т.-е. переходятъ въ желанія.

Признаки свободной волевой дѣятельности начинаютъ проглядывать, когда движенія дитяти не столько вынуждаются тѣлесными потребностями, сколько вызываются внутренней самодѣятельностью его „я". Таковы, напр., движенія при поднятіи тяжелаго предмета, которыя предполагаютъ настойчивость въ попыткахъ, твердость въ преодолѣніи трудностей и практическое пониманіе въ сравненіи альтернативъ и выборѣ.

Изучивъ въ главныхъ чертахъ жизнь человѣка въ періодъ младенчества, познакомимся теперь съ его жизнью въ слѣдующіе годы до юношескаго возраста.

Познаніе. Ощущенія становятся разнообразнѣе и опредѣленнѣе. Совершенствуется зрѣніе, развивается слухъ, утончается способность различенія цвѣтовъ, качества и силы звуковъ. Въ три года дитя можетъ воспроизводить несложныя мелодіи; а въ семь—восемь даже участвовать въ концертахъ.

Представленія о величинѣ вещей, ихъ формѣ и разстояніи между ними образуются еще до двухъ лѣтъ; но теперь они получаютъ болѣе точности и вѣрности. Позже всего приходитъ способность охватывать однимъ взглядомъ группу предметовъ, напр., разстилающійся предъ глазами ландшафтъ. Отношенія временныя познаются значительно позже пространственныхъ. Дитя долгое время очень сбивчиво судитъ не только о продолжительности различныхъ событій; но и ихъ послѣдовательности.

На третьемъ-четвертомъ году дитя научается произно-

сить почти всѣ слова, съ нѣкоторыми, правда, неправильностями. Въ связи съ этимъ, а также съ расширеніемъ дѣятельности способностей ощущенія, воображенія и мышленія, развитіе памяти идетъ впередъ чрезвычайно быстро. Легко запоминаются имена лицъ и вещей, отдѣльныя фразы и небольшія стихотворенія. Для дитяти нетрудно заучить даже то, что недоступно его пониманію.

Работа воображенія сперва выражается въ реализаціи слышанныхъ разсказовъ и сказокъ, а потомъ и въ самостоятельномъ творчествѣ, болѣе всего въ сочиненіи собственныхъ сказокъ и въ играхъ. Съ пробужденіемъ стремленія къ истинѣ фантазія нѣсколько сдерживается въ своемъ свободномъ полетѣ и все болѣе подчиняется регулирующему вліянію разсудка, который пользуется ея помощью для изученія дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ развитіи мышленія важную фазу представляетъ то время, когда дитя начинаетъ употреблять слова „да" и „нѣтъ", чѣмъ показываетъ различеніе имъ истины отъ лжи, и задавать вопросы „зачѣмъ", „почему", что̀ указываетъ на пробужденіе въ немъ идеи причинности. Накопленіе плодовъ личнаго опыта открываетъ дитяти много предметовъ для сравненія, анализа, обобщенія и разсужденія (поступки, нравы, обычаи людей, жизнь животныхъ и т. д.). Индукція образуется раньше дедуктивныхъ заключеній. Стремленіе разсматривать предметы съ общихъ сторонъ, составлять абстрактныя понятія появляется лишь въ концѣ дѣтства.

Чувствованія. Въ области сердечной жизни особенную важность въ разсматриваемый періодъ имѣетъ развитіе интеллектуальныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ чувствованій.

Ростъ интеллектуальнаго чувства выражается въ двухъ направленіяхъ—въ увеличеніи интереса къ спеціальнымъ отдѣламъ знанія и въ усиленіи общей любознательности.

Первыя обнаруженія чувства красоты можно примѣтить въ раннемъ дѣтствѣ, но оно становится болѣе энергичнымъ и всесторонним гораздо позже. Вмѣстѣ съ разви-

тіемъ мышленія пріобрѣтается способность схватывать соотношенія многихъ частей, постигать ихъ симметрію и пропорціональность и соединять ихъ въ одно прекрасное цѣлое. Наслажденіе идейнымъ содержаніемъ произведеній искусства пока бываетъ очень слабымъ: оно предполагаетъ значительное умственное образованіе, получаемое въ юности.

Нравственное чувство, коренясь въ самой природѣ человѣка, пробуждается и совершенствуется постепенно при воздѣйствіи окружающихъ лицъ и болѣе всего родителей. Любовь и уваженіе къ отцу и матери побуждаютъ дитя любить и уважать тотъ законъ нравственности, которому они слѣдуютъ, и голосъ котораго онъ слышитъ внутри самого себя. Нравственное чувство получаетъ болѣе чистоты, благодаря развитію симпатіи къ ближнимъ, ослабляющей эгоизмъ.

Чувство Божества, лежащее въ основѣ человѣческаго духа, пробуждается вмѣстѣ съ самосознаніемъ. Первоначально оно обнаруживается, какъ безотчетное влеченіе къ Богу; потомъ оно мало-по-малу становится сознательной и разумной вѣрой въ Него, надеждой на Него и любовью къ Нему.

Воля. Важное значеніе для развитія воли имѣетъ упражненіе въ движеніяхъ, а особенно игры. Во время игры дѣти принимаютъ на себя различныя роли, выполненіе которыхъ часто связывается съ самоограниченіемъ и самообузданіемъ. „Въ обращеніи съ другими дѣтьми дитя научается повелѣвать и быть свободнымъ точно такъ же, какъ подчиняться и служить“. Уже въ первые годы жизни ребенка внимательный наблюдатель можетъ замѣтить въ немъ пробужденія тѣхъ или другихъ прирожденныхъ склонностей. Теперь онѣ выступаютъ явственнѣе и умножаются склонностями пріобрѣтенными. Образуются привычка читать, писать, привычка къ труду, порядку и т. д. или имъ противоположныя. Цѣльнаго, вполнѣ установившагося характера въ дѣтскихъ лѣтахъ, конечно, не можетъ быть. Тѣмъ не менѣе теперь именно полагается для него прочное основаніе.

Такое или иное воспитаніе и образованіе, товарищество и среда не остаются безъ вліянія на образованіе убѣжденій и на силу воли.

Юность. Зрѣлый возрастъ. Старость. Возрасты и темпераменты.

§ 121. Юношескій возрастъ обнимаетъ время отъ 13—16 года до 20—24 лѣтъ. Въ теченіе этого возраста происходитъ энергичное развитіе тѣлеснаго организма, а особенно полового аппарата.

Юноша воспринимаетъ все легко, но менѣе пассивно, чѣмъ дитя. Въ немъ пробуждается мало знакомая дитяти аналитическая, критическая дѣятельность разсудка: все почти вызываетъ сомнѣніе, подвергается разбору и обсужденію. Въ то же время яснѣе и подробнѣе раскрывается идеальное содержаніе разума [1]). Это содержаніе облекается въ опредѣленныя формы, создаваемыя изъ матеріала, доставляемаго опытомъ и наблюденіемъ. Такъ образуются идеалы. „Юноша стремится къ высшему и лучшему, онъ хотѣлъ бы пересоздать весь міръ". Идеальныя стремленія юноши, вмѣстѣ съ сознаніемъ того, что будущее для него еще впереди, постоянно поддерживаютъ въ немъ жизнерадостное настроеніе. Неудачи и несчастья сразу сильно потрясаютъ, но они скоро забываются, уступая мѣсто пріятнымъ надеждамъ. Исполненный безкорыстія, юноша рѣдко обращаетъ вниманіе на свои денежные интересы; также рѣдко прибѣгаетъ онъ и къ хитрости. Рѣшившись на дурной поступокъ, онъ скоро чувствуетъ отъ того живое угрызеніе совѣсти.

Зрѣлый возрастъ продолжается отъ прекращенія тѣлеснаго роста до прекращенія половой производительности. Съ физіологической стороны этотъ періодъ жизни характеризуется тѣмъ, что тѣло не растетъ, а только увеличивается въ крѣпости, „балансъ траты и обновленія" въ организмѣ почти равенъ. Способность тѣла къ лишеніямъ и напряженію, сила сопротивленія различнымъ вред-

---

[1]) Струве. Способности и развитіе фил. ума. Вопр. ф. и пс. 1897 г IV, 564 и 565.

нымъ внѣшнимъ вліяніямъ достигаетъ теперь самой высокой степени.

Въ зрѣломъ возрастѣ душевная жизнь отличается равновѣсіемъ и устойчивостью. Теперь должно открыться насколько прочно идеалы юности вкоренились въ душѣ и насколько они приложимы къ жизни. Если человѣкъ образовалъ твердыя и правильныя убѣжденія и если достаточно развилъ силу своей воли, то онъ стремится всегда быть имъ вѣрнымъ и въ своей семейной жизни, и въ жизни общественной, и въ прохожденіи избраннаго служенія.

Въ зрѣлыхъ лѣтахъ юношеская расточительность уступаетъ мѣсто разсчетливости. Пылкая любовь переходитъ въ прочную дружбу. Мужъ не слѣдуетъ первымъ побужденіямъ, не увлекается всякимъ предпріятіемъ, но основательно обсуждаетъ свои намѣренія, оцѣниваетъ препятствія, сообразуется съ собственными силами. Однако, онъ и не падаетъ подъ ударами судьбы, находя для себя поддержку во внушеніяхъ нравственнаго и религіознаго чувства.

Границы старости измѣнчивѣе, чѣмъ другихъ возрастовъ. „Въ тѣлесномъ организмѣ балансъ траты и обновленія начинаетъ колебаться“; всѣ отправленія совершаются медленнѣе. Когда организмъ отказывается служить, наступаетъ смерть.

Духовныя силы въ старости, повидимому, также ослабѣваютъ. Внѣшнія чувства, особенно зрѣніе и слухъ, притупляются. Порывы фантазіи становятся рѣже и умѣреннѣе. Память явленій позднѣйшей жизни ослабѣваетъ. Сердечныя волненія возбуждаются труднѣе; ко многому наступаетъ равнодушіе. Желанія лишаются прежняго разнообразія и энергіи.

Старость имѣетъ и свои преимущества предъ другими возрастами. Только достигшій ея располагаетъ богатымъ жизненнымъ опытомъ: у него было достаточно времени для наблюденій и размышленій. Опытъ показалъ истинную цѣну вещей; теперь онъ принимаетъ все за то,

что оно есть. Поэтому часто въ старости болѣе выдвигаются разсудительность, основательность и проницательность, свойства, придающія почти каждому старику особый отпечатокъ мудрости („Во мнозѣ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе"). Поэтому же въ позднемъ возрастѣ можно достигнуть непосредственнаго, искренняго и твердаго убѣжденія въ суетности всѣхъ земныхъ благъ: удовольствій и развлеченій, роскоши и блеска, славы и величія... „Отсюда—то душевное спокойствіе, съ какимъ старецъ добродушно смотритъ сверху внизъ на мірскія комедіи". Нерѣдко думаютъ, что скука—неизбѣжный удѣлъ старости. Но ей подвергаются лишь тѣ старики, которые въ протекшіе годы знали только внѣшнія удовольствія и не заботились о развитіи всѣхъ сторонъ своей внутренней жизни. Правда, внѣшнія дѣла мало интересуютъ старика, но его вниманіе все чаще и продолжительнѣе останавливается на вопросѣ о загробной участи. Этотъ вопросъ нерѣдко безпокоитъ въ старости даже людей, раньше индифферентно относившихся къ метафизикѣ и религіи.

Упадокъ силъ въ старости, все болѣе и болѣе возрастающій, какъ говоритъ Шопенгауэръ, конечно, очень печаленъ, но онъ необходимъ или даже благодѣтеленъ, потому что иначе смерть, которую онъ подготовляетъ, была бы очень тяжелой.

Между возрастами и темпераментами замѣчается нѣкоторое сходство. Живущее наступающимъ моментомъ дѣтство напоминаетъ сангвиническій темпераментъ. Дѣятельный энергичный мужъ скорѣе всего напоминаетъ холерика. Спокойный, невозмутимый старикъ напрашивается на сравненіе съ флегматикомъ. При всемъ этомъ темпераментъ и возрастъ въ своей сущности и происхожденіи другъ отъ друга независимы. Утверждать, что первый обусловливается послѣднимъ, или что свойства послѣдняго опредѣляются свойствами перваго, одинаково несправедливо. Они только оказываютъ другъ на друга вліяніе; такъ что въ жизни каждаго человѣка бываетъ такой періодъ, когда темпераментъ и возрастъ находятся въ гар-

моніи и поэтому проявляютъ каждый свои особенности съ особой полнотой и, наоборотъ, бываетъ время, когда черты того и другого вслѣдствіе ихъ дисгармоніи нѣсколько сглаживаются въ своихъ крайностяхъ. Первый періодъ, очевидно, наиболѣе опасенъ для правильнаго хода психической жизни человѣка.

Сонъ и сновидѣнія.

Сонъ, точно такъ же, какъ и бодрствованіе, есть состояніе вполнѣ нормальное. Всѣ главные жизненные процессы, совершающіеся во время бодрствованія, совершаются и во время сна, измѣняясь не существенно, не по качеству, а въ количественномъ отношеніи. Сонъ въ извѣстный періодъ времени обнимаетъ цѣльную жизнь человѣка, а не одну какую-либо ея область.

Характеристика сна.

§ 122. Физіологическая сторона сна. Съ наступленіемъ сна въ организмѣ наблюдаются слѣдующія перемѣны. Вѣки опускаются и закрываютъ глаза. Произвольныя мышцы теряютъ свою упругость. Дыханіе становится менѣе частымъ и глубокимъ; количество воспринимаемаго кислорода увеличивается, а количество выдыхаемой углекислоты уменьшается. Сердце бьется менѣе энергично, пульсъ замедляется, температура падаетъ. Кровеносные сосуды на поверхности тѣла расширяются; во внутреннихъ же органахъ, особенно въ мозгу, сокращаются. Отъ этого мозгъ блѣднѣетъ и какъ бы съеживается. „Только питаніе — растительный процессъ возстановленія потребленныхъ и извергнутыхъ элементовъ тѣла — остается на высотѣ своей дѣятельности и даже усиливается; онъ, естественно, распространяется и на нервную систему“ [1]).

Психическая сторона сна. Душевная жизнь во время сна не останавливается, не прекращается; ея отправленія продолжаютъ попрежнему совершаться, при-

[1]) Ульрици. Тѣло и душа, 394 стр.

чемъ одни изъ нихъ ослабѣваютъ, другія же еще усиливаются.

Сознаніе и самосознаніе темнѣютъ. Наша связь съ внѣшнимъ міромъ, повидимому, прерывается. Мы допускаемъ въ сновидѣніяхъ самые несогласные съ нашимъ „я“ поступки. Тѣмъ не менѣе сохраняется хоть смутное различеніе внѣшнихъ явленій другъ отъ друга и смутное чувство тождества и единства своей личности. Мать, спящая у постели своего больного ребенка, не проснется отъ шума экипажа, быстро проѣхавшаго мимо окопъ, тогда какъ чуть слышный вздохъ ребенка заставляетъ ее вскочить на ноги [1]). Спящій иногда смѣняетъ свое положеніе изъ неудобнаго въ болѣе удобное. Какіе бы нелѣпые поступки мы ни совершали въ сновидѣніяхъ, эти поступки мы, все-таки, относимъ къ себѣ, причемъ у насъ иногда возникаетъ сожалѣніе или изумленіе, зачѣмъ они нами были допущены.

Въ области мышленія происходитъ рѣзкая перемѣна: логическіе законы постоянно нарушаются. Однако дѣятельность разсудка не прекращается совершенно. Во снѣ мы разсуждаемъ, подвергаемъ критикѣ чужія рѣчи и дѣла. Въ исключительныхъ случаяхъ возможны даже высшія степени правильной умственной работы (см. § 123).

Способность чувствованій, вѣроятно, проявляется не съ меньшей силой, чѣмъ и въ бодрственномъ состояніи. Кто не испыталъ, какъ тяжелы бываютъ во снѣ порывы горя? Нѣтъ ни одного сердечнаго волненія, которое во снѣ не могло бы достигнуть своей наивысшей силы.

Власть человѣка надъ своими тѣлесными движеніями и душевными состояніями, повидимому, прекращается. Обыкновенно тѣло лежитъ въ полномъ покоѣ. Нѣтъ возможности на чемъ-либо произвольно сосредоточить свое вниманіе. Оттого страшный сонъ налегаетъ на насъ, какъ грозная туча, и мы не въ состояніи освободиться отъ него. При всемъ этомъ и спящій не лишается спо-

[1]) Рибэ. Опытъ общей психологіи, 66 стр.

собности желаній. Можно внезапно проснуться, вслѣдствіе сильнаго волевого усилія. Положимъ, наши желанія всецѣло управляются чувствованіями, но они, все-таки, возникаютъ въ нашей душѣ.

Наконецъ, что касается воображенія, то оно обнаруживаетъ во снѣ особенно живую и энергичную дѣятельность, построяя самые разнообразные, самые причудливые образы.

§ 123. Несомнѣнно, ночь болѣе располагаетъ ко сну, чѣмъ день; но она не обусловливаетъ всецѣло его наступленія. Солнечный свѣтъ оказываетъ возбуждающее вліяніе на организмъ, но это вліяніе не настолько сильно, чтобы всегда препятствовало заснуть днемъ. Иногда приходится ночью бодрствовать, напр., сидя у постели больного, а днемъ спать. Равнымъ образомъ и усталость мускуловъ, способствуя сну, еще не составляетъ его прямой причины. Нерѣдко послѣ тяжелаго физическаго труда чувствуется одна потребность отдыха, и не клонитъ ко сну. Очевидно, прежде всего и болѣе всего сна требуютъ чувствительные и двигательные нервы и отъ нихъ исходитъ побужденіе ко сну; ихъ состояніемъ обусловлено какъ наступленіе сна, такъ и пробужденіе. Поэтому-то одни наркотическія средства — опій, морфій, всѣ виды эфира, углекислый газъ и т. д., могутъ усыпить даже противящагося сну, тогда какъ другія внѣшнія средства— кофе, чай, умѣренное количество вина, камфора, дѣйствуя на нервы возбуждающимъ образомъ, разгоняютъ сонливость. Поэтому-то во время сна почти всѣ органическіе процессы, болѣе или менѣе зависящіе отъ содѣйствія нервной системы, совершаются слабѣе и медленнѣе; только процессъ питанія, управляемый, главнымъ образомъ, симпатической системой, усиливается. Итакъ, слѣдуетъ полагать, что физіологическая причина сна лежитъ въ состояніи чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ, именно, въ ихъ утомленіи или истощеніи, какъ полагаютъ многіе, вслѣдствіе большой траты кислорода. Причины сна.

Душа также небезучастна въ процессѣ сна. Правда,

въ отсутствіи соотвѣтствующихъ физіологическихъ условій одно усиліе воли не можетъ ни вызвать сна, ни предотвратить его. Но можно долго удерживаться отъ сна, намѣренно устремляя свое вниманіе на интересные предметы. Въ нашей волѣ—образовать привычку ложиться и вставать въ опредѣленное время. Мало этого. И душа, подобно тѣлу, имѣетъ потребность во снѣ, именно потребность уравнять центробѣжное и центростремительное направленіе своей дѣятельности. Съ психологической точки зрѣнія, при помощи сна удовлетворяется стремленіе души оторваться на время отъ явленій внѣшняго міра, которыми преимущественно занято наше сознаніе во время бодрствованія и какъ бы уйти въ самоё себя.

Сновидѣнія. Происхожденіе сновидѣній. Внѣшнія чувства. Память. Чувствованія. Воображеніе.

§ 124. Сновидѣнія представляютъ собою отраженіе психической жизни въ нашемъ сонномъ сознаніи. Такъ какъ сознаніе и душевная дѣятельность не прекращаются во время сна, то, очевидно, сонъ никогда не бываетъ безъ сновидѣній, хотя часто, по пробужденіи, мы никакъ не можемъ ихъ припомнить [1]).

---

[1]) На вопросъ о томъ, всегда ли сонъ сопровождается грезами, въ наукѣ существуетъ два отвѣта—положительный и отрицательный. Мы признаемъ вѣрнымъ первый отвѣтъ. Душевная жизнь никогда не прекращается ни на одну минуту, не прерывается она также и во снѣ. Сновидѣнія же, скажемъ словами составителя семинарской программы, „служатъ проявленіями душевной жизни во время сна". Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ тотъ выводъ, что сонъ никогда не бываетъ безъ сновидѣній. Правда, защитники противоположнаго взгляда возражаютъ: а) часто по пробужденіи нельзя вспомнить, снилось ли намъ что-нибудь; б) движенія, которыми обыкновенно выражаются грезы, при глубокомъ снѣ прекращаются; в) нѣтъ никакого затрудненія умственно переступить чрезъ границу между самымъ слабымъ проблескомъ душевной дѣятельности и ея полнымъ отсутствіемъ, или предположить „minimum", равный 0. Эти возраженія не выдерживаютъ критики. Противъ перваго замѣтимъ: все, нами пережитое, хранится въ памяти (по признанію лучшихъ современныхъ психологовъ, абсолютнаго забвенія нѣтъ); тѣмъ не менѣе, далеко не все, пережитое нами, воспоминается. Поэтому, если человѣкъ не въ состояніи вспомнить о фактѣ, который могъ быть данъ въ его прежнемъ внутреннемъ опытѣ, то одно только это обстоятельство еще не

Въ образованіи сновидѣній, главнымъ образомъ, принимаютъ участіе—способность ощущеній, память, воображеніе и способность чувствованій.

Внѣшнія чувства неодинаково подвергаются глубокому сну. То или иное изъ нихъ можетъ воспринимать впечатлѣнія и доставлять матеріалъ для сновидѣній. Глаза, почти всегда закрытые вѣками, рѣдко бываютъ доступны внѣшнимъ физическимъ раздраженіямъ, поэтому и сновидѣнія, содержащія въ себѣ зрительныя ощущенія, случаются рѣдко. Точно также, не часто въ составъ сновидѣнія входятъ вкусовыя и обонятельныя ощущенія. Слухъ и осязаніе сохраняютъ значительную чувствительность къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, поэтому они являются важнымъ источникомъ сновидѣній. Шумъ, стукъ, трескъ, пѣніе, крики — все это вноситъ особые элементы въ картину, проходящую предъ сознаніемъ спящаго. Когда голова испытываетъ давленіе отъ кровати, то снится, напр., что несешь какую-либо тяжелую вещь на головѣ. При отупѣніи части тѣла во снѣ представляется чужой чело-

---

доказываетъ, что такого факта онъ и не переживалъ. Иногда человѣкъ по пробужденіи никакъ не можетъ вспомнить, видѣлъ ли онъ что-либо въ данную ночь во снѣ, готовъ утверждать и нерѣдко дѣйствительно утверждаетъ, что не видѣлъ ничего, и вдругъ потомъ, спустя нѣсколько времени, въ его сознаніи, при благопріятныхъ условіяхъ, развертывается полная картина видѣннаго имъ сна; или же по словамъ лицъ, наблюдавшихъ спящаго, оказывается, что онъ дѣлалъ жесты и восклицанія, которые остались бы совершенно необъяснимыми безъ предположенія вызвавшихъ эти жесты и восклицанія грезъ. Второе возраженіе еще легче опровергнуть. Какъ не всегда и не у всякаго душевная жизнь во время бодрствованія выражается во внѣ, такъ и не всѣ видѣнія во время сна выражаются въ движеніяхъ. Я могъ видѣть очень длинный и сложный сонъ и однако ничѣмъ его не обнаружить, если онъ не былъ достаточно живымъ. Наконецъ, что касается послѣдняго возраженія, то оно не основано ни на какихъ фактахъ и представляетъ собою чистую гипотезу, слишкомъ сомнительную. Едва ли можно мысленно переступить границу между слабымъ проблескомъ душевной дѣятельности и ея полнымъ отсутствіемъ. Какой бы „minimum“ мы ни взяли, все-таки онъ составляетъ нѣчто, а не ничто.

вѣкъ, лежащій возлѣ насъ, котораго мы напрасно силимся оттолкнуть. Богатый матеріалъ для сновидѣній доставляютъ органическія ощущенія. Состояніе дѣятельности, возбужденія, болѣзни какого-либо внутренняго органа тѣла часто во снѣ сопровождается грезами, имѣющими связь съ отправленіемъ этого органа. Стѣсненное дыханіе сопровождается сновидѣніемъ, что насъ хочетъ задушить чудовище. При наклонности къ головокруженію спящій видитъ себя падающимъ съ высокой башни или крутой горы. Голодному грезятся съѣдобныя блюда и т. д.

Анализъ сновидѣній показываетъ, что ощущенія почти никогда не входятъ въ ихъ содержаніе въ своемъ настоящемъ видѣ; они обыкновенно такъ перетолковываются, что ихъ можно открыть только путемъ догадокъ, да и то не всегда.

Память также служитъ богатымъ источникомъ сновидѣній. Самыя обычныя составныя части послѣднихъ— это образы событій истекшаго дня. Иногда воспроизводятся во снѣ и очень давніе факты, вслѣдствіе какого-нибудь неожиданнаго толчка, даннаго въ теченіе дня старымъ ассоціаціямъ. Днемъ на улицѣ меня внезапно обдало какимъ-либо запахомъ, и я потомъ во снѣ вижу сцены изъ моего дѣтства, связанныя съ этимъ запахомъ. Случается, что спящій вспоминаетъ названія, вещи, лица, которыя на яву не обратили на себя его вниманія или даже вовсе не были имъ замѣчены, или которыхъ онъ никакъ не могъ вспомнить предъ сномъ.

Воспоминанія, подобно ощущеніямъ, рѣдко входятъ въ сонное сознаніе въ своемъ натуральномъ видѣ. Они служатъ лишь матеріаломъ для сновидѣній. По выраженію Грота, „это—краски, а не кисть художника“.

Чувствованія въ образованіи сновидѣній играютъ болѣе активную роль, чѣмъ ощущенія и воспроизведенные образы. Они являются какъ бы цементомъ, связывающимъ разнородные элементы, какъ известка скрѣпляетъ отдѣльные кирпичи и камни. Положимъ, говоритъ Аберкомби, мы узнаемъ о печальномъ происшествіи, потомъ получаемъ

непріятное извѣстіе объ отъѣздѣ друга и, наконецъ, какое-либо личное дѣло насъ сильно безпокоитъ. Эти разновременныя и различныя событія, сопровождавшіяся волненіемъ одного и того же вида, во снѣ сплетаются въ одно цѣлое. Мы сами прикосновенны къ печальному событію, отсутствующій другъ оказывается вмѣстѣ съ нами, и тутъ же на сцену является лицо, съ которымъ у насъ были дѣловыя сношенія.

Воображеніе есть главный факторъ сновидѣній. Оно объективируетъ ощущенія и представленія спящаго, сообщая имъ реальный характеръ дѣйствительности. Оно производитъ самыя необыкновенныя превращенія не только другихъ людей, но и спящаго лица. Характеры возвышенные и серьезные являются въ образахъ смѣшныхъ или не соотвѣтствующихъ ихъ нравственному достоинству. Сглаживаются границы, отдѣляющія естественное отъ неестественнаго и сверхъестественнаго, дѣйствительное отъ возможнаго. Въ связи съ этимъ стоитъ отсутствіе разсудительности. „Иной разъ [1]) мы смѣемся во снѣ надъ остротою, въ сущности вовсе неостроумною, или высказываемъ весьма банальную вещь, какъ глубокую философскую мысль“. Фантазія не сообразуется съ условіями пространства и времени; переноситъ личность въ самыя отдаленныя мѣста и эпохи; заставляетъ ее проходить землю и небо; развертываетъ и смѣняетъ предъ взоромъ человѣка самыя разнообразныя панорамы; она смѣшиваетъ между собою отдѣльные моменты времени—настоящее, прошедшее и будущее; событія совершаются съ быстротою мысли. Вообще, такъ какъ фантазія спящаго мало стѣсняется тѣми границами, какія въ состояніи бодрствованія полагаютъ ей внѣшній міръ, разсудокъ и воля, то ея образы отличаются крайней причудливостью и произвольностью.

Но какою свободою ни пользуется воображеніе во время сна, для его дѣятельности и тогда существуютъ

---

[1]) Вундтъ. Физіол. психологія. II т., 920 стр.

извѣстные предѣлы. У каждаго человѣка въ составъ сонныхъ грезъ входятъ только такія воспріятія, представленія, мысли, чувствованія, желанія, какія ему доступны; говоря иначе, сновидѣнія всегда носятъ индивидуальный характеръ. Отъ рожденія глухонѣмымъ или слѣпымъ никогда не приснится, что они ведутъ разговоръ или видятъ предметы. Спящій, если онъ суевѣренъ или религіозенъ, гордъ или низкопоклоненъ, застѣнчивъ или уступчивъ, сангвиникъ или меланхоликъ, мстителенъ или снисходителенъ, откровененъ или хитеръ—обыкновенно не теряетъ своихъ особенностей и въ видѣніяхъ [1]). Счастливый чаще имѣетъ радостные сны, несчастный—печальные и тревожные.

Необыкновенныя сновидѣнія.

§ 125. Общее изслѣдованіе сновидѣній закончимъ частнымъ замѣчаніемъ относительно тѣхъ изъ нихъ, которыя бываютъ рѣдко, рѣзко отличаются отъ сновъ обычныхъ и могутъ быть названы необыкновенными сновидѣніями.

Одни изъ необыкновенныхъ сновъ поражаютъ насъ послѣдовательнымъ теченіемъ мышленія, которое носитъ, такимъ образомъ, почти тотъ же характеръ, что и во время бодрствованія. Сюда принадлежатъ сновидѣнія, въ которыхъ люди создаютъ произведенія искусства, рѣшаютъ научныя задачи или трудные запутанные вопросы изъ житейской практики. Вольтеръ во снѣ сложилъ цѣлую пѣснь своей Генріады. О скульпторѣ Даннекерѣ разсказываютъ, что свое знаменитое изваяніе Христа онъ видѣлъ предварительно во снѣ. Математикъ Меньянъ открывалъ во снѣ теоремы или доказательства готовыхъ теоремъ. Основу сновидѣній, подобныхъ приведеннымъ, составляютъ мысли, сильно интересовавшія во время бодрствованія. Иногда человѣкъ наканунѣ проведенной во снѣ ночи упорно работалъ надъ какимъ-нибудь вопросомъ. Во время ночного сна эта работа можетъ продолжаться и закончиться.

---

[1]) Маудсли. Сонъ и сновидѣнія. 45 стр.

Къ необыкновеннымъ сновидѣніямъ должно отнести пророческіе или вѣщіе сны. Содержаніе ихъ очень разнообразно. Одни сновидѣнія открываютъ прошедшія событія повидимому или дѣйствительно намъ неизвѣстныя. Другія говорятъ о будущихъ событіяхъ, имѣющихъ случиться съ нами, съ кѣмъ-либо инымъ. Извѣстны случаи, когда люди видятъ себя во снѣ больными; они просыпаются совершенно здоровыми, но, спустя немного времени, заболѣваютъ. По разсказу д. Симона одна дама въ ночь предъ отъѣздомъ на правительственной лодкѣ изъ Кайтуна въ Кохинхину нѣсколько разъ видѣла во снѣ крушеніе и пожаръ на кораблѣ; и путешествіе ея оказалось самымъ несчастнымъ: паровой котелъ канонерки лопнулъ, дама получила сильные ожоги и умерла въ страшныхъ мученіяхъ [1]).

Происхожденіе многихъ вѣщихъ сновъ бываетъ вполнѣ естественнымъ. Такъ, начавшійся въ организмѣ болѣзненный процессъ на первыхъ порахъ можетъ наяву проходить совершенно незамѣченнымъ, а во снѣ служитъ поводомъ къ образованію соотвѣтствующаго ему видѣнія. Сонъ дамы объясняется слѣдующимъ образомъ. О плохомъ состояніи паровыхъ котловъ на правительственныхъ канонеркахъ знали всѣ въ колоніи; вполнѣ основательныя опасенія дамы были причиною образовъ, явившихся во снѣ въ теченіи ночи, предшествовавшей отъѣзду. Говоря вообще, сновидѣнія помнятся смутно; поэтому при сличеніи съ дѣйствительностью они нерѣдко подвергаются невольному искаженію и принимаются за предсказаніе этой дѣйствительности. Иногда сны сбываются вслѣдствіе того, что ассоціаціи, образующіяся, когда мы спимъ, потомъ незамѣтно оказываютъ вліяніе на ходъ нашей сознательной жизни. Наконецъ, во время сна могутъ по самому незначительному поводу появиться образы прошлыхъ событій, воспринятыхъ душею, но не полу-

---

[1]) Симонъ. Міръ грезъ. 51 стр.

чившихъ во время бодрствованія доступа въ сознаніе, занятое другими образами [1]).

Итакъ, многія вѣщія сновидѣнія образуются естественнымъ путемъ. Но нельзя отрицать возможность и дѣйствительность сновидѣній, въ строгомъ смыслѣ, пророческихъ, т.-е. такихъ, происхожденіе которыхъ становится для насъ понятнымъ только при признаніи общенія души спящаго съ міромъ невидимымъ, душами умершихъ, злыми и добрыми ангелами и Богомъ. Раскрытіе характера этихъ сверхъестественныхъ сновъ, ихъ смысла и значенія входитъ въ задачу богословской науки [2]).

3. Ненормальныя особенности психической жизни.

Однѣ изъ ненормальныхъ особенностей психической жизни, напр., меланхолія, манія, идіотизмъ, бываютъ продолжительными, обнимаютъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ или даже всю жизнь субъекта. Это, въ строгомъ смыслѣ, душевныя болѣзни. Другія бываютъ кратковременными, проявляются нѣсколько минутъ, часовъ. Таковы: экстазъ, естественный сомнамбулизмъ, гипнотизмъ и спиритизмъ. Въ отличіе отъ душевныхъ болѣзней назовемъ ихъ патологическими состояніями психической жизни.

Душевныя болѣзни.

Классификація душевныхъ болѣзней; сумасшествіе или паранойя; меланхолія; манія.

§ 126. Наука еще не установила одной общепринятой классификаціи душевныхъ болѣзней; почти каждый выдающійся психіатръ предлагаетъ свою, не удовлетворяясь чужими. Кажется, всѣ душевныя болѣзни было бы удобно дѣлить на двѣ, правда, далеко неравныя группы:

[1]) Нѣсколько вѣщихъ сновъ естеств. происхожденія приводятся у проф. Грота. См. его Сновидѣнія. 1878 г.

[2]) Вопросъ о такихъ снахъ рѣшается свящ. Свѣтловымъ въ его книгѣ „О пророческихъ сновидѣніяхъ“.

а) на характеризующіяся разстройствомъ хода психической жизни и б) на характеризующіяся ненормальной слабостью этого хода. Первыя можно бы подраздѣлить на три вида въ зависимости отъ того, какая область душевной жизни преимущественно страдаетъ—умственная ли, сердечная или волевая.

Дѣло психіатріи—подробно изслѣдовать всѣ многоразличныя душевныя болѣзни. Мы же ограничимся краткимъ разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ ихъ формъ. именно: сумасшествія, меланхоліи, маніи, идіотизма, тупоумія и старческаго слабоумія.

а) При сумасшествіи разстройство главнымъ образомъ выражается въ неправильной интеллектуальной дѣятельности, болѣе всего, въ болѣзненномъ воспріятіи и переработкѣ внѣшнихъ впечатлѣній. Характеристическимъ симптомомъ болѣзни служатъ стойкія идеи бреда.

Бредовыя идеи иногда возникаютъ подъ вліяніемъ галлюцинаціи, а иногда являются вполнѣ самостоятельно. Больному, какъ какое открытіе, вдругъ блеснетъ мысль, что его отравили, или что противъ кого-либо изъ дорогихъ ему лицъ составился заговоръ. Поразительна легкость, съ которою образуются идеи бреда самаго страннаго содержанія, на основаніи совершенно ничтожнаго повода. Параноикъ, напр., видитъ оскорбительные намеки себѣ въ газетахъ, въ рисункахъ на обояхъ и т. д. Бредовыя идеи почти всегда носятъ или характеръ послѣдованія, или характеръ величія. Обыкновенно онѣ сочетаются въ опредѣленное воззрѣніе или систему, центральный пунктъ которой составляетъ самъ больной или кто-либо изъ близкихъ ему лицъ.

Вмѣстѣ съ бредомъ наблюдаются другія ненормальныя душевныя явленія. Разсудительность слабѣетъ; кругъ понятій съуживается; логику замѣняетъ резонерство. Въ концѣ концовъ болѣзнь можетъ привести къ полному слабоумію.

Расположеніе души стоитъ въ зависимости отъ содержанія бредовыхъ идей. Вообще, параноики отличаются

скрытностью, угрюмостью, подозрительностью, придирчивостью и очень часто безсердечностью и жестокостью. Поступки также опредѣляются бредомъ. Подъ вліяніемъ, напр., идеи преслѣдованія больной принимаетъ различныя мѣры къ огражденію себя отъ мнимыхъ враговъ и нерѣдко даже самъ нападаетъ на нихъ.

При паранойѣ бываютъ различныя явленія повышенія или пониженія впечатлительности нервовъ. Питаніе въ общемъ правильное. Сонъ часто тревожный.

Болѣзнь въ зависимости отъ того, приняла ли она острую форму или хроническую, иногда протекаетъ быстро, чрезъ 10 — 40 дней оканчиваясь выздоровленіемъ, а иногда тянется нѣсколько лѣтъ, пока не закончится неизлечимымъ слабоуміемъ.

б) При меланхоліи болѣе всего разстроена область сердечной жизни. Основнымъ признакомъ болѣзни является крайне мрачное настроеніе, къ чему обыкновенно присоединяется связанность мыслей и воли.

Меланхоликъ постоянно испытываетъ печаль, горе, тоску, страхъ, отчаяніе. Эти чувствованія достигаютъ у него до степени силы аффекта и причиняютъ ему невыносимую душевную муку. Возможность возникновенія волненій сколько-нибудь пріятныхъ прекращается. Иногда больной и самъ сознаетъ это; онъ помнитъ какъ прежде могъ радоваться, могъ сочувствовать другимъ, а теперь все это ему недоступно.

Мысли текутъ крайне медленно. Нѣкоторые, несмотря на все свое усиліе, не въ состояніи написать одного письма въ теченіе цѣлаго дня. У другихъ ходъ мышленія не такъ заторможенъ, но оно всегда бываетъ крайне одностороннимъ. Отсюда меланхоликъ не можетъ, напр., понять обращенныхъ къ нему словъ утѣшенія. Иногда замѣчается бредъ, чаще всего самоуничиженія и самообвиненія. Разстройство воли велико. Меланхолика ничто не интересуетъ, ему ничего не хочется, кромѣ развѣ только смерти. Слабость воли находитъ для себя выраженіе въ крайней нерѣшительности. Сознаніе нѣсколько

понижается. Меланхоликъ не сознаетъ себя больнымъ. Но глубокаго помраченія сознанія не бываетъ. Онъ ясно понимаетъ, гдѣ находится, понимаетъ положеніе и значеніе окружающихъ лицъ.

Выраженіе лица монотонно. Аппетитъ слабый; пищеваренiе плохое. Пульсъ слабый и частый. Сонъ тревожный и непродолжительный.

Исходъ болѣзни—чаще выздоровленіе, хотя и нескоро наступающее: рѣдко раньше шести мѣсяцевъ, а обыкновенно въ концѣ перваго года и позже. Иногда меланхолія принимаетъ хроническую форму или переходитъ въ слабоуміе.

в) Въ основѣ маніи лежитъ ненормальное возбужденіе психической жизни, которое находитъ для себя выраженіе не столько во взрывахъ аффекта, сколько въ легкомъ и быстромъ переходѣ каждаго стремленія въ дѣятельность.

Чрезмѣрное повышеніе впечатлительности внѣшнихъ чувствъ при маніи явленіе обычное. Иллюзіи бываютъ часто, галлюцинаціи рѣже. Способность воспоминанія обостряется. Образы воображенія отличаются необыкновенною живостью. Ходъ представленій ускоряется до того, что наконецъ можетъ развиться „спутанность или вихрь идей". Образуется бредъ, носящій, по большей части, характеръ величія. Содержаніе бреда легко мѣняется. Маніакъ почти въ одно и то же время воображаетъ себя то поэтомъ, то художникомъ, то полководцемъ, то профессоромъ и т. д. Понятія, сужденія, умозаключенія такъ же безпорядочны, какъ и представленія. Настроеніе повышенное и неровное. Различныя чувствованія быстро смѣняются одни другими, но они преимущественно имѣютъ пріятный тонъ. Иногда являются вспышки гнѣва, который въ немногихъ случаяхъ даже преобладаетъ въ картинѣ болѣзни. Сфера воли разстраивается рѣзко. Влеченія возникаютъ въ изобиліи, быстро достигаютъ необыкновенной силы и приводятъ человѣка къ рѣшимости поступить согласно съ ними. Отсюда необыкновенная подвижность, говорливость и оживленность.

Выраженіе лица измѣнчивое. Рѣчь быстрая и крикливая. Температура повышенная. Дыханіе учащено. Аппетитъ усиленный, но пищевареніе неправильное, отчего вѣсъ тѣла падаетъ. Сонъ недостаточный.

Средняя продолжительность маніи 5—7 мѣсяцевъ. Приблизительно 80% изъ страдающихъ маніей выздоравливаетъ вполнѣ; остальные выздоравливаютъ съ дефектомъ или переходятъ въ полное слабоуміе.

Идіотизмъ; тупоуміе и старческое слабоуміе.

г) § 127. Болѣзненныя остановки въ развитіи мозга бываютъ связаны съ задержкой въ душевномъ развитіи или съ психической слабостью. Степени такой слабости разнообразны. Впрочемъ, какъ главные типы ея, можно различать идіотизмъ въ полномъ смыслѣ слова и тупоуміе.

Подъ именемъ идіотизма разумѣются тѣ тяжкія состоянія душевной слабости, которыя развиваются во время утробной жизни или въ теченіе первыхъ годовъ послѣ рожденія.

Внѣшнія чувства идіота развиты слабо. Только физическія впечатлѣнія, очень сильныя или возбуждающія его животные инстинкты, способны вызвать въ немъ ощущенія. Но и эти ощущенія отличаются неяснымъ и неотчетливымъ содержаніемъ. У однихъ идіотовъ знаніе совершенно отсутствуетъ. Они, напр., даже смѣшиваютъ своихъ родителей съ посторонними, не имѣютъ представленія о различіи пищевыхъ веществъ. Другіе пріобрѣтаютъ кое-какія элементарныя свѣдѣнія, но дальше образованія конкретныхъ представленій они не идутъ; понятія имъ недоступны. Душенастроеніе идіотовъ почти всегда безразличное. Въ рѣдкихъ случаяхъ они радуются при видѣ блестящихъ предметовъ, принимая острыя вкусовыя вещества и т. п., или же, наоборотъ, раздражаются почему-либо и злятся. Имъ незнакомы даже чувства—привязанности, любви, стыда и страха предъ угрозой или наказаніемъ. Дѣйствія идіотовъ носятъ автоматическій или инстинктивный характеръ. Подвижность свойственна далеко не каждому изъ нихъ. Нѣкоторые проявляютъ способность пѣть.

Строеніе тѣла обыкновенно представляетъ большія неправильности. Такъ, голова бываетъ то слишкомъ большая, то слишкомъ малая; замѣчается врожденная глухота или слѣпота и проч. [1]).

д) Тупоуміемъ называются всѣ тѣ многочисленныя переходныя ступени психической слабости или недоразвитія, которыя находятся между описаннымъ выше идіотизмомъ и нормальнымъ состояніемъ душевной жизни. Недостатки тупоумныхъ состоятъ въ тѣхъ же отклоненіяхъ отъ нормальнаго типа, что и у идіотовъ, и разнятся только въ степени своего выраженія.

Внѣшнія воспріятія ограничиваются наиболѣе простыми и доступными явленіями. Тупоумные располагаютъ небольшимъ количествомъ представленій. Ассоціація медленная и плохая. Память слабая. Сужденіе и выводы бываютъ несамостоятельными. Тупоумный неспособенъ самъ предусмотрѣть послѣдствій своего или чужого поступка, равно—постигнуть внутреннюю связь событій. Отсюда у него легкомысліе, легковѣріе и несообразительность. Высшія — интеллектуальныя, нравственныя и эстетическія чувствованія и стремленія остаются неразвитыми насчетъ чувственныхъ волненій и эгоистическихъ желаній. Поэтому настроеніе лишено того равновѣсія, какое обусловливается развитіемъ высшихъ сторонъ психической жизни. Апатическое состояніе по временамъ нарушается вспышками неукротимыхъ аффектовъ. Воля слабая. Иногда проявляется наклонность къ насильственнымъ поступкамъ, къ хитрости и жестокости. Тупоумнаго можно пріучить къ несложной работѣ, но его надо постоянно понукать.

е) При старческомъ слабоуміи прежде всего бросается въ глаза забывчивость субъекта. Происшедшія давно событія еще нѣсколько помнятся; но память о недавнемъ прошломъ обнаруживаетъ все болѣе и болѣе значительные пробѣлы. Способность къ умственному, даже

[1]) Идіотизмъ, возникающій эпидемически и тѣсно связанный съ зобомъ, называется кретинизмомъ. Кретинизмъ особенно встрѣчается въ гористыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Альпахъ, Пиренеяхъ.

обычному труду прекращается. Нерѣдко возникаютъ ребяческія идеи бреда. Больной предается тщеславію, хвастаетъ, напр., знатными знакомствами, или ему вдругъ станетъ казаться, что его хотятъ обокрасть, отравить и т. п. Появляется холодное равнодушіе какъ ко всему вообще, волновавшему прежде душу, такъ частнѣе ко благу родственниковъ. Одни только личные интересы постоянно безпокоятъ старика, страдающаго слабоуміемъ. Малѣйшее ихъ нарушеніе кѣмъ-либо приводитъ его въ сильное возбужденіе и даже аффектъ. Часто къ этому присоединяется необыкновенная предпріимчивость. Больной много болтаетъ, строитъ нелѣпые планы, совершаетъ безразсудные поступки. Даже по ночамъ онъ ведетъ себя неспокойно.

Первые признаки старческаго слабоумія могутъ появиться не раньше 60-хъ годовъ. Исходомъ бываетъ прогрессирующая слабость или, вѣрнѣе говоря, смерть, хотя она не всегда наступаетъ скоро.

Причины душевныхъ болѣзней. А) Предрасполагающія причины.

§ 128. Всѣ разнообразныя причины душевныхъ болѣзней, въ видахъ удобства ихъ разсмотрѣнія, принято дѣлить на предрасполагающія и производящія. Первыя коренятся въ особенностяхъ природы человѣка и въ общихъ условіяхъ его жизни; ими обусловливается возможность психическаго заболѣванія. Къ производящимъ причинамъ относятся всѣ тѣ обстоятельства, которыя вызываютъ наружу психозъ, скрыто коренившійся въ субъектѣ. Впрочемъ, строгой границы между тѣми и другими причинами провести нельзя; одно и то же обстоятельство, напр., пьянство, иногда предрасполагаетъ къ душевной болѣзни, а иногда ее вызываетъ.

Предрасполагающія причины можно подраздѣлить на общія, которыя простираются на опредѣленныя группы лицъ, и частныя или индивидуальныя, имѣющія значеніе только для отдѣльнаго лица.

а) Къ общимъ причинамъ относятся: полъ, возрастъ, семейное положеніе, раса и національность, цивилизація,

религія, политическія вліянія, духъ времени, географическія условія и условія метеорологическія.

Наибольшее число психическихъ заболѣваній приходится на возрастъ между 25—50 годами. Хотя способность сопротивленія вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ въ этотъ періодъ, несомнѣнно, наибольшая, но количество такихъ вліяній нарастаетъ въ болѣе быстрой прогрессіи [1]). Возрастъ имѣетъ значеніе и для формы психоза. У дѣтей чаще бываетъ идіотизмъ, у стариковъ—старческое слабоуміе. Мужчины и женщины даютъ приблизительно одинаковый процентъ душевно-больныхъ. Однѣ болѣзни, напр., сумасшествіе, алкоголизмъ, встрѣчаются преимущественно у мужчинъ, другія, какъ различные виды истерическаго помѣшательства,—у женщинъ. Такъ какъ лица, стоящія внѣ брака, больше и чаще позволяютъ себѣ злоупотребленіе различными эксцессами или же ведутъ жизнь крайне аскетическую, то между ними бываетъ больше психически больныхъ, чѣмъ между женатыми и замужними.

Умственный трудъ ученыхъ и учащихся, связанный съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ мозга, биржевая игра, соединенная съ сильными душевными волненіями, работа на заводахъ при крайне высокой температурѣ, военная служба, сценическое искусство и многія другія занятія, каждое своимъ путемъ можетъ предрасполагать къ душевной болѣзни.

Вліяніе расы и національности трудно выяснить за недостаткомъ статистическихъ данныхъ. Кажется, европейская группа народовъ даетъ бо̀льшій процентъ психическихъ заболѣваній, но причиною этого, конечно, далеко не однѣ расовыя особенности. Между однѣми народностями чаще всего встрѣчаются одни психозы, между другими—другіе. Такъ, кельты и южно-европейскіе народы болѣе расположены къ маніакальнымъ формамъ душевныхъ болѣзней.

---

[1]) Крэпелинъ. Краткое руководство по психіатріи. 1891.

Параллельно съ развитіемъ цивилизаціи увеличивается число душевно-больныхъ. Это объясняется, прежде всего, усиленіемъ конкуренціи, благодаря чему, не только для достиженія благосостоянія, но нерѣдко и для пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ къ жизни требуется чрезмѣрное какъ физическое, такъ и душевное напряженіе. Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что рядомъ съ цивилизаціей обыкновенно идутъ: жизнь въ большихъ городахъ при плохихъ гигіеническихъ условіяхъ, переутомленіе мозга, различныя излишества, безсонныя ночи и т. п.

„Религія сама по себѣ не имѣетъ вліянія на заболѣваніе психозами, но религіозный фанатизмъ и суевѣрія иногда подготовляютъ почву для душевныхъ болѣзней [1]).

Послѣ политическихъ переворотовъ число душевнобольныхъ увеличивается. То же наблюдается и въ переходныя эпохи, когда старые устои жизни подвергаются ломкѣ, а новые еще недостаточно окрѣпли, и люди легко, такъ сказать, теряютъ подъ собою почву.

Значеніе географическихъ условій видно изъ того, что нѣкоторыя формы болѣзней преимущественно развиваются въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Жаркая пора года способствуетъ какъ новому заболѣванію маніакальными формами психозовъ, такъ и обостренію хроническихъ душевныхъ болѣзней. Душевныя болѣзни съ угнетеннымъ настроеніемъ чаще наступаютъ осенью.

б) Къ индивидуальнымъ предрасполагающимъ причинамъ душевныхъ болѣзней относятся: наслѣдственность, физическое и душевное воспитаніе, особенности личнаго характера и условія, вліяющія на развитіе организма до рожденія.

Число психическихъ заболѣваній, объясняющихся наслѣдственной передачей, весьма значительно: приблизительно изъ четырехъ душевно-больныхъ у одного болѣзнь зависитъ именно отъ этой причины. Природное предрасположеніе обнаруживается въ признакахъ вырож-

---

[1]) Корсаковъ. Психіатрія.

денія, т.-е. въ отсутствіи внутренняго равновѣсія и въ безсиліи человѣка бороться съ вредными жизненными вліяніями.

Неудовлетворительное физическое воспитаніе, выражающееся въ плохомъ общемъ питаніи дитяти или юноши и вмѣстѣ нерѣдко въ недостаткѣ движеній, чистаго воздуха и пр., естественно, дурно отражается на питаніи головного мозга—орудія или органа души и поэтому приводитъ къ умственной утомляемости, къ пониженію или извращенію чувственной реакціи. При продолженіи подобныхъ условій въ концѣ концовъ появляется общее психическое притупленіе, а въ иныхъ случаяхъ даже настоящій идіотизмъ.

Чрезмѣрное развитіе одной душевной способности въ ущербъ другимъ можетъ привести къ печальнымъ результатамъ. Одно обученіе, подготовляющее необузданнаго нравственнаго калѣку, преимущественное развитіе сердечной области, вырабатывающее болѣзненно-отзывчиваго тупицу, усиленное возбужденіе фантазіи — все это дѣлаетъ субъекта расположеннымъ къ той или иной душевной болѣзни. Частнѣе, касаясь одного обученія, нельзя не упомянуть о вредѣ, причиняемомъ излишнимъ обремененіемъ памяти такими познаніями, которыя не возбуждаютъ никакого интереса и дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на творчество воображенія и на способность разсудка.

Благодаря индивидуальнымъ свойствамъ своего характера, человѣкъ подвергается тѣмъ или инымъ вліяніямъ, способнымъ вызвать въ немъ душевное заболѣваніе. Такъ, лѣнивый и хвастливый будутъ, конечно, встрѣчать частыя оскорбленія, а это можетъ благопріятствовать ненормальному измѣненію душевнаго ихъ строя.

Подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ условій органической жизни до рожденія или въ первое дѣтство иногда образуется предрасположеніе къ душевной болѣзни. Такое вліяніе могутъ имѣть—неправильные роды,

питаніе молокомъ истощенной или предающейся пьянству кормилицы, употребленіе въ раннемъ дѣтствѣ водки, — болѣзни: рахитизмъ, скарлатина и др.

Б) Производящія причины.

§ 129. Производящія или, точнѣе, вызывающія причины обыкновенно дѣлятся на психическія и соматическія и тѣлесныя.

а) Къ психическимъ производящимъ причинамъ относятся: аффекты, вліяніе примѣра, тюремное заключеніе и война. Двѣ послѣднія причины правильнѣе было бы назвать смѣшанными.

Сильныя душевныя потрясенія несомнѣнно могутъ служить толчкомъ къ обнаруженію психической болѣзни. Чаще всего къ помѣшательству ведутъ пассивные аффекты, напр., страхъ, испугъ, озабоченность, горе, раскаяніе. Но бываютъ случаи помѣшательства и отъ аффектовъ активныхъ, напр., отъ радости.

Примѣръ, вліяя на впечатлительныхъ лицъ, также служитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ производящей причиной душевныхъ болѣзней. Иногда, у нѣсколькихъ лицъ, живущихъ въ тѣсномъ единеніи, одновременно или чрезъ короткіе промежутки времени развивается одинаковое психическое разстройство. Сюда должно отнести и случаи самоубійства цѣлыми семьями.

Дурная пища, недостатокъ движеній и чистаго воздуха, прежній порочный образъ жизни, угрызенія совѣсти, наслѣдственное предрасположеніе, и иногда одиночество лицъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ, объясняютъ намъ, почему у нихъ нерѣдко появляются душевныя болѣзни ($2^0/_0$—$3^0/_0$).

Война представляетъ много условій, благопріятныхъ для развитія помѣшательства среди военнаго сословія. Укажемъ: травмы головы, острыя соматическія болѣзни, физическое истощеніе, чувство страха, тоска по родинѣ, безпокойство по покинутой семьѣ, печаль по убитымъ роднымъ и товарищамъ и т. д.

б) Перечислимъ кратко физическія предрасполагающія причины. Сюда относятся общія тѣлесныя болѣзни: тифъ,

оспа, скарлатина, рожа, перемежающаяся лихорадка, плевритъ, воспаленіе легкихъ, холера, малокровіе, бѣлокровіе, бугорчатка, а главное, сифилисъ. Болѣзни отдѣльныхъ органовъ: желудка и кишекъ, сердца и кровеносныхъ сосудовъ, легкихъ, почекъ и половыхъ органовъ, роды и послѣродовой періодъ, острое и хроническое отравленіе алкоголемъ, опіемъ, морфіемъ, кокаиномъ, окисью углерода и органическими ядами. Нервныя болѣзни: воспаленія оболочекъ головного мозга, гнѣздныя заболѣванія (кровоизліянія, размягченія, новообразованія), болѣзни спинного мозга, эпилепсія, истерія и др.

§ 130. Къ кратковременнымъ патологическимъ душевнымъ состояніямъ относятся: экстазъ, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ и др.

Кратковременныя патологическія душевныя состоянія: 1) Экстазъ. 2) Сомнамбулизмъ.

1) Въ состояніи экстаза человѣкъ такъ сильно сосредоточиваетъ свое вниманіе на одномъ чувствѣ или на одной идеѣ, что въ это время окружающій реальный міръ какъ бы перестаетъ для него существовать. Внѣшнія впечатлѣнія или не доходятъ до сознанія, или доходятъ лишь урывками. Произвольныя движенія прекращаются. Дѣятельность внутреннихъ органовъ тѣла часто понижается до „minimum'a".

При каталептической формѣ экстаза больной совершенно неподвиженъ. Въ другихъ случаяхъ крайне живое представленіе или чувство непроизвольно выражается наружу въ особыхъ движеніяхъ. На лицѣ бываетъ написанъ сильный ужасъ или восторгъ, радость.

Экстазъ имѣетъ различныя степени. Его продолжительность неодинакова. Обыкновенно онъ является періодически, припадками. На извѣстной ступени экстазъ сопровождается иллюзіями и галлюцинаціями, которыя возникаютъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе истощена нервная система, вслѣдствіе ненормальнаго ея возбужденія, непомѣрнаго физическаго труда и другихъ причинъ.

Относительно экстатиковъ, между прочимъ, разсказываютъ, что во время припадка у нихъ иногда появляются способности, которыми они не обладали въ нор-

мальномъ обычномъ состояніи. Такъ люди необразованные произносятъ краснорѣчивыя проповѣди или говорятъ на языкѣ, которому не обучались. Подобные случаи можно объяснять тѣмъ, что слова проповѣди или иностраннаго языка экстатикъ когда-либо слыхалъ. Въ состояніи крайняго психическаго напряженія, какое бываетъ при экстазѣ, онъ способенъ проявлять умственную дѣятельность, въ нормальномъ состояніи ему не свойственную, пользуясь матеріаломъ, раньше хранившимся въ его памяти [1]).

2) Сомнамбулизмомъ или лунатизмомъ называется такое состояніе, при которомъ человѣкъ, будучи погруженъ въ глубокій сонъ, подымается съ постели, ходитъ, предается своимъ обычнымъ занятіямъ—читаетъ, пишетъ, производитъ вычисленія, составляетъ стихи, часто выполняетъ необычайныя и притомъ сложныя дѣйствія съ поразительною увѣренностью и точностью. Сомнамбулистическіе приступы обыкновенно происходятъ ночью, послѣ нѣсколькихъ часовъ сна и продолжаются болѣе или менѣе значительное время. Потомъ лунатикъ опять ложится, спитъ и по пробужденіи никогда не помнитъ, что происходило съ нимъ ночью.

Особаго вниманія заслуживаетъ состояніе внѣшнихъ чувствъ при лунатизмѣ. Слуховыя раздраженія воспринимаются. Сомнамбулу можно побудить словами къ совершенію извѣстныхъ поступковъ. Если назвать его по имени, онъ поворачивается, всматривается, хотя ничего не видитъ. Вкусовыя и обонятельныя ощущенія также ему доступны. Осязаніе у лунатиковъ весьма тонко и остро. Но зрительныхъ ощущеній они не получаютъ въ большинствѣ случаевъ, хотя глаза у нихъ и открыты: они только грезятъ.

У лунатика, безъ его вѣдома, можно отнять бумагу, на которой онъ пишетъ. Онъ зажигаетъ свѣчу въ ярко

---

[1]) Въ состояніи экстаза впадали нѣкоторые философы, поэты, артисты (Сократъ, Гофманъ, Моцартъ). Особенно часто мы встрѣчаемъ это вліяніе въ исторіи мистицизма.

освѣщенной комнатѣ. Правда, нѣкоторыя дѣйствія сомнамбулъ носятъ такой характеръ, какъ будто онъ видитъ. Напр., онъ иногда дѣлаетъ поправки въ рукописи. Объясненіе сему, по мнѣнію Симона, слѣдуетъ искать въ томъ, что лунатикъ, получая осязательныя ощущенія отъ интересующаго его предмета, создаетъ соотвѣтствующіе имъ галлюцинаторные образы. Поэтому онъ продолжаетъ писать на чистомъ листѣ бумаги фразу, начатую на отнятомъ: онъ не видитъ дѣйствительно написаннаго, но видитъ объектированный зрительный его образъ, который остается и на новомъ листѣ. Такую роль въ отношеніи къ зрѣнію могутъ брать на себя, хотя и гораздо рѣже, другія внѣшнія чувства.

Душевная жизнь при лунатизмѣ не ограничивается воспріятіемъ различныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, кромѣ зрительныхъ. И всѣ психическія силы, какъ при вполнѣ нормальномъ снѣ, не остаются въ бездѣйствіи. Ихъ дѣятельность выражается въ образованіи сновидѣній лунатика, въ которыхъ галлюцинаціи зрѣнія и ощущенія остальныхъ чувствъ являются болѣе или менѣе существеннымъ элементомъ [1]).

3) § 131. Согласно французскому ученому Шарко, обыкновенно различаютъ три фазы гипнотизма или искусственнаго сна, послѣдовательно смѣняющія другъ друга, а именно: летаргическую, каталептическую и сомнамбулистическую. 3) Гипнотизмъ.

Летаргія вызывается поглаживаніемъ лица или медленными пассами въ одномъ направленіи, однообразнымъ тиканіемъ часовъ, продолжительнымъ нюханіемъ мускуса или подъ вліяніемъ безпрерывной фиксаціи блестящаго предмета, или, наконецъ, даже однимъ приказаніемъ гипнотизера „спите“. При искусственной летаргіи мышцы разслабляются, теряется чувствительность органовъ чувствъ, прекращаются произвольныя движенія, ослабѣваетъ дыханіе, замедляется кровообращеніе. Что касается психи-

[1]) Сновидѣнія лунатика, отличающіяся необыкновенною живостью, бываютъ причиной его дѣйствій.

ческой жизни, то она какъ бы пріостанавливается; по крайней мѣрѣ она ничѣмъ себя не обнаруживаетъ во снѣ. Возвращеніе къ нормальному состоянію достигается однимъ дуновеніемъ гипнотизера въ глаза спящаго или приказаніемъ ему проснуться.

Въ каталептическую фазу отъ летаргіи усыпленный переводится открытіемъ у него вѣкъ. Она можетъ быть вызвана и непосредственно путемъ внезапнаго сильнаго слухового или свѣтового раздраженія. Замѣчательно, что если открыть усыпленному одинъ глазъ, напр., правый, то послѣдуетъ каталенсія только одной половины тѣла, также правой. Эта фаза гипнотизма отличается возможностью внушенія чрезъ мышечное чувство. При легкомъ поглаживаніи какого-нибудь мѣста кожи происходитъ сокращеніе сперва соотвѣтствующаго ему мускула, потомъ ближайшихъ, а затѣмъ и дальнѣйшихъ. Придавая усыпленному ту или другую позу, гипнотизеръ вызываетъ въ немъ и соотвѣтствующее ей настроеніе, причемъ и вся мимика мѣняется. Такъ, когда сжать руку каталептика въ кулакъ, то каталептикъ моментально принимаетъ угрожающій видъ. Психическая дѣятельность при этой фазѣ вообще бываетъ сильно понижена.

Сомнамбулизмъ—самая интересная фаза гипноза. Слабое треніе или легкое давленіе на темя переводитъ человѣка какъ изъ летаргическаго, такъ изъ каталептическаго сна въ стадію сомнамбулизма. Иногда усыпляемый сразу становится сомнамбулой, минуя первыя двѣ фазы гипноза. Въ этомъ состояніи впечатлительность всѣхъ органовъ чувствъ необыкновенно повышается. Сомнамбула читаетъ мельчайшій шрифтъ на самомъ далекомъ разстояніи, слышитъ самый тихій шопотъ, по запаху узнаетъ отдѣльные лица и предметы, съ поразительной легкостью совершаетъ самыя головоломныя путешествія, сохраняя полное равновѣсіе и обходя всѣ препятствія. Вмѣстѣ съ способностью ощущенія обыкновенно усиливаются также и другія познавательныя способности, особенно память о давно происшедшихъ событіяхъ.

Съ психологической точки зрѣнія внѣшнее вліяніе на волю и вообще психическую дѣятельность субъекта прежде всего и болѣе всего отличаетъ гипнозъ отъ обыкновеннаго сна. Уже въ состояніи летаргіи человѣкъ не можетъ открыть глазъ или совершить движеніе безъ повелѣнія гипнотизера. Въ сомнамбулистической же фазѣ внушеніе распространяетъ свое вліяніе на всѣ области душевной жизни. Усыпленный ощущаетъ, чувствуетъ и желаетъ только то, что ему прикажетъ гипнотизеръ. Такъ стаканъ воды онъ, по внушенію, принимаетъ за шампанское и пьетъ ее со всѣми признаками удовольствія, но если ему затѣмъ скажутъ, что это чернила, то онъ выплевываетъ ее съ такими же признаками отвращенія; ему говорятъ, что онъ въ пустыни и вблизи его левъ, готовый растерзать его—онъ приходитъ въ ужасъ. Если гипнотизеръ пожелаетъ, то сомнамбула порученіе, данное ему во снѣ, выполнитъ по пробужденіи, даже по прошествіи значительнаго промежутка времени въ тотъ именно моментъ, который ему будетъ указанъ. Такое внушеніе не помнится, но съ наступленіемъ назначеннаго момента у человѣка внезапно появляется непреодолимое желаніе совершить заданное дѣйствіе, и онъ не успокоится, пока не совершитъ этого дѣйствія, но онъ не сознаетъ, что такое, иногда странное или нелѣпое, желаніе несамостоятельно у него зародилось, а внушено ему другимъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что благодаря внушенію воля совсѣмъ уничтожается въ загипнотизированномъ. Его дѣйствія и теперь остаются волевыми, въ широкомъ смыслѣ слова.

Только они несвободны, не предполагаютъ оцѣнки мотивовъ и внутренняго рѣшенія, а совершаются импульсивно, будучи обусловлены со внѣ внушеннымъ представленіемъ и стоящими съ нимъ въ ближайшей связи ассоціаціями. При потерѣ свободы активное вниманіе невозможно, въ сознаніе имѣютъ доступъ лишь явленія, соотвѣтствующія внушенію.

а б
а б

Отцы и дети

Ивань Н. Дзубай. Сабля Новинк
гуз.
R. O. S.
R. O. S.
Гончуг
Mbło mimo.

PAUL IKACH.

Demokrines

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Duke University Libraries
D02706276U